

ISSN 2410-2415

РОССИЯ И МИР
ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

2 (16)

2018

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 1 декабря 2015 г.). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала — публикация материалов по специальности: «исторические науки и археология», «экономические науки», «политология».

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2018 г. — 94182.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. — главный редактор, д.п.н.
Аникин В.И. — д.э.н.
Гаврилова С.М. — к.и.н.
Годованюк К.А. — к.п.н.
Иванов О.П. — д.п.н.
Каширина Т.В. — д.и.н.
Кукарцева М.А. — д.ф.н.
Липкин М.А. — д.и.н.
Маслакова-Клауберг Н.И. — к.п.н.
Мастепанов А.М. — д.э.н.
Мозель Т.Н. — д.п.н.
Неймарк М.А. — д.и.н.
Ногмова А.Ш. — к.п.н.
Развин П.А. — к.э.н.
Рудов Г.А. — д.п.н.
Сидорова Н.П. — к.п.н.
Чудодеев А.Ю. — к.и.н.
Юнгблюд В.Т. — д.и.н.

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2,
стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель:

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2,
стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

© Дипломатическая академия МИД
России, 2018

© Оформление. ООО «ИТК «Дашков и К°»,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Бажанов Е.П.</i> Роль Китая в мире и политика России	6
<i>Руднева А.О.</i> Форсирование экономического развития России в условиях современных вызовов и угроз.	18
<i>Костикова А.А., Спартак С.А.</i> Партнерство государства и бизнеса в международных отношениях	32

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Ногмова А.Ш.</i> Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации	50
<i>Сидоров Д.А., Бойков С.С.</i> О правоэкстремистских настроениях в современной Германии	60
<i>Годованюк К.А.</i> Брекзит как ключевой фактор британской политической жизни	71
<i>Тутаева Н.И.</i> Политические аспекты участия России в ФАО	85
<i>Дониц Т.Г.</i> Эволюция стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства».	96
<i>Алексамян Л.М.</i> Вопрос репатриации турок-месхетинцев в контексте турецко-грузинских отношений	108
<i>Живора Л.И.</i> Территориальные споры в Восточно-Китайском море и другие проблемы в свете китайско-японских отношений	117
<i>Шангараев Р.Н.</i> Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке	127
<i>Павлова В.Ю.</i> Внешняя политика Иордании в условиях сирийского кризиса . . .	136
<i>Боровский Ю.В.</i> Препятствия на пути экспорта российских энергоносителей: конкуренция или соперничество	148

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Шутов А.Д.</i> Русские и финно-угорские народы России	158
<i>Пономарев М.В.</i> Уроки Пражской весны: чехословацкий кризис 1968 года в ретроспективе истории мирового социализма	173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мосолова Д.О.</i> Образ Н.Е. Бажановой – вдохновение для молодых ученых (Рецензия на корейское издание книги «Светлый мир Натальи Бажановой») . . .	189
К сведению авторов	197

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue — 4 times per year.

Academic periodic journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World» is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on December 1, 2015. The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The mission of the journal is to publish materials on the specialties: «historic sciences and archeology», «economic sciences», «political science», as well as to hold «round tables».

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia» may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in «The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals» for the 2nd half of 2018 r. – 94182.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov — Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Svetlana Gavrilova, PhD (History)
Kira Godovanyk, PhD (Political Science)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Marina Kukartseva, DSc (Philosophy)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Natalya Maslakova-Klauberg, DSc (Political Science)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Tatiana Mozel, DSc (Political Science)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Petr Razvin, PhD (Economics)
Georgy Rudov, DSc (Political Science)
Nadezhda Sidorova, PhD (History)
Alexander Chudodeev, PhD (History)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher:

Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg.No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors' opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2018

© Page make-up: Publishing and trading Corporation «Dashkov & Co.», 2018

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Evgeny Bazhanov.</i> China's role in the world and Russia's policy	6
<i>Anastasiya Rudneva.</i> Speeding up of economic growth of Russia in the conditions of modern challenges and threats	18
<i>Anna Kostikova, Sergey Spartak.</i> State and business partnership in international relations	32

REGIONAL PROBLEMS

<i>Adelina Nogmova.</i> The forms and strategies of international cooperation of the Russian Federation's border regions	50
<i>Dmitry Sidorov, Semyon Boykov.</i> To the issue of the right-wing extremist attitudes in contemporary Germany	60
<i>Kira Godovanyuk.</i> Brexit as the key factor of British political life	71
<i>Natalia Tutaeva.</i> Political Aspects of Russia's Participation in the FAO Activities	85
<i>Tatiana Donich.</i> Transformation of the EU Strategy towards «Eastern Partnership» countries	96
<i>Larisa Aleksanyan.</i> The issue of repatriation of Meskhetian Turks in the context of Turkish-Georgian relations	108
<i>Larisa Zhivora.</i> Territorial disputes in the East China Sea and other problems in the light of China-Japan relations	117
<i>Ruslan Shangaraev.</i> Kurdish issue in Turkey's foreign policy in the Middle East	127
<i>Vera Pavlova.</i> Foreign policy of Jordan in the conditions of the Syrian crisis	136
<i>Yury Borovsky.</i> Hurdles hampering Russia's oil and natural gas exports: competition or rivalry	148

HISTORY AND RELIGION

<i>Anatoly Shutov.</i> Russian and Finno-Ugric peoples of Russia	158
<i>Michail Ponomarev.</i> Lessons of the Prague Spring: Czechoslovak Crisis of 1968 in the retrospective of the history of world socialism	173

ACADEMIC LIFE

<i>Daria Mosolova.</i> Natalia Bazhanova – a Muse for the Young Scientists (The review of the Korean edition of the book «Natalia Bazhanova: A Radiant Life»)	189
Notice to the authors	197

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Роль Китая в мире и политика России

China's role in the world and Russia's policy

Е.П. Бажанов

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, ректор Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье исследуется политика Китая на современном этапе, а также российско-китайские отношения, которые развиваются в условиях возрастающей международной нестабильности. Проанализированы факторы, которые определяют заинтересованность двух стран в расширении взаимного сотрудничества на долгосрочной основе.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, Китай, двусторонние отношения, дипломатия.

Abstract: the article examines China's policy at the present stage, as well as Russian-Chinese relations, developing in conditions of increasing international instability. The factors that determine the interest of the two countries in the expansion of mutual cooperation on a long-term basis are analyzed.

Key words: world politics, Russia, China, bilateral relations, diplomacy.

Российско-китайские связи, в основе которых лежит стратегическое партнерство, комплексно охватывают политику, экономику, науку и технику, культуру, образование и нацелены на укрепление безопасности России

и Китая, стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом. Это нашло наглядное подтверждение в обновленной Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Президентом В.В. Путиным 31 декабря 2015 г.: «Российская Федерация развивает отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой, рассматривая их как ключевой фактор поддержания глобальной и региональной стабильности».

Президент России В.В. Путин, отмечая значение выбора России в качестве первой остановки в заграничном туре 2013 г. нового председателя КНР Си Цзиньпина, подчеркнул, что это говорит об особом характере отношений между нашими двумя странами: «Сегодня российско-китайские отношения находятся на подъеме и переживают лучший период за свою многовековую историю. Их отличает высокая степень взаимного доверия, уважение интересов друг друга, поддержка по жизненно важным вопросам, подлинно партнерский и всеобъемлющий характер».

Несмотря на неблагоприятный геополитический фон – кризисные явления в мировой экономике, резкое обострение международной обстановки – межгосударственное взаимодействие между Россией и Китаем развивается по нарастающей. Оно базируется на реальной и долгосрочной заинтересованности обеих стран в тесном сотрудничестве друг с другом. Такая заинтересованность обуславливается следующими важными факторами.

1. *Реакция на изменение баланса сил в мире в пользу США.* Геополитическое наступление США, начавшееся вслед за распадом СССР и направленное на создание однополюсного мира под эгидой Вашингтона, категорически не устроило Пекин. Как следствие, все последние годы Китай стремился к сближению с Россией – с тем, чтобы не допустить американскую гегемонию, добиться многополюсности в международных отношениях, заставить Вашингтон считаться с китайскими интересами, идти на уступки в различных областях.

В результате совпадения геополитических устремлений Москва и Пекин развивают стратегическое партнерство, находящее выражение в конкретных практических результатах (в частности, создание ШОС, военное сотрудничество). Идентичность взглядов на глобальную обстановку способствует координации позиций сторон по многим актуальным международным проблемам (Корея, Ирак, Иран, Афганистан, Центральная Азия, расширение НАТО, Балканы, противоракетная оборона, терроризм и т.д.). Руководители России и КНР постоянно подчеркивают, что особое значение имеет российско-китайское взаимодействие в таких ключевых областях, как повышение авторитета и роли ООН, отстаивание примата международного права в мировых делах, поддержание стратегической стабильности. При этом неизменно оттеняется тот факт, что Москва и Пекин не

намерены вступать в военный союз, что их сотрудничество не направлено против третьих стран, что каждая из сторон проводит открытую политику, заинтересована в партнерстве с США и Западом в целом.

Есть основания полагать, что геополитические установки Китая не изменятся, он по-прежнему будет добиваться многополюсности в международных отношениях и нуждаться в поддержке России в его создании.

2. Успешное урегулирование двусторонних проблем, оставленных историей. Важную роль в возведении прочного фундамента российско-китайских отношений сыграло урегулирование острых проблем прошлого – пограничной и военного противостояния. В результате РФ и КНР перестали рассматривать друг друга в качестве потенциальных противников. Китайские доктрины национальной безопасности и внешней политики квалифицируют Россию как дружественное государство.

3. Преодоление политико-идеологических разногласий. Низвержение КПСС и распад СССР вызвали в китайском руководстве шоковую реакцию. Произошедшее было воспринято как мощнейший удар по делу социализма, угроза стабильности в Евразии и в мире в целом. Китайское руководство особенно опасалось того, что события в соседней стране окажут тлетворное влияние на политико-идеологическую обстановку внутри КНР (и так сложную после тяньаньмэньских событий 1989 г.). В Китае не исключали даже, что Москва начнет поддерживать диссидентов, встанет на сторону Тайбэя в его споре с Пекином.

Довольно скоро, однако, китайцы убедились, что в результате изменений в российском истеблишменте, эволюции взглядов либеральных деятелей, охлаждения энтузиазма населения России к радикальному реформированию общества КНР перестала восприниматься россиянами как идеологически чуждая страна. Напротив, Китай для многих стал своего рода идейным маяком, примером того, как надо проводить реформы, сохраняя все лучшее из прошлого, поддерживая стабильность и неуклонно улучшая жизнь населения. КНР стала даже идеализироваться – сложные социально-экономические, этнические, идеологические и другие проблемы в этой стране не замечаются или же интерпретируются как «незначительные». Все чаще высказывается сожаление, что М.С. Горбачев и его сменщики не повели страну по китайскому пути. Коммунисты заявляют, что надо было сохранить в СССР социалистический строй и власть КПСС, и наше многонациональное государство не только не распалось бы, а, напротив, вырвалось бы по всем показателям в мировые лидеры.

Приукрашивая китайскую действительность и шельмуя советскую перестройку, коммунисты-ортодоксы забывают о том, что сами они обвиняли Пекин на заре его реформ в буржуазном перерождении и мешали Горбачеву использовать китайский опыт. Хотя, по большому счету, рефор-

мы не могли развиваться по китайскому сценарию в силу огромных различий между двумя странами, неодинаковой ситуации, в которой они находились на пороге реформенного процесса. Обозначим эти различия.

- *Внутриполитическая обстановка.* Китайское общество пребывало в полном хаосе в результате безумной «культурной революции». Подавляющему числу китайцев в 1978 г. было очевидно, что жить дальше так нельзя, что необходимы коренные перемены. В СССР в 1985 г. дело обстояло по-другому: Союз оставался сверхдержавой, экономика которой продолжала функционировать; в стране в целом сохранялись социальная стабильность, порядок, управляемость. Многие советские руководители и простые граждане осознавали целесообразность перемен, но мыслили их ограниченными, в рамках действующей системы.

В неодинаковом состоянии находился партгосаппарат в двух странах. В Китае его власть, мощь, единство были основательно подрваны перипетиями «культурной революции», он не мог оказывать реформам организованного сопротивления; более того, многие его подразделения с самого начала решительно отмежевались от реалий 1960–1970-х гг. В СССР аппарат, напротив, крепко держал бразды правления страной в своих руках, был спаян групповой поручкой, общими интересами и был готов противостоять любым покушениям на его прерогативы.

Совсем разные фигуры оказались во главе реформенного движения в двух коммунистических государствах. В Пекине «на трон» взмошел многоопытный деятель революционного поколения Дэн Сяопин. Он располагал колоссальным авторитетом и мог позволить себе самые смелые шаги. В СССР бремя реформ легло на плечи молодого провинциального партийного работника, который, особенно на первых порах, способен был экспериментировать лишь в очень узких рамках, заданных традицией и позициями старой гвардии. Как следствие, первые же реформаторские акции Дэна были глубокими и далеко идущими, в то же время Горбачев вынужденно маневрировал и решался лишь на незначительные перемены, зачастую бессмысленные или даже вредные.

- *Социально-экономические условия.* Китай оставался аграрной страной. 80% населения составляли крестьяне, большинство из которых жаждало обретения прав на самостоятельный труд на земле. Дэн Сяопин предоставил такое право. Деревня ожила, взметнулись вверх производственные показатели, и реформы вскоре вынуждены были принять даже скептики. Добившись прогресса на главном, сельскохозяйственном направлении, Дэн Сяопин обратился к реформированию промышленности и других отраслей экономики.

Перед Горбачевым стояли иные приоритеты: хребтом советской экономики являлся военно-промышленный комплекс. Чтобы оздоровить народное

хозяйство, нужно было решительно сократить военное производство и коренным образом реструктурировать экономику. Но военно-промышленный комплекс и накрепко связанный с ним весь партгосаппарат отнюдь не желали такого удара по собственным финансовым и властным позициям. Не могли они воспринять подобного реформирования и идеологически: им представлялось, что СССР окружен врагами. Правящий класс по существу блокировал перемены в ключевых отраслях экономики. Что касается сельского хозяйства, то там инициативу Горбачева сковывали пятидесятилетние колхозно-совхозные традиции, ненависть как сельских, так и городских аппаратчиков к переменам, отсутствие в деревне сколько-нибудь серьезной прослойки тружеников, готовых к частному фермерскому труду.

Следует учитывать и то, что гораздо более развитую, многоотраслевую и многопрофильную экономику в СССР было тяжелее перестраивать, чем традиционную и примитивную экономику КНР. Труднее приучить жить по-новому и сложный социальный организм более развитого государства с громадной прослойкой людей, связанных с управлением, обороной, безопасностью. Немаловажно, что в Советском Союзе социальное обеспечение находилось на сравнительно высоком уровне, удержать который в ходе реформенного процесса было непросто. В Китае соцобеспечение пребывало в зачаточном состоянии, и население не пострадало от начавшихся реформ.

• *Внешняя политика.* СССР и КНР приступили к реформированию в несхожих внешних условиях. К концу 1970-х гг. Пекин сумел наладить тесные военно-политические связи с Западом. США и их союзники охотно стали помогать Китаю. Особую активность проявляли зарубежные китайцы, располагавшие мощным экономическим потенциалом.

СССР не мог мечтать о такой зарубежной помощи. Программой максимум Кремля на первоначальном этапе было обуздание гонки вооружений, обескровливавшей страну. Этой цели можно было достигнуть, лишь наступив «на мозоль» собственному ВПК, изменив мировоззрение и функции всего правящего класса. Иначе разрядку не допустила бы внутренняя оппозиция, и на нее не согласился бы Запад, в свою очередь «заключенный» на продолжении холодной войны.

Все упомянутые факторы очень скоро убедили М.С. Горбачева и его окружение, что сами по себе экономические преобразования не получатся. В 1987 г. Горбачев провозгласил политику демократизации как средство пробуждения энергии народа, направления ее на слом антиперестроечных позиций партгосаппарата и ВПК. Таким образом, Горбачев вначале попытался реформироваться по-китайски, с экономики, но натолкнулся на непреодолимые препятствия. Тогда и отдал приоритет политическим и идеологическим реформам.

Демократизация неизбежно привела к размыванию фундамента тоталитарного режима: высвободила центробежные силы в национальных республиках, породила политико-идеологическую оппозицию коммунистической партии. Общество расслоилось, развернулась острая борьба между различными политическими группами, идеологическими течениями, социальными группами, между центром и провинцией, республиками, этносами. Политический кризис сделал плохо управляемыми экономические процессы. Центр уже не был в состоянии разработать единую комплексную стратегию экономических преобразований. Тем более не мог он реализовать такую стратегию на практике. В итоге, не поддавшись реформированию, коммунистический режим рухнул, а заодно с ним и управлявшееся им многонациональное государство.

Возвращаясь в постсоветскую эпоху, отметим, что в КНР в свою очередь ослабевали идеологические предубеждения и страхи в отношении России. Развитие событий укрепляло у китайских властей убежденность, что антикоммунистической угрозы из Москвы больше не исходит. Российский истеблишмент уже не помышлял влиять на КНР. Видя кризисную ситуацию в России, китайская интеллигенция, включая диссидентов, перестала смотреть на Москву как на ориентир. Китайские официальные лица в частном порядке в шутку даже благодарили российских радикальных реформаторов за то, что они «успокоили» диссидентов. В начале 1992 г. Пекин подумывал об отзыве китайских студентов из российских вузов из-за опасений, что они заразятся антикоммунизмом.

4. Близость приоритетов внутреннего развития. Заинтересованность КНР в мирном внешнем окружении. Со временем идеологические разногласия между российскими и китайскими властями не только ослабли, но и появилось ощущение определенной общности целей в области внутреннего развития двух государств. В китайских правительственных кругах стали отмечать, что, по сути, Россия и Китай решают одинаковые задачи: и россиянам, и китайцам необходимо найти рецепты устойчивого развития; для обеих стран главное – это внутренние реформы, все остальное должно быть подчинено им. Некоторые специалисты начали относить Россию и КНР к одной категории стран – переходных, ищущих новую модель развития, которая совмещала бы западные рыночные принципы с национальной спецификой в области политического устройства, социальных устоев, идейных установок, культурных традиций.

Решение схожих задач открыло возможности для обмена опытом, совместных мероприятий, объединения усилий в различных областях, и способствует закреплению гармоничных отношений между Москвой и Пекином. Китайцы с удовольствием делятся опытом реформ с россиянами,

приходя к выводу, что Россия – это «не чужая» страна, что россияне уважают и готовы учиться у КНР.

При этом очевидно, что Китай сталкивается с целым ворохом болезненных проблем, поэтому продолжение и углубление реформ – абсолютно необходимый курс для Пекина.

5. *Экономическая взаимодополняемость.* Это еще один фактор, который объединяет РФ с КНР. На долгосрочную перспективу Китай будет нуждаться во все возрастающих количествах энергоносителей из Сибири и Дальнего Востока, в российских технологиях, особенно военных. Мы же, в свою очередь, хотим экспортировать энергоносители в КНР и через нее в другие страны АТР. В России заинтересованы в том, чтобы покупать в Китае товары легкой промышленности, импортировать китайскую рабочую силу, получать инвестиции из КНР.

В целом можно сделать вывод: как на нынешнем этапе, так и в обозримой перспективе Китай будет дорожить хорошими отношениями с Россией. Этот вывод подтверждается – что весьма существенно – всем ходом развития межгосударственных отношений в геополитическом «треугольнике» СССР/Россия – США – Китай.

Важнейший вопрос – особенности отношений, которые в течение многих десятилетий развиваются в рамках геополитического «треугольника» – России, США и Китая. После образования КНР в 1949 г. возник советско-китайский коммунистический блок, который бросил вызов Соединенным Штатам и возглавляемому ими западному («империалистическому») лагерю. Развернулась холодная война, перераставшая временами в «горячую» (в Корею, на Ближнем Востоке, во Вьетнаме). Москва и Пекин дружили недолго и уже в 1960-х гг. рассорились так, что принялись стрелять друг в друга на пограничной реке Уссури. Значительно уступая СССР в совокупной мощи, Китай занялся поиском попутчиков в противостоянии бывшему «старшему брату».

Американцы, к тому моменту погрязшие во Вьетнамской войне, откликнулись на изменение позиции Китая. Ситуация в рамках «большого треугольника» коренным образом изменилась: если раньше СССР и КНР совместно противодействовали США, то теперь КНР и США сплотились против Советской России. Вашингтон приступил к поставкам Пекину вооружений и обмену с ним разведывательной информацией. Переход Китая в 1979 г. на путь рыночных реформ еще больше усилил симпатии к нему за океаном. США решили способствовать перерождению коммунистического гиганта в полнокровного члена «свободного мира».

Данная конфигурация взаимоотношений в «треугольнике» оказалась недолговечной. В СССР к власти пришел М.С. Горбачев, чье «новое мышление» привело к прекращению холодной войны с Вашингтоном и с Пе-

кином. Казалось, что «большая тройка» прекратила внутренние распри и приготовилась конструктивно взаимодействовать. Однако этот период оказался недолгим. В июне 1989 г. китайские власти силой подавили выступления сторонников демократизации КНР на западный манер. Соединенные Штаты немедленно дистанцировались от Пекина и одновременно продолжили сближение с Москвой, стремясь теперь уже СССР закрепить на рельсах рыночной экономики, втянуть его в орбиту западного влияния.

После распада Советского Союза и прихода во власть прозападных демократов американцы загорелись идеей сомкнуть ряды с Россией и в китайском вопросе – в четыре руки подталкивать КНР к изменению своего строя и политики. Однако идиллия в российско-американских отношениях тоже вскоре иссякла. Ощущая себя победителями в холодной войне и опираясь на превосходство в военно-политической и экономической областях, США стали претендовать на глобальную гегемонию. Это не поддержали в России и Китае, что создало условия для их сближения.

Очевидно, что двухполюсный мир не более чем очередная американская иллюзия. Прежде всего, США и КНР не только партнеры, но и соперники. Не случайно по большинству вопросов в ООН американские и китайские представители голосуют по-разному. Позиции двух держав не совпадали по Косово, расширению НАТО, противоракетной обороне, ближневосточному конфликту, Ирану, Центральной Азии и многим другим.

Соединенные Штаты, еще недавно казавшиеся непререкаемым гегемоном современного мира, надорвались и попали в тиски жесточайшего кризиса как во внутренних, так и во внешних делах. Перспективы преодоления этого кризиса весьма туманны. Пекин, в свою очередь, не может взвалить на себя ношу мирового правителя. КНР сталкивается с целым сонмищем тяжелых внутренних проблем. Все помыслы и усилия китайского руководства направлены на то, чтобы удержать страну с населением в 1 млрд 400 млн человек на рельсах развития.

Китай пока не может предложить идеологию, которая захватила бы воображение остального человечества. Вряд ли Германия, Аргентина, Нигерия или Индия возьмут на вооружение социализм с китайской спецификой или конфуцианство. Не сложился у КНР и собственный политический лагерь. У Вашингтона, при всех его обнажившихся слабостях, – десятки союзников, у Пекина – только друзья. Для гегемонии в военном плане Китаю тоже не хватает потенциала. Пока не является КНР и главным центром притяжения в области СМИ, массовой культуры, образования, науки. И даже в мировой экономике китайская ниша еще не закрепились на командных высотах.

Следующая причина, по которой американская идея двухполюсного мира нереализуема, – неприятие ее самим Китаем. Конечно, китай-

цам льстят разговоры о величии Поднебесной, но они не только осознают свою неготовность повелевать остальным человечеством, но и считают такую политику вредной. Вот уже на протяжении трех десятилетий одним из краеугольных принципов внешней политики КНР является отказ от союзнических отношений с великими державами. Как неоднократно подчеркивалось в Пекине, такое союзничество будет препятствовать нормальным контактам с другими странами, делать Китай заложником негативных действий партнера, наносить ущерб китайским интересам.

Другой традиционный принцип внешней политики КНР – «борьба с гегемонизмом». Начиная с 1970-х гг. Пекин неизменно декларирует, что возражает против любого гегемонизма, «откуда бы он ни исходил», «противодействует всем, кто где-либо добивается гегемонии, решительно выступает против агрессии и экспансии, кто бы и где бы к ним ни прибежал». В прошлом особый акцент делался на необходимости противостояния «гегемонизму двух сверхдержав, СССР и США», которые, мол, «дерутся и одновременно сговариваются, пытаются распорядиться судьбами мира».

«Краеугольным камнем и отправным моментом» деятельности КНР на мировой арене называется, кроме того, сплочение с третьим миром. Китай «навсегда» причислен к третьему миру, подчеркивается, что он останется вместе с развивающимися государствами, даже когда превратится в развитое государство. В начале 1980-х гг. Пекин сблизился с Вашингтоном на почве противостояния СССР. Однако китайско-американская смычка, как признали в китайской столице, «негативно отражается на облике КНР, вызывает непонимание ее политики, ослабляет позиции Китая в третьем мире. Пекин стал дистанцироваться от Вашингтона и его действий на международной арене.

Из сказанного выше становится очевидным, что принятие Китаем американского предложения совместно определять развитие мира равносильно отречению от всего внешнеполитического наследия страны. Это невозможно, особенно в условиях, когда данная стратегия весьма эффективна и приносит КНР дивиденды.

Есть еще четвертая причина бесперспективности очередной американской геополитической затеи – нежелание остального человечества терпеть диктат одной, двух или даже нескольких великих держав. Уже в XX столетии человечество сказало твердое нет колониализму, фашизму, клерикализму, национализму, демократическому империализму, большевизму и всем другим разновидностям экспансионистской теории и практики. В XXI веке против гегемонизма решительно выступают десятки крупных, средних и малых государств, политических, религиозных, общественных, экономических движений, организаций. Даже в рядах американских союзников растет недовольство американским

гегемонизмом. Если при этом США еще объединятся с Китаем, Вашингтон рискует потерять союзников.

Заключение

Как действовать России с учетом всех названных обстоятельств? Можно, конечно, акцентировать внимание на проблемах. Но это непродуктивный путь. В начале XX века были ученые и политики, которые утверждали, что главная опасность России будет исходить от Китая. На самом деле враг пришел с Запада.

Между тем на нынешнем этапе КНР заинтересована в тесном взаимодействии с РФ по соображениям геополитики, безопасности, внутреннего развития, нам следует сполна использовать исторический шанс и построить устойчивую модель взаимовыгодного, динамичного российско-китайского сотрудничества в XXI столетии. Такая модель позволит устранить или приглушить те реальные и потенциальные разногласия, которые могут появляться между Москвой и Пекином.

Фактор тесного двустороннего сотрудничества, взаимодополняемости экономик РФ и КНР должен являться главным в определении подхода к Китаю. Вместе с тем не стоит игнорировать фактор близости геополитических интересов Москвы и Пекина, который упоминался выше. Геополитическое сотрудничество с Пекином полезно. Однако открытым остается вопрос о том, в каких пределах его осуществлять. В последние годы раздавались голоса о создании российско-китайского военного союза против американского гегемонизма. Есть предложения об относительно более широких альянсах, с привлечением Индии, Ирана, ряда других стран.

Военный союз с Пекином, однако, не получится, потому что он китайцам не нужен. Китайцы слишком взаимозависимы с американцами, американцы слишком им нужны, чтобы они пошли на военный союз против США. Достаточно вспомнить объем товарооборота между Китаем и США. Он примерно в 6 раз превышает товарооборот России с КНР. Есть еще инвестиции, обмен технологиями, обучение китайских студентов в США. Понимает Пекин и то, что если он поссорится с Вашингтоном, то испортит отношения с американскими союзниками и друзьями, которые составляют почти весь развитый современный мир. Китайские политологи прямо указывают на то, что США для КНР самая важная страна, Россия на втором месте.

Сотрудничество с Китаем в геополитической области, как представляется, должно состоять в том, чтобы Россия, оставаясь в рамках нормальных отношений с Западом, вынуждала Вашингтон и его союзников вести

дело к многополюсному миру. Для такого сотрудничества есть база – ООН, региональные международные организации, международное право.

Применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону стратегия России должна быть увязана с удовлетворением российских интересов на других направлениях и учитывать важность фактора Запада в вопросах обеспечения безопасности и развития России. Нельзя допускать, чтобы российские действия на Востоке наносили ущерб контактам с Западом (как, впрочем, и наоборот). Иначе говоря, предпочтителен сбалансированный внешнеполитический курс Москвы.

Пользуясь благоприятным политическим климатом, следует добиваться сбалансированности политики и внутри Азиатско-Тихоокеанского региона. Имеются возможности для налаживания нормальных отношений со всеми государствами этой части земного шара. Никто из них не настроен к РФ враждебно, никто не мешает нашему участию в региональных делах, ни с кем у России нет непреодолимых и острых противоречий. Поэтому не следует жертвовать отношениями с какой-либо страной в АТР в угоду китайским интересам и амбициям.

Следует трезво оценивать и осмотрительно действовать в связи с меняющимся балансом сил в АТР. Китай бросает вызов доминированию Соединенных Штатов в регионе и провоцирует со стороны последних все новые и новые контрмеры. Не менее нервно реагирует на усиление Китая Токио, который в ответ интенсифицирует оборонное сотрудничество с Вашингтоном. Параллельно у японцев растут собственные политические амбиции. Разворачивающееся геополитическое соперничество подстегивает военные приготовления средних и малых стран. При этом большинство из них, несмотря на всевозможные трения с Вашингтоном, предпочитает сохранение в АТР статус-кво, т.е. лидерства США. Их пугает перспектива милитаризации Китая и в несколько меньшей степени – Японии.

России вряд ли стоит слишком активно поощрять великодержавные амбиции Пекина, а также Токио. Во-первых, борьба США, КНР и Японии за лидирующие позиции будет нагнетать напряженность, раскручивать маховик гонки вооружений, затруднять урегулирование локальных конфликтов, препятствовать экономическому сотрудничеству. Во-вторых, Россия, не имеющая сейчас возможностей для участия в этом великодержавном соперничестве, будет оттесняться в АТР на вторые роли.

В стратегии России в АТР разумнее продолжать делать акцент на созидательной работе, посредничая (в осторожном и сдержанном ключе) в распутывании «узлов» напряженности, активно добиваясь укрепления режима нераспространения ОМУ, обуздания гонки обычных вооружений, упорядочения международной торговли оружием. Особое значение следовало бы по-прежнему придавать формированию многоярусной сети

многосторонних диалогов и форумов безопасности на региональном и субрегиональном уровнях, выработке мер доверия, механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов. В свете растущей взаимозависимости государств, а также ограниченности наших ресурсов именно такая линия обеспечения национальной безопасности России предпочтительна (в противовес подключению к новому витку гонки вооружений).

Источники и литература

1. Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2016. 512 с.
2. Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2015. 448 с.
3. XXI век: перекрестки мировой политики / Редколл.: О.П. Иванов, М.А. Кукарцева, М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2014. 424 с.

Форсирование экономического развития России в условиях современных вызовов и угроз

Speeding up of economic growth of Russia in the conditions of modern challenges and threats

А.О. Руднева

Руднева Анастасия Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки кризисных явлений 2015–2017 гг., которые привели к определенным деформациям экономического механизма, но, помимо этого, раскрыли возможности для саморазвития российской экономики. Ее относительная устойчивость к внешнему влиянию наглядно демонстрирует, насколько российская экономика в состоянии приспособиться к экзогенным воздействиям в условиях взаимообусловленности государств. Пределы адаптации к внешним и внутренним вызовам определяются международной конкурентоспособностью страны и значительным экономическим потенциалом, что создает угрозу возникновения отдельных отрицательных трендов, в числе которых – разбалансированность бюджета, снижение качества жизни и ухудшение условий хозяйствования малого бизнеса. Однако адаптивность экономики в целом находится на таком уровне, что это позволяет сделать выводы относительно перспектив форсирования позиций России на мировой арене в контексте постепенного перехода к многополярному миру.

Ключевые слова: внешняя торговля, нефть, риски, потенциал, импортозамещение, угрозы, экономическая безопасность, санкции, экономика, внешние шоки.

Abstract: in the article the author considers the prerequisites of the crisis of 2015–2017 which led to the certain deformations of the economic mechanism but, in addition, opened the true opportunities of self-development of the Russian economy. Its relative resistance to the external influence demonstrates clearly as far as the Russian economy is able to adapt to the exogenous impacts in the conditions of interconditionality of the countries. The limits of adaptation to the external and internal challenges are determined by the international

competitiveness of the country and the considerable economic potential that creates the threat of emergence of the separate negative trends, for example, unbalance of the budget, decline in quality of life and deterioration in the conditions of managing of the small business. However, the adaptability of the economy is at such level that it allows drawing the conclusions concerning the prospects of speeding up of the line items of Russia on the world scene in the context of gradual transition to the multipolar world.

Key words: foreign trade, oil, risks, potential, import substitution, threats, economic safety, sanctions, economy, external shocks.

Введение

В мировой экономике на протяжении столетий складывалось международное разделение труда, в рамках которого каждая страна фокусировала свои усилия на выпуске определенной номенклатуры потребительских благ. Со временем часть стран сконцентрировалась на выпуске товаров с высокой добавленной стоимостью – высокотехнологичной продукции, производство которой требует долговременных инвестиционных вливаний и развития инновационного потенциала. Другая их часть стала выступать поставщиками энергетических ресурсов. Экономическое состояние этих поставщиков во многом определялось и определяется ценообразованием на мировом рынке энергосырья, в частности нефти. В число таких стран входит и Россия.

Ее сырьевой вектор был задан еще в рамках СССР. «Так, в 1950 г. доля топлива в экспорте составляла лишь 3,9%, в 1960 г. – уже 16,2, в 1970 г. – 18,0, в 1980 г. – 46,9, в 1985 г. – 52,7, в 1990 г. – 45,1%» [17].

Формирование нефтегазовой направленности экспорта страны следует рассматривать как длительный и закономерный процесс, явившийся следствием выгод благоприятной ценовой конъюнктуры на мировом рынке минеральных продуктов.

Факторами, стимулирующими позитивное ценообразование на нефть и газ, выступали:

1. Рост спроса на них со стороны основных реципиентов энергосырья за счет:

- динамичного развития их экономик в целом и обрабатывающей промышленности в частности;
- ограниченности собственных месторождений, их нерентабельности;
- экологического аспекта (снижение потребления угля, сокращение доли атомной энергии в энергобалансах ряда импортеров нефти и газа);
- роста численности населения (например, в Китае).

2. Сокращение предложения со стороны доноров минеральных продуктов ввиду:

- истощения и неэффективности их месторождений;
- введения мер по экономической изоляции отдельных поставщиков;
- военно-политической нестабильности в отдельных странах-экспортерах.

«Полученная в наследство от СССР структура экспорта была сохранена Россией на фоне усиления сложившихся диспропорций в сторону минеральных продуктов» [22: 100]. Так, их доля в 1992 г. составила уже 54,3%, в 1995 г. – 42,5, в 2000 г. – 53,8, в 2005 г. – 64,8, в 2010 г. – 68,5, в 2013 г. – 71,6% [20].

Уменьшение удельного веса энергосырья в экспорте в последующие годы было сопряжено не с сокращением физического объема его вывоза, а с негативным ценообразованием в результате замедления темпов роста мировой экономики и развернувшейся «торговой войны» на мировом рынке нефти с участием Саудовской Аравии. «Снижение цен, по мнению автора, есть осознанная тактика крупнейших игроков рынка. Стратегией игроков, обеспечивающих негативное ценообразование, выступает передел сфер влияния» [7: 48].

Действительно, превышение спроса над предложением, стимулирующее рост цен, должно рассматриваться как преходящий тренд – на смену положительной динамике обязательно приходит их снижение. В этом смысле российская экономика обнаруживает зону уязвимости – в периоды неблагоприятной конъюнктуры она оказывается весьма чувствительной к внешним шокам.

Причина сохранения энергосырьевой ориентации экономики России кроется в высокой самообеспеченности минеральными продуктами, с одной стороны (что, впрочем, не исключает сложностей их добычи) и в значимости этих продуктов для ряда экономик – с другой.

В частности, «существующие перспективные оценки зарубежных организаций показывают, что в ближайшие 20 лет энергопотребление в мире возрастет на 50%, и этот рост будет детерминироваться успехами социально-экономического развития стран, научно-технической революцией, ростом населения Земли... Международное энергетическое агентство (МЭА) прогнозирует, что даже с учетом активного развития на планете альтернативной энергетики к 2030 г. удельный вес традиционных энергоносителей, и в первую очередь нефти и газа, не уменьшится больше, чем на 12%» [21: 35], а значит, их приоритетность в мировом энергобалансе сохраняется.

В борьбу за ведущие позиции на мировом рынке энергосырья вступили США. «Стремительный рост объемов нефтедобычи и газодобычи в Шта-

тах неизбежно ведет к глобальным изменениям на мировом рынке энергоресурсов» [23: 64], что требует от России дополнительных усилий по удержанию своей ниши, особенно на рынке Европейского союза (ЕС). В этом смысле следует говорить не только об использовании средств экономической дипломатии в противовес росту экономической и политической напряженности, но и о форсировании добычи на собственных месторождениях. Так, «по оценкам экспертов, объемы неразведанной нефти в Арктической зоне России составляют 258 млрд тонн. Это около 60% запасов углеводородов РФ, что сравнимо с запасами богатейших стран Персидского залива» [24: 127].

Стремление США обеспечить себе лидирующие позиции на мировом рынке минеральных продуктов понятно – это лучший способ сохранить сложившийся однополюсный мир в условиях усиления роли отдельных акторов, и в первую очередь России.

Доминанта США как эмитента самой влиятельной мировой валюты и «мирового полицейского» позволяет им навязывать свои условия многим игрокам на мировой арене, но, очевидно, не нашей стране, что заставляет Штаты искать «болевые точки» российской экономики и воздействовать на них.

Оказываемое с 2014 г. США, а также рядом государств давление на Россию способствовало появлению негативных трендов в экономике страны. Возник кризис, имеющий принципиально новое звучание. Если раньше волатильность экономики была связана в первую очередь с нестабильностью ценообразования на мировом рынке минеральных ресурсов, то в современных условиях Россия находится в кризисном состоянии благодаря усилиям ведущих развитых стран, которые стремятся к ослаблению позиций РФ.

Поводом послужили политические события 2014 г. – присоединение к России Крыма и Севастополя. Россия самостоятельностью своих решений продемонстрировала свои амбиции. Теперь это не просто сырьевая держава, теперь это страна, с чьим мнением приходится считаться.

События 2014 г. спровоцировали введение санкций против России, направленных на стратегически важные отрасли ее экономики – нефтегазовую, банковскую, производство вооружений и пр., и ответные контрсанкции с более узкой направленностью – запрет на импорт продовольствия из страны, инициировавшей санкции (США), и из стран, присоединившихся к ним, среди которых – стратегически важный для России Европейский союз.

Если в 2014 г. отдельными экспертами высказывалось мнение, что «санкции, введенные против России, большого влияния на экономику не окажут» [1: 68], то сегодня совершенно очевидно их воздействие, и речь

идет прежде всего об ухудшении качества жизни населения и условий функционирования бизнеса.

В частности, реальные располагаемые доходы населения в 2013 г. составляли 104,0% (от показателей предыдущего года), в 2014 г. – 99,3, в 2015 г. – 96,8, в 2016 г. – 94,2% [14]. На этом фоне росла численность россиян, чей доход оказался ниже величины прожиточного минимума. В 2013 г. доля этой категории лиц составляла 10,8%, в 2014 г. – 11,2, в 2015 г. – 13,3, в 2016 г. – 13,4% [15]. В большей степени негативные явления затрагивают наиболее незащищенные слои общества – малоимущих граждан, в том числе пенсионеров, сотрудников бюджетной сферы, инвалидов.

Проблема снижения качества жизни предопределяет новые подходы к бюджетированию в части роста социальных выплат. Возможности для этого в условиях кризиса ограничены, однако игнорирование проблемы приведет к более серьезным рискам роста социальной напряженности и снижения доверия к политическому руководству страны.

Помимо населения, кризисные явления коснулись и бизнеса, поскольку ухудшились общие условия хозяйствования. В наибольшей степени это имеет негативные последствия для малых предприятий, что предопределяет их поддержку со стороны государства, «в основном осуществляемую через специальные налоговые режимы. Наиболее широко используемым режимом в данной сфере является упрощенная система налогообложения, применение которой обеспечивает реальное снижение налоговой нагрузки и максимальное упрощение налогового учета» [2: 103]. Следует учитывать, что к малым предприятиям принято относить те из них, чья годовая выручка не превышает 800 млн руб. [19], в то время как упрощенная система ориентирована на предприятия с доходом не выше 150 млн руб., что значительно сокращает перечень фирм, которые могут воспользоваться преференциями.

Кроме того, сохраняющиеся внешние угрозы способствовали дефицитности бюджета страны – в 2013 г. дефицит федерального бюджета составлял 848,2 млрд руб., в 2014 г. – 845,6 млрд, в 2015 г. – 2819,5 млрд, в 2016 г. – 3142,0 млрд руб. [4: 174].

При этом наращивался государственный долг, который в 2013 г. находился на отметке в 1662,9 млрд руб., в 2014 г. – 2445,2 млрд, в 2015 г. – 2600,1 млрд, в 2016 г. – 2614,7 млрд руб. [4: 184].

Однако, несмотря на рассмотренные выше негативные тенденции, Россия сохраняет относительную устойчивость к внешним шокам. Так, уровень безработицы остался практически неизменным: в 2013 г. он составлял 5,5%, в 2014 г. – 5,2, в 2015 г. – 5,6, в 2016 г. – 5,5% [4: 194]. Индекс промышленного производства (в процентах к предыдущему году)

в 2013 г. находился на отметке в 100,4; в 2014 г. – 101,7; в 2015 г. – 96,6; в 2016 г. – 101,1 [4: 194], что для современных реалий – отличный результат.

Фактором относительной устойчивости национальной экономики выступает ее международная конкурентоспособность, которая связана с существованием эффективных производств не только в добывающей, но и в обрабатывающей промышленности, в том числе предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Причины развитости отечественного ОПК кроются в том, что фактически потенциал и емкость комплекса формировались и наращивались еще в период существования СССР, когда инвестиционные и прочие ресурсы были направлены в ОПК в ущерб другим, «мирным» отраслям. Стимулирующими факторами выступали в то время внешние угрозы и холодная война с США. Но после распада Союза необходимость форсирования ОПК отпала, как, впрочем, и возможности для этого. Перспективы комплекса во многом определялись сохранившимися отношениями со странами-импортерами советского/российского оружия, хотя здесь приходится сталкиваться с конкуренцией опять-таки со стороны Соединенных Штатов Америки как лидера мирового рынка вооружений.

Новой точкой отсчета для российского ОПК стали политические события 2014 г., потребовавшие демонстрации его потенциала.

Общая численность организаций, входящих в российский ОПК, составляет 1366 предприятий. В комплексе занято около 2 млн человек, в том числе 1,4 млн – в оборонных отраслях промышленности.

В ОПК в целях роста международной конкурентоспособности проводятся техническое перевооружение и реконструкция производственной и экспериментальной базы. В целях создания перспективных образцов вооружений, военной и специальной техники было разработано свыше 370 новых материалов и 1400 новейших промышленных технологий.

В 2016 г. объем промышленной продукции ОПК вырос на 10,7%, в том числе в радиоэлектронной промышленности – на 18,5, в промышленности обычных вооружений – на 10,1, в судостроительной промышленности – на 3,9, в авиационной промышленности – на 9% [12].

Подтверждением военной мощи отечественной экономики стала успешная военная операция в Сирии, которая подтвердила опасения США – ОПК страны сохранен и будет наращиваться.

Однако высокий конкурентный импульс имеют не только предприятия ОПК. В частности, большими возможностями по форсированию участия на мировом рынке располагает «Росатом», чья деятельность позволяет упрочить позиции страны в части ее геоэкономических интересов.

Атомная промышленность России представлена 350 предприятиями и организациями с численностью занятых более 250 тыс. человек. На терри-

тории страны в эксплуатации находятся 10 атомных станций и 35 энергоблоков, которым по итогам 2016 г. удалось выработать 196,37 млрд кВт·ч, или 18,0% всей электроэнергетики страны.

«Высокий уровень конкурентоспособности и высокие возможности российской атомной энергетики предопределили интерес зарубежных партнеров «Росатома» к комплексным предложениям компании. Как результат – рост экспортного портфеля корпорации до 133 млрд долл.» [6: 373]. На стадии сооружения на территории страны находятся 7 энергоблоков, а за рубежом – 34 энергоблока, в том числе атомная электростанция (АЭС) «Аккую» (Турция), Белорусская АЭС (Беларусь), вторая очередь АЭС «Тяньвань» (Китай) [11].

Сочетание четырех детерминант – льготного кредитования экономического партнера, поставок ему вооружения, строительства на его территории атомных электростанций, энергопоставок с дисконтом – позволяет обеспечить формат эффективных для России взаимодействий с другими акторами, основанный в определенной мере на диспаритетности сторон и в меньшей степени на их взаимозависимости.

Наличие конкурентоспособных предприятий в обрабатывающей промышленности не отрицает возможности существования развитой добывающей промышленности. Однако сохраняются сложности рассредоточения инвестиционных ресурсов – капитал всегда стремится в высокоприбыльные отрасли, например в нефтегазовую промышленность, в то время как развитие обрабатывающих производств во многом оказывается невозможным без государственного участия, а значит, предполагает дополнительную нагрузку на бюджет страны.

Помимо международной конкурентоспособности российской экономики причиной ее относительной устойчивости к внешним шокам выступает значительный скрытый потенциал саморазвития. Возможности для его запуска возникли именно в кризисный период. Действительно, в условиях благоприятного ценообразования на энергосырье, когда цены за баррель нефти превышали 100 долл., стимулов для структурных преобразований было немного – доходов от экспорта минеральных продуктов с лихвой хватало и на пополнение более чем на половину бюджета, и на формирование и увеличение различных фондов, обеспечивающих стабильность национальной экономики.

Взятый в условиях кризиса вектор на импортозамещение в ряде отраслей, и в первую очередь в сельском хозяйстве, позволил стране наладить по ряду направлений собственное производство. Так, уже в 2015 г. доля импортных сыра и творога снизилась с 20,5% в 2014 г. до 12,1%, доля сливочного масла – с 33,7 до 25,7%, доля свинины – с 17,8 до 13,5%, доля птицы – с 10,5 до 5,6%, доля овощей – с 18,6 до 14,0% [8].

Кроме того, удалось снизить зависимость от импортных комплектующих и в сфере ОПК. Так, в сфере гособоронзаказа удельный вес современных российских образцов техники и вооружения в вооруженных силах страны превысил плановые показатели и составил 47%. Предполагается, что к 2020 г. в рамках программы развития ОПК в России будет построено 929 новых производственных объектов [18].

В условиях внешнего давления страна вынуждена идти по пути формирования и усиления развитых конкурентных преимуществ, в результате чего постепенно меняется ее место и роль в международной торговле. И хотя доля России в мировом экспорте в 2016 г. не превышала 1,8% [9] (для сравнения: в 2013 г. этот показатель составлял 2,8% [10], уменьшение доли в 2016 г. связано со снижением цен на ключевые энергосырьевые товары), имеются предпосылки для форсирования позиций.

Причина – изменение структуры национального производства, что, однако, не означает полную переориентацию экономики с нефте- и газодобычи на обрабатывающие производства и сферу услуг.

Действительно, крайне проблематично устранить существующие диспропорции в хозяйственной системе, в этом смысле препятствием для сохранения сырьевого вектора выступают исчерпаемость и труднодоступность ресурсов, а также появление принципиально нового, более эффективного источника энергии.

Однако сложившаяся ориентация на повышение обороноспособности страны и рост экспорта вооружений, который составил в 2016 г. 6,3 млрд долл. (для сравнения: экспорт США – 23,3 млрд долл.) [13], на годы заложили постепенную трансформацию всей экономики, что непременно отразится на структуре валового внутреннего продукта (ВВП). Так, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП страны в 2013 г. составляла 21,1%, в 2014 г. – 21,8, в 2015 г. – 21,3, в 2016 г. – уже 22,0% [16], и эта тенденция умеренной позитивной динамики сохранится в ближайшие годы.

Достигнутые в 2016 г. договоренности с саудитами по замораживанию объемов нефтедобычи позволили на время отложить проблему низких цен на нефть – их повышение обеспечивает увеличение роли России в международной торговле, рост доходов государственного бюджета, а значит, позволяет смягчить многие кризисные явления в экономике.

Однако санкционное давление вызывает перестройку не только самой экономики, но и изменение структуры внешнеэкономических связей.

В частности, присоединение стран Европейского союза к санкциям и их пролонгация будут способствовать снижению интенсивности экономических отношений между Россией и ЕС. Действительно, многие проек-

ты оказались под угрозой, особенно если речь идет о расширении транспортной сети, обеспечивающей поставки нефти и газа в Европу.

Значимость ЕС для России не вызывает сомнений. Так, в топ стран-импортеров российской продукции в 2016 г., помимо прочих, вошли [16]: Нидерланды – 29 260 млн долл., Германия – 21 257 млн, Италия – 11 973 млн, Польша – 9140 млн и Финляндия – 6539 млн долл¹. По этой причине санкционное давление со стороны Союза не может не быть чувствительным для российской экономики.

Однако следует проводить грань между решениями политического истеблишмента и реально осуществляемыми между странами экономическими взаимодействиями. Примером тому может выступать торгово-экономическое сотрудничество России и Украины.

Если следовать логике, товарооборот между этими странами в условиях весьма напряженного политического диалога должен был если и не снизиться до минимального уровня, то, по крайней мере, уменьшиться в гораздо большей степени. Однако, согласно официальным статистическим данным, экспорт России в Украину составил в 2016 г. 6342 млн долл. (для сравнения: экспорт РФ в Беларусь – 14 216 млн долл., в Казахстан – 9560 млн долл.) [17]. Все это позволяет Украине оставаться одним из ключевых экономических партнеров для России на постсоветском пространстве, занимая даже в современных реалиях 14-е место среди импортеров российской продукции.

Выбрав для себя европейский вектор, Украина не стремилась к более тесному сотрудничеству с Россией в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и в последующем, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), однако фактически являлась крупнейшим торговым партнером для нашей страны среди государств СНГ.

Все это позволяет сделать выводы о том, что роль государства в процессах экономических взаимодействий между странами необходима и целесообразна, особенно если подобные решения на законодательном уровне облегчают внешнеэкономические связи между контрагентами этих стран.

Однако одного волеизъявления на высшем уровне недостаточно для того, чтобы контрагенты стали более интенсивно взаимодействовать или, напротив, перестали это делать вообще.

Бизнес невозможно заставить, его можно лишь направить в определенное русло более преференциальными условиями, создаваемыми усилиями государства.

¹ В список в связи с Брекзитом не включена Великобритания, хотя это страна входит в десятку крупнейших торговых партнеров РФ. По этой причине охлаждение дипломатических отношений с Великобританией создает дополнительные зоны риска для России.

В противовес политические решения, связанные с охлаждением отношений, ставят под удар некоторые сферы взаимодействий, особенно когда речь идет о крупномасштабных проектах с участием государственных корпораций.

В остальных случаях компании находят для себя лазейки в законодательстве и формируют альтернативные пути поставок, инвестирования и пр., в результате чего растет доля теневого рынка.

Для ряда стран Европейского союза, в том числе Германии, разрыв отношений с Россией также весьма нежелателен, поскольку сопряжен с угрозами их энергетической безопасности, под которой «понимается состояние защищенности страны (региона), ее граждан, общества, государства, обслуживающей их экономики от угроз надежному топливо- и энергоснабжению» [3: 9]. В этом смысле можно говорить о взаимообусловленности экономик России и ЕС и рисковости, пусть и асимметричной, пролонгации санкционного формата для обеих сторон.

Сохраняя тесные отношения с ЕС, Россия реализует диалог и с другими государствами, концентрируясь на азиатском, прежде всего китайском направлении, что столь актуально для развития Дальнего Востока, а также форсируя интеграционные взаимодействия со странами ЕАЭС. Это не попытка реанимировать старый формат, это способ придать отношениям новое звучание.

Для России интеграция на постсоветском пространстве имеет серьезное геополитическое и геоэкономическое значение. Страна, выступая центром интеграционных взаимодействий, вовлекает в интеграцию узкий круг участников.

Причина ограниченности их численности состоит в том, что преобладающая часть стран бывшего СССР не рассматривает для себя интеграцию с Россией как приоритетный формат. Это не означает, что более тесное сотрудничество с Россией ничего не может дать этим странам – Россия была и остается самой мощной экономикой на постсоветском пространстве, и взаимодействие с ней в рамках любого интеграционного объединения несет вполне ощутимые экономические дивиденды. Однако участие в подобных объединениях невыгодно для таких стран с позиции репутационных рисков – ведущие развитые экономики ставят государства постсоветского пространства перед выбором, противопоставляя себя и Россию, и большинство этих государств свой выбор уже сделали.

В подобных условиях противостояния или по меньшей мере нейтралитета политических элит, России под влиянием санкций приходится опираться на ограниченный перечень акторов, и это в первую очередь Казахстан и Белоруссия.

Экономика Казахстана по своей структуре весьма близка к экономике России, и в этом смысле экономическое сотрудничество между странами имеет меньшую эффективность, чем это наблюдается в диалоге с развитыми государствами. При этом Казахстан показывает весьма ощутимую динамику развития – индекс-дефлятор ВВП (в процентах к предыдущему году) в 2013 г. составил 109,5; в 2014 г. – 105,8; в 2015 г. – 101,9; в 2016 г. – 111,9 (для сравнения: аналогичный показатель для России в 2013 г. – 104,8; в 2014 г. – 100,1; в 2015 г. – 108,2; в 2016 г. – 103,6) [4: 53].

Хотя в целом ВВП двух стран несопоставим, что связано с разницей в численности населения (ВВП Казахстана – 135,0 млрд долл., ВВП России – 1286,2 млрд долл. при численности населения в России 146 804,4 тыс. человек, в Казахстане – 17 926,5 тыс.) [4: 17–18], ВВП на душу населения приблизительно одинаков – в 2016 г. он составил в России 8769 долл., а в Казахстане – 7509 долл. [4: 81].

Фактором динамики казахстанской экономики является то обстоятельство, что «на сегодняшний день страна занимает лидирующие позиции среди членов Содружества по объему привлекаемых инвестиций на душу населения. После получения независимости от Советского Союза в 1991 г. Казахстан начал поощрять прямые зарубежные инвестиции для получения капитала и опыта, необходимых для разработки и освоения крупных нефтяных запасов страны» [5: 47].

Близость макроэкономических показателей и базисных факторов производства с акцентом на сырьевую базу создает в перспективе условия для ослабления двусторонних взаимодействий с дальнейшей переориентацией на третьи страны.

Казахстан проводит политику географической диверсификации, предполагающую повышение роли и значимости Китая как экономического партнера. В этом смысле Россия и Казахстан выступают конкурентами за китайские инвестиции и рынок Китая как энергопотребителя, предлагая взамен различные выгодные форматы двустороннего сотрудничества. Стоит лишь упомянуть, что экономическая мощь Китая настолько велика, что это создает серьезную асимметричность в диалоге и возможности оказания ненужного давления с его стороны, а также злоупотреблений.

Беларусь, как и Казахстан, для России имеет стратегически важное значение с позиции геополитики. Кроме того, ее значимость связана с положением Беларуси как транспортного коридора, через который удобно сообщаться с Европейским союзом.

Помимо Казахстана и Беларуси, более тесно интегрируются с Россией Армения и Киргизия. Однако значение их как экономических партнеров не столь существенно (участие Армении и Киргизии во взаимной торговле между странами ЕАЭС составляет по 0,4 млрд долл. против

3,9 млрд долл. Казахстана, 11,3 млрд долл. Беларуси и 26,5 млрд долл. России) [4: 20], и основной акцент также делается на геополитическом факторе взаимодействий.

В идеале все государства постсоветского пространства, имеющие общую границу с Россией, целесообразно, но, как уже упоминалось, объективно невозможно вовлекать в интеграцию в целях недопущения военно-политических угроз РФ, главным образом со стороны Организации Североатлантического договора (НАТО). При этом нет необходимости настаивать на таких серьезных форматах интеграционного взаимодействия, как единое экономическое пространство, – это сложно, долго и не всегда эффективно. Речь идет о постепенном усилении взаимосвязи и взаимозависимости в рамках таможенного союза, возможно, вплоть до общего рынка.

В любом случае положение России на мировой арене на современном этапе определяется такими условиями, что страна, развиваясь в большей мере не благодаря, а вопреки, демонстрирует другим акторам свой истинный потенциал. Угрозы безопасности страны сохраняются, но любой кризис следует рассматривать не только с позиции рисков и потерь, но и возможностей, что подтверждается успехами политики российского руководства на современном этапе.

Несмотря на отдельные кризисные явления, в том числе дефицитность бюджета, рост государственного долга, бедности и ухудшение условий хозяйствования бизнеса, экономика демонстрирует относительную устойчивость к внешним вызовам.

Дальнейшее развитие России предопределяется сохранением существующих экономических взаимодействий ввиду взаимообусловленности экономик стран-партнеров, и в первую очередь России и ЕС.

Однако в условиях присоединения ЕС к санкциям против России страна диверсифицирует свои экономические связи, все более тесно взаимодействуя с Китаем, а также с отдельными странами постсоветского пространства.

Баланс сил и интересов в современных условиях довольно непросто соблюсти, однако рассредоточение экономической активности по ряду направлений позволит России снизить существующие экзогенные риски и выйти из кризиса с минимальными потерями.

Источники и литература

1. Гельтищев П. Экономика санкций // Международная экономика. 2014. № 12. С. 68–69.
2. Голуб Д.С. Новые тенденции в налоговой политике России // Вестник университета. 2017. № 3. С. 100–104.

3. Гуреева М.А. Экономика нефтяной и газовой промышленности: Учебник для студ. учреждений проф. образования. 2-е изд., стер. М.: ИЦ «Академия», 2012. 240 с.
4. Евразийский экономический союз в цифрах: Краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2017.
5. Инглитина Д.А., Потапова О.А. Инвестиционный климат в России и Казахстане: сравнительный анализ // Международная экономика. 2014. № 10. С. 46–48.
6. Маханьков Е.С. Изменение роли нефтяного комплекса в структуре мирового энергетического баланса в условиях глобализации мирохозяйственных связей // Вестник университета. 2016. № 4. С. 31–36.
7. Пантелей Д.С. Особенности международного сотрудничества в области атомной энергетики на современном этапе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 3. С. 368–373.
8. Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wcm/connect> – Дата обращения: 10 янв. 2018.
9. Официальный сайт Всемирной торговой организации. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/wts2017_e/WTO_Chapter_09_tables_e.pdf – Дата обращения: 13 февр. 2018.
10. Официальный сайт Всемирной торговой организации. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/its2014_e/its14_world_trade_dev_e.htm – Дата обращения: 13 февр. 2018.
11. Официальный сайт Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». – Режим доступа: <http://www.rosatom.ru/about/> – Дата обращения: 18 февр. 2018.
12. Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/info/27220/> – Дата обращения: 18 марта 2018.
13. Официальный сайт РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2017/596fb7539a79476d1c5b58e8> – Дата обращения: 13 февр. 2018.
14. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# – Дата обращения: 16 марта 2018.
15. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# – Дата обращения: 17 марта 2018.
16. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# – Дата обращения: 14 февр. 2018.
17. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ – Дата обращения: 15 февр. 2018.
18. Постановление Правительства РФ от 16 мая 2016 г. № 425-8 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198364/ – Дата обращения: 17 янв. 2018.
19. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской де-

- тельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/#dst100005 – Дата обращения: 2 февр. 2018.
20. Россия в цифрах. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 – Дата обращения: 13 янв. 2018.
21. *Руднева А.О.* Особенности участия России на мировом рынке нефти в период с 1992 по 2013 гг. в контексте благоприятной ценовой конъюнктуры // Вестник университета. 2016. № 4. С. 48–53.
22. *Руднева А.О.* Становление энергосырьевой ориентации российского экспорта: от зерна к нефти // Вестник университета. 2016. № 3. С. 97–101.
23. *Хаджаев Р.Ш.* Россия: готовность к вызову от внешних факторов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 6. С. 61–67.
24. *Цогоева М.И., Даурова В.В.* Текущая ситуация мирового нефтегазового рынка и перспективы освоения Россией новых месторождений // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12 (ч. 3). С. 126–128.

Партнерство государства и бизнеса в международных отношениях

State and business partnership in international relations

А.А. Костикова, С.А. Спартак

Костикова Анна Анатольевна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии языка и коммуникаций, научный руководитель программы «Реклама и связи с общественностью» философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Спартак Сергей Андреевич, аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Аннотация: на современном этапе глобализации, в силу значительного повышения открытости национальных экономик, увеличения вклада внешнеэкономических факторов в ВВП при обострении геополитической, геоэкономической и рыночной конкуренции, возрастает потребность в налаживании эффективного взаимодействия государства и бизнеса в международных делах. Решение региональных и глобальных проблем также требует от международных организаций и форумов совершенствования форматов совместной работы с бизнесом. В статье подробно проанализирована практика взаимодействия (коммуникаций) государства с бизнесом, преимущественно крупным, по внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам в ведущих развитых и отдельных развивающихся странах. На примере деятельности американских торговых палат за рубежом (AmCham) показаны возможности лоббистских бизнес-структур позитивно влиять на повестку сотрудничества со странами пребывания, в частности на российско-американские отношения, даже вопреки официальной линии Вашингтона. При всем многообразии зарубежного опыта взаимодействия государства и бизнеса в международных делах, а также механизмов и инструментов, поддерживающих такое взаимодействие, главным трендом является формирование взаимовыгодного, стратегически ориентированного партнерства государства и бизнеса для реализации внешней повестки национального развития. Характерные черты такого партнерства заключаются в следующем: устойчивые и комплексные форматы реализации; постоянное развитие и совершенствование механизмов коммуникации государства с бизнесом; делегирование объединениям предпринимателей в рамках

партнерства значимых функций по обеспечению разработки и имплементации планов международной деятельности; наличие совместных инициатив государства и бизнеса для выполнения задач партнерства; повышение инклюзивности для охвата всех значимых категорий стейкхолдеров; открытость для сотрудничества и прозрачность механизмов функционирования; наличие постоянной обратной связи для оценки эффективности партнерства со стороны бизнеса, а также оперативное реагирование государства на рекомендации бизнеса.

Ключевые слова: взаимодействие, государство, бизнес, интересы, диалог, коммуникационная площадка, партнерство, стейкхолдеры, российско-американские отношения, образ России.

Abstract: effective state and business interaction in international affairs becomes one of the top national priorities as current globalization stage provided for significant growth of economic openness, further increase in foreign inputs to GDP alongside with rising geopolitical, geo-economic and market competition. Dealing with regional and global problems also demands improvement of cooperation formats with business from international organizations and forums. This article presents detailed analysis of state and business (mostly large companies) collaboration/communication practices regarding foreign policy and foreign economic issues in the leading developed and some developing countries. Taking example of the AmCham activities abroad the article reveals capacities of business lobby structures for positively influencing bilateral cooperation agenda, particularly Russian-American relations, despite official Washington position. Existing large variety of foreign experience as regards state and business interaction in international affairs as well as plurality of relevant supporting mechanisms and instruments can't shade the major trend for creation of mutually beneficial, strategically focused state and business partnership aimed at reaching external goals of national development. Characteristic features of this partnership include the following: sustainable and complex realization formats; continuous development and improvement of state and business communication mechanisms; delegation to business unions under the partnership framework important functions regarding elaboration and implementation of international activities agenda; presence of joint state and business undertakings for carrying out partnership tasks; promotion of inclusive working formats to cover all significant stakeholder categories; openness towards cooperation together with transparent mechanisms of functioning; availability of permanent feedback from business for partnership efficiency assessment as well as prompt reaction from governments to business recommendations.

Key words: interaction, state, business, interests, dialogue, communication platform, partnership, stakeholders, Russian-American relations, Russia's image.

Современный глобальный контекст и основные тренды

Процесс глобализации, значительно и качественно увеличивший зависимость национальных экономических операторов от состояния внешних факторов при одновременном кратном росте числа вовлеченных в международный бизнес компаний, вызвал необходимость пересмотра традиционных подходов к взаимодействию государства и предпринимательского сообщества при формировании внешней повестки развития страны. По объективным причинам это затронуло прежде всего внешнеэкономическую повестку.

Возрастание масштабов экспортной деятельности и ее вклада в ВВП на фоне усиления международной конкуренции, стимулируемой появлением новых крупных, активных игроков, потребовало не только существенного расширения объемов государственной поддержки экспорта [10: 22–23], но также выработки эффективных механизмов взаимодействия с бизнесом на всех стадиях экспортного цикла – от финансирования перспективных экспортно ориентированных НИОКР до продвижения отечественных товаров и услуг на приоритетные страновые рынки, создания внешнеполитических, торгово-политических и технико-экономических условий для закрепления на этих рынках. Масштаб задач такого взаимодействия закономерно вышел за рамки возможностей традиционных форматов согласования с бизнесом внешней повестки развития.

Процессы интернационализации и транснационализации экономик привели к резкому усилению различных зависимостей и взаимозависимостей на микроуровне и в итоге – на макроуровне. На современном этапе глобализации практически невозможно отделить интересы государства от интересов бизнеса на международной арене. По сути, эти интересы в отдельных случаях могут различаться, но императивной является задача их обязательного всестороннего учета и согласования при выработке внешней политики.

Быстрое распространение в последние десятилетия глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости обусловило значительное расширение и усложнение задач взаимодействия государства и бизнеса в вопросах доступа на рынки, обеспечения устойчивости и безопасности цепочек поставок. Современные региональные торговые соглашения (РТС), все в большей степени ориентирующиеся на обеспечение интересов участников цепочек добавленной стоимости, предполагают элементы тесного и постоянного взаимодействия с бизнесом при выработке позиции по таким соглашениям, включая механизмы прямого взаимодействия с крупными компаниями и привлечения корпоративных юристов к подготовке конкретных предложений по условиям этих соглашений [3].

Растущая конфликтность в международных экономических отношениях обусловила повышение интенсивности взаимодействия государства и бизнеса в предотвращении и урегулировании торговых, инвестиционных и иных коммерческих споров. Это затрагивает как публичные торгово-экономические конфликты (когда споры рассматриваются в Органе по разрешению споров ВТО, в рамках механизмов, создаваемых РТС, арбитражных процедур), так и непубличные недружественные действия одной из сторон, ограничивающие для другой стороны участие в тендерах, инфраструктурных, инвестиционных проектах и т.д. В последнем случае форматом для взаимодействия государства и бизнеса во многих странах служат специальные подразделения уполномоченных ведомств по защите интересов национальных компаний на внешних рынках от таких ограничительных административно-бюрократических практик. Характерный пример – Центр защиты (Advocacy Center) в составе Администрации международной торговли Министерства торговли США, созданный еще в 1993 г¹.

Правительства, как правило, политкорректно декларируют важность взаимодействия со всеми категориями бизнеса во внешней сфере, ставят амбициозные задачи по увеличению всех видов помощи малому и среднему бизнесу для доступа на мировые рынки, но на практике основная поддержка оказывается крупнейшим корпорациям [2]. Так, в среднем более 90% одобренных заявок на финансирование по линии Экспортно-импортного банка США (ЭИБ) приходится на малые и средние предприятия, но в абсолютном выражении большая часть средств направляется на содействие экспорту национальных лидеров – компаний Boeing, General Electric, Caterpillar, General Dynamics, United Technologies и некоторых других. В отдельные годы ЭИБ фактически выступает как эксклюзивное сбытовое подразделение корпорации Boeing. Крупный бизнес в больших объемах финансируется и европейскими экспортными кредитными агентствами, в том числе мощная поддержка оказывается проекту «Аэробус» со стороны его главных участников – Франции, Германии, Великобритании и Испании.

В жесткой конкурентной борьбе за рынки сбыта для своей авиатехники США и страны ЕС активно используют, наряду с финансовыми, внешнеполитические и торгово-политические рычаги, включая площадку ВТО. В октябре 2004 г. правительство США направило в ВТО жалобу на меры

¹ В декабре 2012 г. президент США подписал указ об учреждении Межведомственной рабочей группы по вопросам торговой защиты (Interagency Task Force on Commercial Advocacy). Согласно указу, под торговой защитой понимается государственная поддержка американских компаний, конкурирующих за участие в зарубежных проектах и правительственных закупках в рамках конкурсных процедур.

Евросоюза по субсидированию компании Airbus. С этого момента начался самый масштабный и дорогостоящий спор в истории ГАТТ/ВТО. ЕС со своей стороны подал жалобу на незаконную поддержку правительством США корпорации Boeing. В 2010–2011 гг. ВТО установила, что обе компании получали от государств субсидии на многие миллиарды долларов: Boeing – посредством госконтрактов, прежде всего на военные и космические проекты, Airbus – через ссуды на производство авиалайнеров, особенно новых моделей, подлежащие возврату после их реализации покупателям. При этом стороны в разбирательствах на площадке ВТО не идут на компромиссы, не выполняют полученные предписания (если до такого доходит дело), и конфликт, с разной интенсивностью в различные периоды времени, продолжается. Государства последовательно защищают интересы своих национальных лидеров.

Взаимодействие на внешнеполитическом треке

Во внешнеполитической сфере повышается значение консультативных советов, форумов и других подобных институтов, которые служат важной диалоговой площадкой для взаимодействия правительственных и деловых кругов. Создаются и новые, в том числе более инклюзивные, площадки для выработки внешнеполитического курса.

В США наиболее влиятельным внешнеполитическим форумом является учрежденный еще в 1921 г. в Нью-Йорке Совет по международным отношениям (The Council on Foreign Relations – CFR). Совет выступает как неправительственная некоммерческая организация. В составе Совета действует специальная платформа для формирования и учета позиции предпринимателей (CFR Corporate Program), в работе которой участвуют около 200 руководителей ведущих ТНК и других бизнес-структур. Обеспечено тесное взаимодействие с конгрессом, правительственными и дипломатическими кругами. Значительное место в деятельности Совета занимают крупные исследовательские программы.

В декабре 2011 г. при госсекретаре США создана новая структура с совещательными функциями – Совет по внешнеполитическим делам (The Foreign Affairs Policy Board). Основная функция Совета – выработка независимых неформальных рекомендаций и оценок по наиболее актуальным вопросам внешней политики США. Пленарные заседания Совета проводятся несколько раз в год, в его составе – авторитетные представители американского истеблишмента, в том числе предпринимательских кругов.

В Великобритании роль ведущей диалоговой площадки в сфере международной политики играет созданный в 1920 г. Королевский институт международных отношений, известный также как Chatham House. Ин-

ститут входит в группу самых авторитетных независимых экспертно-аналитических центров мира. Его членами являются представители британских элит, включая предпринимательский сектор. Ежегодно проводится свыше 300 мероприятий – конференций, симпозиумов, круглых столов. Отличительная черта ряда мероприятий – их конфиденциальный характер.

В последние годы в Великобритании в качестве авторитетной внешнеполитической независимой организации все больше утверждается Глобальный стратегический форум (Global Strategy Forum). Форум был создан в 2006 г. для организации дискуссий и формирования позиций по наиболее актуальным вопросам британской внешней и оборонной политики. Политические и бизнес-элиты активно участвуют в проводимых мероприятиях.

В Германии главной дискуссионной площадкой является основанное в 1955 г. Немецкое общество внешней политики (Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik). Основные задачи этого независимого объединения – обсуждение и выработка мнений по вопросам международной и прежде всего европейской политики. В число учредителей общества и его активных участников входит германский МИД, что позволяет вести прямой диалог и обеспечивать взаимодействие бизнеса и государства в сфере внешней политики.

В Австралии аналогичные функции выполняет некоммерческая организация Австралийский институт по международным делам (The Australian Institute of International Affairs). Основная миссия данного института, образованного в 1924 г., – организация дискуссий по вопросам внешней и международной политики с привлечением всех заинтересованных стейкхолдеров. Вместе с тем институт не ставит перед собой задачи выработки официальной позиции по обсуждаемым вопросам. В самых крупных штатах и территориях страны действуют филиалы этой организации.

В Индии в последнее время ведущей дискуссионной площадкой по вопросам внешней политики стала расположенная в Мумбаи независимая организация Индийский совет по международным отношениям (Gateway House: Indian Council on Global Relations). Центральной функцией Совета является обеспечение взаимодействия предпринимательских кругов и государственных институтов при формировании вектора внешней политики. Большое внимание уделяется совместной выработке и практическим вопросам осуществления внешнеэкономической политики. На проведенной в июне 2016 г. первой крупнейшей в истории страны международной внешнеполитической конференции (соорганизаторы – Gateway House и МИД Индии) центральными вопросами для дискуссии были экономическая дипломатия и вовлечение корпоративного сектора в продвижении индийских стратегических и коммерческих интересов.

Партнерские форматы во внешнеэкономической сфере

Устойчивой тенденцией в современном мире становится все более тесное сближение задач и способов осуществления внешней и внешнеэкономической политики. Это связано с необходимостью решения сложных взаимосвязанных задач в сфере содействия международному развитию, экономической дипломатии, а также с быстро меняющейся геополитической и интеграционной конфигурацией.

В США выделяются два главных национальных консультативных органа в сфере международной торговли – действующий с 1973 г. Совет по экспорту при президенте США (The President's Export Council) и созданный в январе 2017 г. по инициативе избранного президента Д. Трампа Национальный совет по торговле (National Trade Council).

Совет по экспорту осуществляет подготовку для президента США рекомендаций по программам и проектам правительства, связанным с внешней торговлей; разрабатывает меры по расширению американского экспорта; выполняет роль форума по внешнеэкономическим вопросам для предпринимательских кругов, профсоюзов и органов государственного управления [20]. Совет формируется распоряжениями президента, как правило, на двухлетний срок из числа представителей деловых кругов, профсоюзов (бизнес-сообщество) и должностных лиц американской администрации. В настоящее время в его составе – 20 руководителей крупных промышленных или финансовых корпораций, отраслевых ассоциаций и т.п., включая: Lockheed Martin Corporation, Xerox Corporation, IBM, PayPal, UPS, The Dow Chemical Company, Merck & Co., Marriott International, The Walt Disney Company и др. Из представителей бизнес-сообщества президент США назначает председателя Совета и его заместителя. От органов государственного управления в состав Совета входят руководители всех профильных министерств и ведомств, сенаторы, члены Палаты представителей, руководители Национальной ассоциации губернаторов и Конференции мэров.

Создание Национального совета по торговле напрямую связано с предвыборными лозунгами и программой Трампа – «сделать Америку вновь великой промышленной державой и создать в стране достаточное количество высокооплачиваемых рабочих мест». Предполагается тесное взаимодействие новой структуры с бизнесом. Основные задачи Совета включают: 1) подготовку рекомендаций президенту по вопросам стратегии на торговых переговорах; 2) координацию с другими ведомствами США по вопросам промышленной политики, оценку промышленного потенциала, в том числе в сфере ВПК; 3) разработку политики занятости в обрабатывающих отраслях; 4) реализацию программы президента «Покупай американское, создавай в Америке рабочие места» [16].

Один из главных инструментов ГЧП в практике формирования и реализации торговой политики США – отраслевые консультативные комитеты по торговле (Industry Trade Advisory Committees), администрируемые совместно Министерством торговли и Бюро торгового представителя США. Система консультативных комитетов по торговле включает 16 отраслевых комитетов и комитет председателей соответствующих комитетов; в ней участвуют почти 400 отраслевых торговых советников, предоставляющих профессиональную экспертизу и детальные рекомендации в сфере торговой политики [13]. Положения о комитетах и их состав обновляются каждые четыре года, последнее обновление произошло в феврале 2018 г. Инициатива по номинированию кандидатов для работы в комитетах исходит от бизнеса, в настоящее время критерии отбора позволяют зарегистрированным на федеральном уровне отраслевым лоббистам подавать заявки на членство в рассматриваемых комитетах. Правовая основа деятельности комитетов – Закон США о торговле 1974 г. с последующими изменениями, установившими для торговых переговорщиков обязательность консультирования с частным сектором на стадии формирования торговой политики и обсуждения условий торговых соглашений.

Эффективное функционирование американской системы коммуникационных площадок с бизнесом по вопросам разработки и реализации внешнеэкономической политики обеспечивается специальной службой в составе Администрации международной торговли Министерства торговли США – Управлением по консультативным комитетам [18]. В задачи данной службы входит административная и содержательная поддержка работы консультативных комитетов¹, формирование их состава, совершенствование механизмов и процедур их деятельности, координация участия представителей правительственных структур в деятельности комитетов, контроль доведения принимаемых решений до государственных органов и получения обратной связи.

Важной организационной и лоббистской американской структурой за рубежом являются американские торговые палаты, известные под названием AmCham. Их сеть весьма обширна: по всему миру действуют 115 торговых палат США в более чем 100 странах. Руководители палат за рубежом поддерживают тесные контакты с органами госуправления страны пребывания, используя их для лоббирования внешнеэкономических интересов США и оказания содействия американскому бизнесу.

¹ В круг ответственности данного Управления входят Совет по экспорту при президенте США, отраслевые консультативные комитеты по торговле, Совет по обрабатывающей промышленности и Совет по путешествиям и туризму при министре торговли. При министре торговли также функционирует созданный в 2016 г. Консультативный совет по инвестициям.

Преследуя деловые интересы, AmCham могут иметь собственную, не во всем совпадающую с официальной линией администрации США позицию по вопросам внешнеэкономической политики и международного сотрудничества. Например, AmCham в РФ, несмотря на действующие и расширяющиеся антироссийские санкции, проводит активную работу по поиску новых возможностей для совместного бизнеса, организует инвестиционные конференции, тематические промоутерские мероприятия и т.д. Это является стабилизирующим фактором для российско-американских отношений, способствует продвижению прагматически позитивного образа России в американской предпринимательской среде. Еще один пример – AmCham в Сингапуре, заявившая о своем несогласии с решением Д. Трампа в январе 2017 г. о выходе США из Транстихоокеанского партнерства и продолжающая поддерживать участие страны в данном мегарегиональном торговом соглашении.

В Германии исторически сложилась комплексная институциональная система содействия экспорту, охватывающая федеральный и местный уровни. Всю эту систему характеризуют развитые и гибкие схемы государственно-частного партнерства при преобладающей организационной и координационной роли государства, наличие современных институтов и инструментов поддержки и в целом высокая эффективность.

Наиболее ярко партнерство государства и бизнеса выражено в организации институтов поддержки экспорта за рубежом. В частности, особенность немецкой модели зарубежных торговых представительств состоит в том, что она сочетает в себе элементы взаимодействия, с одной стороны, государственного ведомства, наделенного полномочиями в сфере поддержки ВЭД (в лице федерального Министерства экономики и энергетики), а с другой – публичной организации федерального уровня – Объединения германских ТПП, которое выражает интересы национального бизнеса. Обе организации выступают совместно как партнеры в решении организационных, финансовых, кадровых и других вопросов, связанных с деятельностью зарубежных внешнеторговых палат более чем в 80 странах; между ними подписаны соглашения о сотрудничестве [4].

Институционально диалог между государством и бизнесом в Германии опирается на действующий с 1974 г. Совет по внешнеэкономической деятельности при министре экономики и энергетики. В число приоритетных для обсуждения тем включены вопросы внешнеэкономической политики, в том числе касающиеся заключения торговых соглашений с третьими странами – членами ЕС. В составе Совета 25 представителей немецкого бизнес-сообщества (включая предпринимательские объединения и ассоциации), академических кругов, профсоюзов и т.д., которые назначаются

сроком на три года. Заседания проводятся два раза в год, однако в перерывах активно ведется подготовка выносимых на обсуждение вопросов.

В германской системе институтов и механизмов, которые обеспечивают взаимодействие государственных и частных организаций во внешнеэкономической сфере, значительная роль принадлежит объединениям предприятий оптовой торговли и экспортеров федерального и регионального (земельного) уровней. Так, на федеральном уровне действуют Федеральный союз немецких предприятий оптовой и внешней торговли и Федеральный союз немецких экспортеров, аналогичные структуры представлены и на уровне федеральных земель.

В последние годы использование механизмов ГЧП получило дальнейшее развитие при реализации так называемых региональных инициатив, которые представляют собой совместные инициативы немецких деловых кругов и компаний на определенных географических направлениях. В качестве стейкхолдеров выступают ведущие предпринимательские союзы и страновые объединения. В настоящее время реализуются региональные инициативы на пяти направлениях: АТР, Латинская Америка, Северная Африка и Ближний Восток, Восточная Европа и СНГ, Африка к югу от Сахары. Со стороны государства в осуществлении конкретных проектов и мероприятий участвуют все основные институты содействия ВЭД, включая МИД, Министерство экономики и энергетики и др.

Стейкхолдерами, например, региональной инициативы «Африка к югу от Сахары» выступают Объединение германских ТПП, Федеральное объединение германской промышленности (представляет интересы 36 отраслевых союзов, которые охватывают 100 тыс. предприятий, почти 8 млн занятых), Федеральный союз немецких предприятий оптовой и внешней торговли (1,9 млн занятых, годовой оборот – 1,8 трлн евро), объединение Afrika-Verein (600 участников). Для продвижения интересов своих членов руководство Afrika-Verein поддерживает интенсивные контакты с федеральным правительством, правительствами африканских государств, посольствами, деловыми союзами и негосударственными организациями. Ежегодно объединение проводит около 60 мероприятий, в частности Германо-Африканский энергетический форум, регулярные форумы в крупнейших странах африканского континента, конференции, организует бизнес-миссии [5].

Шведская модель взаимодействия государства и бизнес-сообщества во внешнеэкономической сфере, в области поддержки национального экспорта, как и германская, во главу угла ставит использование механизмов государственно-частного партнерства. Например, подобным образом организована деятельность шведского агентства по содействию

ВЭД Business Sweden, которая финансируется и управляется совместно МИД и Шведской внешнеторговой ассоциацией.

В рамках утвержденной в Швеции в 2015 г. Экспортной стратегии создана зонтичная форма координации всей господдержки экспорта и интернационализации – «Шведская команда» [19]. В нее вошли представители центральных органов власти, ответственных министерств, ведомств и госкомпаний. Представителей частного бизнеса в составе «Шведской команды» нет, однако в Экспортной стратегии особо выделено, что новая структура должна организовывать регулярные встречи с бизнес-сообществом с целью обсуждения хода ее реализации и иных актуальных вопросов.

На наднациональном европейском уровне, в практике торговой политики Евросоюза в последнее десятилетие были усилены существующие и внедрены новые партнерские форматы взаимодействия с бизнесом. В Сообщении Европейской комиссии «Глобальная Европа: усиленное партнерство в целях обеспечения доступа на рынки для европейских экспортеров» (от 18 апреля 2007 г.), в частности, были предусмотрены следующие меры:

- усиление партнерства для обеспечения доступа на внешние рынки между Еврокомиссией, странами-членами и бизнесом на основе подходов, ориентированных на результат;

- формирование целевых групп по доступу на рынки (EU Market Access Teams) с участием представителей зарубежных делегаций Евросоюза, диппредставительств стран-членов и организаций бизнеса;

- повышение роли Консультативного комитета по доступу на рынки, состоящего из представителей стран-членов и возглавляемого сотрудником Еврокомиссии, формирование на базе Комитета специального форума для совместного с бизнесом обсуждения вопросов доступа на рынки.

Параллельно с активизацией многовекторной внешнеэкономической политики ЕС в рамках заявленной в октябре 2015 г. новой стратегии «Торговля для всех: на пути к более ответственной торговой и инвестиционной политике» [9] Еврокомиссия усиливает консультативный аппарат для придания этой деятельности еще большего динамизма и устойчивости. Так, в сентябре 2017 г. была создана Экспертная группа по вопросам торговых соглашений ЕС, которая будет действовать на постоянной основе с ротацией ее членов каждые два года [8]. Основная задача Группы – подготовка экспертных заключений и консультирование Еврокомиссии при проведении торговых переговоров с третьими странами и интеграционными объединениями, а также анализ процесса имплементации уже заключенных соглашений. В состав Группы вошли представители широкого круга стейкхолдеров, включая действующие на европейском

уровне предпринимательские, отраслевые союзы, объединения потребителей и другие неправительственные организации (на начало 2018 г. – всего 28 участников).

Эффективный механизм взаимодействия государства и бизнеса в вопросах разработки и проведения экономической и внешнеэкономической политики создан в Японии. Со стороны предпринимательского сектора в качестве основного участника такого взаимодействия выступает Федерация деловых кругов Японии Keidanren, которая в современном виде существует с 2002 г. По состоянию на 2017 г. в Федерации насчитывалось более 1,5 тыс. членов, в том числе 1350 представителей крупного и среднего бизнеса, 109 национальных промышленных ассоциаций и 47 региональных экономических союзов [15]. В число приоритетных направлений деятельности Федерации входит разработка рекомендаций для правительства по ключевым вопросам экономической политики, включая вопросы, связанные с внешней торговлей, трансграничными инвестициями, участием в интеграционных процессах, международным экономическим сотрудничеством.

Со стороны правительства главным партнером указанной выше Федерации выступает Министерство экономики, торговли и промышленности Японии, в составе которого два крупных внешнеэкономических подразделения – Бюро торговой политики и Бюро торгово-экономического сотрудничества, а также ряд консультативных советов по различным направлениям внешнеэкономической деятельности.

Центральную роль в развитии национальной экономики, внешней и внутренней торговли Японии традиционно играют универсальные торговые компании, или торговые дома. Они образуют олигополистическую систему осуществления международной и внутренней торговой деятельности. В эту группу входят семь крупнейших торговых домов – Mitsubishi Corporation, Mitsui & Co., Sumitomo Corporation, Itochu, Marubeni, Toyota Tsusho и Sojitz (ранее – Nichimen и Nissho Iwai), на них приходится более половины внешнеторгового оборота Японии.

Все крупные торговые дома объединены в профессиональную внешнеторговую ассоциацию Japan Foreign Trade Council, Inc. (JFTC). Эта организация действует в тесном контакте с профильными министерствами и другими исполнительными органами на всех уровнях. Для японских властей JFTC, наряду с Федерацией деловых кругов Японии, является важным партнером в вопросах развития и регулирования внешнеторговой и инвестиционной сферы, их деятельности оказывается значительная политическая и дипломатическая поддержка.

В Австралии для организации диалога между правительством и бизнес-сообществом в 2014 г. создан Консультативный совет по внешней торгов-

ле и инвестициям [21]. В его состав вошли 20 руководителей предпринимательских структур и авторитетные эксперты в сфере ВЭД. Основная задача – подготовка экспертных заключений и рекомендаций руководству Министерства иностранных дел и торговли. Решения и рекомендации Совета не носят обязывающий характер, и Совет не может давать указания правительственным организациям. Пленарные заседания проходят дважды в год, однако, помимо этого, предусмотрено проведение других рабочих встреч и совещаний.

Решение масштабных практических задач по усилению сотрудничества между государственными и бизнес-структурами предусматривала австралийская Стратегия публичной дипломатии 2014–2016 гг., подготовленная МИД страны. В частности, в рамках этой стратегии были разработаны новые форматы обеспечения эффективного диалога по вопросам экономической дипломатии с участием негосударственных фондов, советов и институтов, усилено взаимодействие с национальными и международными стейкхолдерами, налажено регулярное информирование местного бизнес-сообщества о геополитических тенденциях, которые могут повлиять на условия ведения ВЭД.

В Индии сложилась многозвенная система взаимодействия государства и бизнеса в сфере выработки и проведения внешнеэкономической политики. В качестве ведущего партнера госструктур в определении экономической политики и управлении ВЭД страны выступает Конфедерация индийской промышленности – одна из старейших промышленных ассоциаций (действует с 1895 г.). Свою деятельность Конфедерация осуществляет в тесном контакте с МИД, Министерством торговли и промышленности, индийскими загранпредставительствами.

Индийская система содействия экспорту широко использует механизмы ГЧП. В стране имеется ряд некоммерческих отраслевых организаций, в функции которых входит развитие экспортно ориентированных производств и стимулирование экспорта. В целях координации и фокусирования усилий всех организаций в стране, задействованных в содействии экспорту, правительство Индии в 1965 г. создало Федерацию индийских экспортных организаций [11]. Входящие в Федерацию хозяйствующие субъекты обеспечивают более 70% всех зарубежных поставок из Индии. Федерация снабжает властные структуры информацией для последующей разработки торговой политики и действует в качестве связующего звена между правительством и национальной промышленностью. Фактически она стала важнейшим партнером правительства Индии в области содействия экспорту. Показательно, что центральные власти возложили на Федерацию обязанности по рассмотрению списка кандидатов

на получение грантов Министерства торговли и промышленности, предоставляемых экспортерам, соответствующим установленным критериям.

Ведущей диалоговой площадкой в Индии по вопросам ВЭД служит переучрежденный в июле 2009 г. по инициативе Министерства торговли и промышленности Совет по торговле. В него вошли представители профильных государственных структур и ведущие предпринимательские объединения, имеющие отношение к внешнеэкономической деятельности. Пленарные обсуждения проводятся два раза в год. Центральными в повестке дня являются вопросы выработки и проведения промышленной и внешнеторговой политики, и в частности связанные с развитием национальной системы поддержки экспорта.

Турецкая модель взаимодействия бизнес-структур и государственных институтов при формировании внешнеэкономической политики характеризуется наличием одного крупного и доминирующего в данной сфере объединения предпринимателей. Таким объединением выступает основанная в 1986 г. некоммерческая неправительственная организация – Совет по внешнеэкономическим связям, имеющий широкую членскую базу. В настоящее время в него входят 134 деловых совета и более тысячи предпринимательских структур. Ежегодно проводится около 700 мероприятий. Основная миссия – управление во взаимодействии с государством частными предпринимательскими структурами и негосударственными организациями, действующими в сфере ВЭД.

Главная тенденция последних лет состоит в постепенном усилении контроля за деятельностью Совета со стороны государства. Это находит выражение в том, что он практически лишен возможности участвовать не только в проведении, но и в разработке государственной внешнеэкономической политики. Соответствующие функции почти в полном объеме находятся сейчас под контролем государства, а Совет продолжает выполнять роль связующего звена между правительством и предпринимательским сектором.

Совместная работа на региональном и глобальном уровнях

В современном мире деятельность крупных международных форумов и реализация масштабных межгосударственных проектов в большинстве случаев опирается на создание представительных совещательных, диалоговых площадок с бизнесом с акцентом на крупные и крупнейшие компании стран-участниц. Организуются деловые саммиты, форумы в поддержку мероприятий с участием лидеров государств (например, в рамках форумов АТЭС, БРИКС, саммитов стран Америки), деловые советы и

бизнес-диалоги с привлечением стейкхолдеров из предпринимательской среды (в частности, деловые советы ШОС и Евразийского экономического союза, Американский бизнес-диалог, Трансатлантический деловой совет).

Первый саммит главных должностных лиц компаний американского континента (I CEO Summit of the Americas) был проведен в апреле 2012 г. в Колумбии параллельно с шестым саммитом Америк с участием глав государств. На втором саммите американского бизнеса в апреле 2015 г. в Панаме, который собрал более 850 руководителей ведущих компаний континента и 12 глав государств, был представлен доклад «От диалога к действию: рекомендации в отношении политики и предложения для государственно-частного партнерства», фактически – программа совместных действий в целях обеспечения устойчивого долговременного роста на континенте [14]. В период между деловыми саммитами функционирует на постоянной основе Американский бизнес-диалог, охватывающий сегодня более 60 деловых ассоциаций из 30 стран и высокопоставленных представителей из порядка 70 ведущих компаний [6].

Различные партнерские форматы с бизнесом реализуются крупнейшими международными организациями для решения уставных и текущих задач. Соответствующая проблематика поднята на высокий уровень в системе ООН – так, в 2013 г. было разработано специальное руководство, как выстраивать и работать в таких партнерствах [11]. Во многих публикациях исследуются современные практики и делаются рекомендации относительно коллективных действий бизнеса и правительств для достижения целей устойчивого развития (см.: [17]).

Заключение

В зарубежной практике эффективное взаимодействие государства и бизнеса в международных делах обеспечивается развитыми рыночными институтами и механизмами организации, саморегулирования и продвижения интересов предпринимательских кругов, а также высокой готовностью государства к такому взаимодействию в силу демократического политического устройства, значимости внешней повестки в условиях открытой экономики и ряда других факторов.

В развитых и многих динамично развивающихся государствах функционируют мощные консолидированные общенациональные объединения предпринимателей, занимающие решающие позиции в экономике, экспорте и зарубежных инвестициях, имеющие очень широкую членскую базу, опирающиеся на специализированные институты развития предпринимательства и крупные бюджеты для обеспечения текущей деятельности (в том числе по партнерским проектам с государством). Кроме это-

го создана разветвленная сеть отраслевых и региональных объединений предпринимателей, а также ассоциаций, ориентированных на сотрудничество с зарубежными странами.

Сложившаяся в развитых и динамично развивающихся странах система сотрудничества государства и бизнеса во внешней сфере опирается и учитывает традиции лоббистской деятельности как легитимного средства отстаивания интересов бизнеса в политике. В частности, для объяснения причин заключения государствами региональных торговых соглашений (соглашений о свободной торговле) используется тезис о лоббистской природе таких соглашений, которые возникают, поскольку заинтересованные отечественные организации и компании продвигают отклоняющие торговлю РТС для получения ренты отдельными группами производителей (см.: [12]).

Большие возможности предпринимательских объединений ведущих зарубежных стран, определяемые длительными традициями предпринимательства, организации и самоорганизации деловых кругов, почти повсеместным охватом бизнеса и, соответственно, высокорепрезентативным представительством его интересов, прочной финансовой базой, цивилизованной лоббистской практикой, стали предпосылкой формирования нового качества отношений с государством.

При всем многообразии зарубежного опыта взаимодействия государства и бизнеса в вопросах определения и реализации внешней повестки национального развития, а также механизмов и инструментов, опосредующих такое взаимодействие, главным системным трендом в данной области является *формирование взаимовыгодного, стратегически ориентированного партнерства государства и бизнеса в международных делах*. Роли каждой из сторон в партнерстве могут быть различны, но при этом речь идет именно о партнерстве, позволяющем оптимальным образом обеспечить интересы национального бизнеса на конкретных направлениях внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности.

Отличительные черты современного партнерства государства и бизнеса на международной арене заключаются в следующем:

- устойчивый и комплексный характер такого партнерства, позволяющий в непрерывном режиме осуществлять лоббирование и продвижение интересов национального бизнеса на всех значимых для страны внешних треках;
- постоянное развитие и совершенствование механизмов, коммуникационных форматов для взаимодействия государства и бизнеса в сфере международной деятельности;
- делегирование объединениям предпринимателей в рамках партнерства значимых функций по обеспечению разработки и реализации внешнеэкономической политики страны;

– наличие совместно финансируемых государством и бизнесом институтов и мероприятий в рамках партнерства;

– повышение инклюзивности партнерства для охвата всех значимых категорий стейкхолдеров, рост открытости правительственных структур для сотрудничества и прозрачности механизмов функционирования партнерства;

– наличие постоянной обратной связи для оценки эффективности партнерства со стороны бизнеса, а также оперативное реагирование государства на запросы бизнеса по совершенствованию механизмов взаимодействия и учету рекомендаций, генерируемых по каналам партнерства.

Применительно к России современный контекст взаимодействия государства и бизнеса на международной арене определяется возросшей открытостью экономики страны и значительным повышением ее зависимости от состояния мирохозяйственных, конъюнктурных, торгово-политических и иных внешних факторов, усилившимся конкурентным и неконкурентным (санкционным) давлением на российский бизнес на глобальном рынке, масштабными задачами по наращиванию несырьевого экспорта и его вклада в социально-экономическое развитие РФ. В отсутствие эффективного партнерства государства и бизнеса в международных делах, базирующегося в том числе на лучших зарубежных практиках в данной области, России будет очень сложно противостоять жестким внешним вызовам, оперативно и качественно обеспечивать национальные интересы в быстро меняющемся мире, расширять свое коммерческое присутствие за рубежом.

Источники и литература

1. *Аникеев С.В.* Развитие партнерских взаимоотношений государства и бизнеса: теория, методология, практика: Дис. д-ра экон. наук. 08.00.01. Саратов, 2004.
2. *Спартак А.Н.* Направления и методы международной конкуренции в начале XXI века: геоэкономические и торгово-политические аспекты // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011. № 9. С. 3–15.
3. *Спартак А.Н.* Торговая политика в интересах экономического роста // *Международная экономика*. 2016. № 11. С. 31–40.
4. *Спартак А.Н., Французов В.В., Хохлов А.В.* Мировой и российский экспорт: тенденции и перспективы развития, системы поддержки. М.: ВАВТ, 2015. С. 197–203.
5. Africa-Verein. – Режим доступа: <http://www.afrikaverein.de/der-verein/ueber-uns/au> – Дата обращения: 19 дек. 2017.
6. Americas Business Dialogue. – Режим доступа: <http://www.americasbd.org> – Дата обращения: 26 дек. 2017.
7. Australian Government. Foreign Policy White Paper: Opportunity, Security, Strength. 2017. 136 p. – Режим доступа: <http://www.fpwhitepaper.gov.au> – Дата обращения: 29 дек. 2017.

8. Commission Decision of 13.9.2017 setting up the Group of Experts on EU Trade Agreements. Brussels, 13.9.2017. С (2017) 6113 final.
9. European Commission. Trade for All: Towards a more responsible trade and investment policy. (2015). Communication adopted on 14 October 2015 in document COM. 2015. 497 p. – Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153846.pdf – Дата обращения: 23 нояб. 2017.
10. Export-Import Bank of the United States. Report to the U.S. Congress on Global Export Credit Competition. 2017. 65 p. – Режим доступа: https://www.exim.gov/sites/default/files/reports/EXIM-Competitiveness-Report_June2017.pdf – Дата обращения: 14 янв. 2018.
11. Federation of Indian Export Organizations. – Режим доступа: https://www.fieo.org/view_section.php?lang=0&id=0,5,13 – Дата обращения: 5 дек. 2017.
12. *Grossman G.M., Helpman E.* The politics of free trade agreements. *The American Economic Review*, (85). 1995. P. 667–690.
13. Industry Trade Advisory Centre. – Режим доступа: <https://www.trade.gov/itac> – Дата обращения: 26 дек. 2017.
14. Inter-American Development Bank, Americas Business Dialogue. From Dialogue to Action: Policy Recommendations and Public-Private Partnership Proposals. 2015. 22 p. – Режим доступа: <http://www.americasbd.org/en/report> – Дата обращения: 26 дек. 2017.
15. Keidanren – Japan Business Federation. – Режим доступа: <https://www.keidanren.or.jp/en/> – Дата обращения: 17 фев. 2018.
16. National Trade Council. – Режим доступа: <https://greatagain.gov/navarro-national-trade-council> – Дата обращения: 21 дек. 2017.
17. *Nelson J.* Partnerships for Sustainable Development: Collective action by business, governments and civil society to achieve scale and transform markets. Business & Sustainable Development Commission and Harvard Kennedy School. London. 2017. 68 p.
18. Office of Advisory Committees. – Режим доступа: <https://www.trade.gov/oac> – Дата обращения: 26 дек. 2017.
19. Team Sweden. – Режим доступа: <http://www.government.se/articles/2015/05/team-sweden-to-coordinate-export-support> – Дата обращения: 17 нояб. 2017.
20. The President's Export Council. – Режим доступа: <https://www.trade.gov/pec/index.asp> – Дата обращения: 22 дек. 2017.
21. Trade and Investment Policy Advisory Council. – Режим доступа: http://trademinister.gov.au/releases/Pages/2014/ar_mr_140606.aspx – Дата обращения: 4 нояб. 2017.
22. United Nations. UN-Business Partnerships: A Handbook. UN Global Compact and Global Public Policy Institute. New York. 2013. 62 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации

The forms and strategies of international cooperation of the Russian Federation's border regions

А.Ш. Ногмова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, декан по подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы международного сотрудничества приграничных регионов РФ. Начиная с распада СССР и до настоящего момента Россия находится в поиске форм и стратегий приграничного сотрудничества. В условиях обострения геополитической ситуации и введения экономических санкций перед страной особенно остро стоят вопросы поиска и реализации перспективных стратегий приграничного сотрудничества с учетом экономических интересов, национальной безопасности и приоритетов во внешней политике. Автор акцентирует внимание на наиболее ярких примерах приграничного сотрудничества России в трех основных направлениях – европейском, постсоветском и азиатском. Анализируются перспективы расширения торгово-экономического, социально-политического, гуманитарного сотрудничества приграничных регионов и вероятность внедрения новых подходов к данному процессу.

Ключевые слова: приграничные регионы, еврорегион, зона свободной торговли, экономическое сотрудничество, энергетическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество.

Abstract: the article deals with topical issues of international cooperation of the Russian Federation's border regions. From the collapse of the USSR

to the present, Russia is in search of forms and strategies of cross-border cooperation. In the context of the aggravation of the geopolitical situation and the introduction of economic sanctions, the country faces particularly acute issues of finding and implementing promising strategies for cross-border cooperation, taking into account economic interests, national security and foreign policy priorities. The author focuses on the most striking examples of cross-border cooperation between Russia in three main areas: European, post-Soviet and Asian. The prospects of expansion of trade and economic, socio-political, humanitarian cooperation of border regions and the possibility of introducing new approaches to this process are analyzed.

Key words: border regions, Euroregion, free trade zone, economic cooperation, energy cooperation, humanitarian cooperation.

В условиях социально-экономических санкций, введенных США и Евро-союзом в 2014 г., многие приграничные регионы Российской Федерации вынуждены искать стратегии своего дальнейшего развития. Несмотря на очевидные достижения в развитии приграничного сотрудничества России, стоит критически оценивать сложившуюся ситуацию и учитывать конкретные итоги подобного сотрудничества для социально-экономического развития регионов.

В последнее десятилетие экономические, социально-политические и гуманитарные характеристики российского приграничного сотрудничества заметно различаются в трех основных направлениях – европейском, постсоветском и азиатском. Среди разнообразия форм и методов приграничного сотрудничества обозначились наиболее актуальные и перспективные стратегии их реализации, основанные на экономических интересах Российской Федерации, глобальных и региональных приоритетах во внешней политике и вопросах национальной безопасности.

Органами исполнительной власти приграничных регионов России проводится большая работа по поиску оптимальных путей развития приграничного сотрудничества, в первую очередь со странами СНГ [4]. Пространство СНГ – традиционная сфера стратегических интересов России. Укрепление отношений со странами СНГ является безусловным приоритетом российской внешней политики. Ключевой задачей является создание необходимых условий для вовлечения субъектов Российской Федерации в приграничное сотрудничество с регионами стран Содружества. Социально-экономические, торговые, гуманитарные связи между приграничными территориями могут стать эффективным средством развития интеграционных процессов и создания единого экономического пространства.

Полноценному и взаимовыгодному сотрудничеству в данном направлении препятствует ряд факторов, среди которых – отсутствие необхо-

димой инфраструктуры и недостаточно выраженная двусторонняя политическая позиция на государственном уровне [7], что связано прежде всего с необходимостью России в достаточно короткие сроки приспособиться к новым реалиям международного социально-экономического взаимодействия после распада СССР.

Неизбежным следствием распада Советского Союза стало обретение бывшими союзными республиками государственного суверенитета, что послужило источником появления ряда социально-экономических противоречий, связанных с различными законодательными базами стран постсоветского пространства в сфере таможенной и налоговой политики, административно-таможенными барьерами, ужесточением миграционного контроля, разнотемпным процессом преобразования административных границ в государственные, с регулированием деятельности хозяйствующих субъектов, охраной окружающей среды и т.д. [2]. Данные факторы оказали существенное влияние на процесс становления международного сотрудничества приграничных регионов [9]. Однако по-прежнему основное место в международном сотрудничестве приграничных регионов занимают торговля, энергетическое и транспортное сотрудничество, при этом недостаточно осваиваются новые формы взаимодействия, такие как производственная и научно-техническая кооперация, инвестирование, лизинг и др. В сложившейся непростой социально-экономической ситуации Россия заинтересована в возникновении интеграционных процессов в приграничных регионах и планирует расширять сотрудничество в данном направлении, в том числе в рамках международных объединений (ШОС, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ).

Перспективы приграничного сотрудничества России во многом зависят от фактора безопасности новых границ, который имеет очевидный приоритет над фактором приграничного сотрудничества. Безусловно, необходим переход к новым формам сотрудничества, соответствующим современному этапу экономического развития России и соседних государств.

Среди характерных особенностей, присущих приграничному сотрудничеству российских регионов на современном этапе, необходимо отметить недостаточный уровень развития погранично-таможенной инфраструктуры и транспортных коммуникаций, препятствующий увеличению взаимного товарооборота, а также низкий уровень взаимодействия в гуманитарной сфере, не соответствующий темпам развития интеграционных процессов на межгосударственном уровне.

В этой связи представляется целесообразным дальнейшая разработка мер на федеральном уровне, позволяющих создавать благоприятные условия для развития приграничных регионов с тем, чтобы они могли использовать все возможности и преимущества приграничного сотрудничества.

К такого рода мерам можно отнести развитие законодательной базы приграничных международных и межрегиональных отношений, оказание многоплановой государственной поддержки, которая могла бы выражаться в ряде мер. Во-первых, в прямом финансировании конкретных масштабных приграничных проектов, предлагаемых субъектами Российской Федерации. Во-вторых, в предоставлении права приграничным регионам на перечисление фиксированной части таможенных платежей, взимаемых на территории региона, в местный бюджет (с обязательным направлением целевых финансовых ассигнований на укрепление пограничной инфраструктуры). В-третьих, в предоставлении льгот в части снижения налогооблагаемой базы для субъектов приграничной торговли. В-четвертых, в частичном освобождении товаров, произведенных в приграничном регионе, от экспортных пошлин. В-пятых, в снижении импортного таможенного тарифа на сырье и технологическое оборудование для реализации инвестиционных проектов на территории приграничного региона и т.д.

Кроме того, необходимо внедрение новых подходов к оптимизации и расширению торгово-экономических и кооперационных связей, а также к сотрудничеству в гуманитарной и социальной сферах на региональном уровне, что, безусловно, может повысить уровень взаимодействия сопредельных территорий.

Субъекты РФ осуществляют международные и внешнеэкономические связи в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [16], законами «О международных договорах Российской Федерации» [17], «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [18], «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [19] и иными законодательными актами. В разделе «Формирование и реализация внешней политики Российской Федерации» Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., подчеркивается, что «развитие межрегионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими регионами и государствами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях» [8].

Министерство иностранных дел Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают регионам содействие в развитии международных и внешнеэкономических связей при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности страны, используя в этих целях возможности действующих при МИД России Совета глав субъектов РФ и Консультативного совета субъектов РФ по международным и внешнеэкономическим связям.

В качестве вероятной модели приграничного сотрудничества российских регионов можно рассматривать используемый в Западной Европе подход, основанный на принципах совместного планирования деятельности приграничных сообществ и властных структур по реализации проектов в различных сферах деятельности. Финансирование данных проектов осуществляется из бюджета ЕС (программы ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, ФАРЕ и др.), государственных и местных бюджетов, а также от частных инвесторов.

Данная модель существует в странах с близкой финансово-экономической структурой и похожим уровнем цен на товары и услуги. Основным форматом приграничного сотрудничества в данной модели являются еврорегионы (территории в странах Европы, расположенные географически на границе двух или нескольких государств). Они создаются путем соглашений, заключаемых региональными и местными властями, в которых обозначаются направления совместной деятельности.

Характерными чертами сотрудничества в рамках еврорегиона является прежде всего то, что все территории имеют общую границу; существует обоюдное стремление к развитию сотрудничества; выработан общий механизм принятия решений и модель финансирования сотрудничества. Субъектами данной модели являются не только административные органы, но и любые организации, которые играют ключевую роль в развитии экономического сотрудничества в формате того или иного региона. Сферой сотрудничества выступают не только транспорт и связь, торговля, новые технологии, но и совместные социально-культурные программы, укрепление взаимодействия в сфере образования, здравоохранения, науки, религии. Особое значение придается формированию единой социальной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что еврорегион не является неким новым административным образованием, не представляет опасности для территориальной целостности государств, не угрожает их безопасности, а, напротив, содействует укреплению взаимоотношений между соседними государствами. Механизмом сотрудничества в рамках еврорегиона является осуществление конкретных совместных проектов в рамках существующего законодательного поля государства, регионы которых заинтересованы в объединении усилий для решения общих проблем.

Применение модели еврорегионов для российских приграничных территорий имеет приоритет по сравнению с другими моделями в связи с двумя принципиальными моментами. Во-первых, существующее в Российской Федерации законодательство позволяет создавать такие совместные организационные структуры, как еврорегионы, для решения задач сотрудничества с приграничными территориями сопредельных государств. Концепция приграничного сотрудничества Российской Фе-

дерации в качестве одной из форм данного сотрудничества определяет создание уполномоченными органами государственной власти совместных координирующих органов по приграничному сотрудничеству и рабочих групп при них.

Во-вторых, в России уже есть ряд удачных примеров организации приграничного сотрудничества по аналогии с еврорегионами. Наиболее удачным примером является образование еврорегиона «Карелия», в которой с российской стороны входит Республика Карелия, а со стороны Финляндии – региональные союзы Северная Похьенмаа, Кайнуу и Северная Карелия [20].

Изучение опыта создания еврорегионов на территории России и стран – участниц СНГ показывает, что предпосылки для появления подобных структур зависят от ряда насущных проблем, решение которых возможно лишь совместными усилиями двух или нескольких сторон. Так, основной предпосылкой создания еврорегиона «Карелия» стала необходимость упорядочения системы финансирования совместных российско-финляндских проектов в рамках приграничного сотрудничества, более организованного, целевого использования существующих финансовых потоков и обеспечения эффективного контроля над их продвижением. Напротив, стимулом к созданию еврорегиона «Буг»¹ послужила нехватка финансовых средств для реализации совместных проектов приграничных областей Белоруссии, Польши и Украины.

Несмотря на специфику создания еврорегионов, основанную на широкой региональной дифференциации социально-экономических условий приграничной территории и, соответственно, уровней развития сопредельных приграничных территорий и степени их экономической, хозяйственной, культурной, миграционной интервенции, участие субъектов РФ в приграничном сотрудничестве в данном формате расценивается как перспективное, поскольку оно создает дополнительные возможности для развития экономики российских приграничных территорий и привлечения внешних источников финансирования соответствующих проектов.

Поиск новых форм приграничного сотрудничества осуществляется не только в европейском направлении. Важным стратегическим партнером России в последнее десятилетие является Китай, что обусловлено как

¹ Трансграничное объединение еврорегион «Буг» (ЕРБ) было создано на приграничных территориях Польши и Украины в 1995 г. территориальными и правительственными властями, а также органами местного самоуправления воеводств: Хелмского, Люблинского, Тарнобжегского и Замостьского – с польской стороны, а также Волынской области на Украине. 15 мая 1998 г. в Бресте по предложению Брестской области и Бяло-Подлясского воеводства ЕРБ был расширен. Спустя два года, в мае 2000 г., в ЕРБ были приняты Сокальский и Жолкевский районы Львовской области.

схожестью культурно-исторических и социально-политических факторов развития двух стран, базирующихся в значительной степени на принципах традиционализма, так и геополитической заинтересованностью в развитии более тесных контактов в различных сферах. Северные рубежи КНР, как и дальневосточные и южносибирские регионы России, являются многовековыми контактными зонами межкультурного общения, прежде всего в культурно-гуманитарном направлении, что в значительной степени способствует более эффективному налаживанию приграничного сотрудничества между государствами. Одной из форм такого сотрудничества является создание зон свободной торговли.

В начале 2000-х гг. Россия и Китай обсуждали создание сразу трех приграничных зон свободной торговли: Забайкальск – Маньчжоули, Благовещенск – Хэйхэ, поселок Пограничный – Суйфэньхэ. Правовой базой обсуждения стал ряд межправительственных соглашений 1998–1999 гг., разрешающих безвизовые визиты граждан КНР и России в эти зоны [13]. Наиболее перспективным оказался проект по созданию Пограничного торгово-экономического комплекса (ПТЭК) на участке Пограничный – Суйфэньхэ, призванный вывести торгово-экономические отношения России с Китаем на новый уровень. Территория ПТЭК, не имеющая аналогов в России, предназначена для размещения складов, торговых и производственных мощностей и даже создания развлекательных центров. В 2006 г. была открыта первая очередь российского участка комплекса «Русский городок», на территории которого открылись православный храм и центр деловых коммуникаций. Совместная торговая площадка была введена в эксплуатацию в 2010 г. Для россиян было предусмотрено право безвизового въезда на собственном транспорте на территорию зоны. Такой же режим предусмотрен и для китайских граждан. Несмотря на то, что инфраструктура ПТЭК «Пограничный – Суйфэньхэ» так и не была задействована на полную мощность вследствие неурегулированности ряда юридических вопросов, данный пример приграничного сотрудничества стал уникальным в новейшей истории российско-китайских отношений.

Одним из наиболее конструктивных образцов приграничного сотрудничества можно считать сотрудничество между пограничными регионами России и Казахстана. К российско-казахстанской границе – самой протяженной непрерывной сухопутной границе в мире – примыкают 12 регионов РФ: Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Омская, Тюменская и Новосибирская области, а также Алтайский край и Республика Алтай. К границе непосредственно примыкают 70 административных районов, на территории которых расположено более 1500 населенных пунктов и проживают свыше 3 млн человек. Со стороны Казахстана к российской границе примыкают 7 областей

из 14, а именно: Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская.

Сотрудничество приграничных регионов двух стран, обладающее значительным потенциалом роста, уже сейчас вносит весомый вклад в развитие экономических отношений между ними. Хозяйственное сотрудничество начинает выходить за рамки простой торговли [1]. В Актюбинской области в настоящее время успешно действует более ста совместных российско-казахстанских предприятий. Россия вовлечена во многие энергетические проекты в приграничных регионах Казахстана, например, ведется разведка и разработка газовых месторождений Карачаганак и Имашевское.

27–28 сентября 2017 г. в г. Уральске состоялась II Российско-Казахстанская международная выставка «Казахстан – Россия. Приграничное сотрудничество регионов» [21], на котором говорилось об успехах в развитии торгово-экономического, инвестиционного, научно-технического и гуманитарного сотрудничества между приграничными регионами России и Казахстана. Среди всех регионов Казахстана Западно-Казахстанская область является ведущим торговым партнером Оренбуржья. В структуре взаимной торговли Оренбургской и Западно-Казахстанской областей около 70% составляет импорт природного газа и газового конденсата Карачаганакского месторождения.

Наиболее перспективными на данном этапе направлениями развития российско-казахстанского сотрудничества обоюдно признаны энергетическая сфера, добыча и обработка сырья, а также сельское хозяйство, где сотрудничество начинает представлять особый интерес учитывая, огромные земельные ресурсы обеих стран, с одной стороны, и отнюдь не решенную проблему растущего дефицита продовольствия в мире – с другой. Однако было бы неправильно сводить это сотрудничество только к экономической сфере. Так, на XIV Форуме межрегионального сотрудничества России и Казахстана, прошедшего в ноябре 2017 г., особое внимание уделялось развитию гуманитарной сферы, и в первую очередь такой важной его составляющей, как образование [22]. Были достигнуты договоренности между региональными высшими учебными заведениями, в частности по линии Челябинского и Алтайского университетов.

В заключение важно отметить, что проблемы дальнейшей разработки и реализации стратегии приграничного сотрудничества России в экономической, образовательной, информационной, миграционной сферах, а также в области здравоохранения, охраны окружающей среды, совместной борьбы с незаконным оборотом наркотиков, торговлей людьми и транснациональной организованной преступностью в современных международных реалиях приобретают особое значение и становятся важным фактором обеспечения национальных интересов и безопасности России.

Источники и литература

1. Казахстан – Россия. Приграничное сотрудничество регионов // Выставочный портал GENERAL EXPO. – Режим доступа: https://www.generalexpo.ru/cat_exhibition/events/event_info/e13857 – Дата обращения: 22 марта 2018.
2. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013. 272 с.
3. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток – Запад, 2011. 167 с.
4. *Вардомский Л.Б.* Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Приграничные районы, приграничное сотрудничество / Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИМЭПИ РАН, 2000. С. 18–44.
5. *Вардомский Л.Б., Голицина И.И., Самбурава Е.Н.* Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект // Политическая география: современное состояние и пути развития. М.: МФГО, 1989. С. 35–46.
6. *Вардомский Л.Б.* Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России: Монография / Л. Б. Вардомский, А. Ю. Быков, С. В. Голунов и др. М. – Волгоград: НОФМО, 2002. 573 с.
7. *Гранберг А.Г.* Внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации в современных условиях // Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М.: Научная книга, 2002.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. // Сайт МИД РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6VZ29/content/id/2542248 – Дата обращения: 22 марта 2018.
9. *Макарычев А.С.* Российские регионы как международные акторы: Аналитический доклад. Нижний Новгород: НГЛУ, 2000.
10. *Осадчая О.П., Ремизов Д.В.* Существующие подходы к организации внешнеэкономических отношений в форме приграничного сотрудничества // Известия АлтГУ. 2013. № 2/1 (78). С. 266–269.
11. Постановление Правительства РФ «О Таможенном тарифе Российской Федерации и товарной номенклатуре, применяемой при осуществлении внешнеэкономической деятельности» (с изм. на 24 марта 2014 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901802555> – Дата обращения: 24 марта 2018.
12. *Титаренко М.Л.* Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 88 с.
13. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: стратегическое партнерство и сотрудничество. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. 224 с.
14. *Толстов В.К., Осадчая О.П., Ремизов Д.В.* Приграничное сотрудничество: опыт, проблемы и перспективы: Монография. Барнаул: Изд-во АлтГТУ. 2008. 175 с.
15. *Торкунов А.В.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / А.В. Торкунов, И.Г. Тюлин, А.Ю. Мельвиль и др.; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Просвещение, 2004. 989 с.

16. Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (с изм. на 13 июля 2015 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901723799> – Дата обращения: 23 марта 2018.
17. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (с изм. на 12 марта 2014 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9012279> – Дата обращения: 25 марта 2018.
18. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (с изм. на 29 дек. 2017 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902247071> – Дата обращения: 23 марта 2018.
19. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (с изм. на 13 июля 2015 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901881964> – Дата обращения: 23 марта 2018.
20. Официальный интернет-портал Республики Карелия. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru> – Дата обращения: 22 марта 2018.
21. Казахстан – Россия. Приграничное сотрудничество регионов // Выставочный портал GENERAL EXPO. – Режим доступа: https://www.generalexpo.ru/cat_exhibition/events/event_info/e13857 – Дата обращения: 22 марта 2018.
22. XIV форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. – Режим доступа: <https://rf-kz.ru/news/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v-xiv-forume-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kazaxstana> – Дата обращения: 24 марта 2018.

О правоэкстремистских настроениях в современной Германии

To the issue of the right-wing extremist attitudes in contemporary Germany

Д.А. Сидоров, С.С. Бойков

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России.

Бойков Семен Сергеевич, студент 2 курса магистратуры факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматривается история возникновения и существования правоэкстремистских партий и движений в послевоенной Германии. Авторы отмечают рост проявлений правого экстремизма и популизма в современном немецком обществе и уделяют особое внимание осмыслению причин такого положения дел. Авторы связывают успех партии «Альтернатива для Германии» на последних парламентских выборах с тем, что основу ее идеологии составили консерватизм и евроскептицизм.

Ключевые слова: Германия, правый экстремизм, неонацизм, миграционная политика, миграционный кризис, «Альтернатива для Германии», НДПГ.

Abstract: The article deals with the history of the emergence and existence of right-wing extremist parties and movements in postwar Germany. The authors note the growth of manifestations of right-wing extremism and populism in modern German society and pay special attention to understanding the reasons of this state of Affairs. The authors attribute the success of the "Alternative for Germany" party in the last parliamentary elections to the fact that conservatism and euroscepticism formed the basis of its ideology.

Key words: Germany, right-wing extremism, neo-Nazism, migration policy, migration crisis, «Alternative for Germany», NDP.

После окончания Второй мировой войны разгромленной Германии пришлось принять предложенную державами-победительницами так называ-

емую программу «четырёх Д»: демилитаризацию, демократизацию, демонаполизацию и денацификацию. В результате денацификации национал-социалистические законы, организации, символика и публикации были упразднены и запрещены. В 1945 г. в Западной Германии было уволено около 53 тыс. государственных чиновников; в советской же зоне оккупации к 1947 г. из органов госслужбы уволено более 500 тыс. бывших членов НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии Германии) [1: 564].

Что касается демократизации, то в 1949 г. был принят Основной закон ФРГ (Конституция Германии), восстановивший многопартийность и определивший основные гражданские права. Власти ФРГ разработали специальные механизмы, запрещающие партии, угрожающие основам демократии в Германии. Был введен пятипроцентный избирательный барьер (партии, не преодолевшие его, потеряли возможность пройти в Бундестаг). В 1950 г. учреждена Федеральная служба защиты Конституции Германии. В результате ее работы в 1952 г. прекратилась деятельность появившейся в 1949 г. неонацистской Социалистической имперской партии (СИП).

Правительство последовательно проводило линию на реализацию программы «четырёх Д». Однако, несмотря на все предпринятые меры, полностью искоренить национализм и правые идеи не удалось. В последнее время под влиянием ряда факторов внешнего и внутреннего характера их роль в формировании общественного и политического ландшафта современной Германии несколько возросла.

Какие партии и движения возникли на месте НСДАП? Почему в последние годы популярность партии «Альтернатива для Германии» значительно усилилась? В чем сегодня выражается правый экстремизм и каковы причины его роста?

Правоэкстремистские партии и движения в послевоенной Германии

Федеральная служба защиты Конституции Германии определяет правый экстремизм как «устремления, которые напрямую направлены против фундаментального равенства людей, зафиксированного в Основном законе, а также против универсальной значимости прав человека» [2]. После запрета и роспуска НСДАП в 1945 г. на политическую арену Германии вновь вернулись правоэкстремистские партии и движения.

В 1964 г. на фоне растущей поляризации общества (в 1966–1969 гг. в ФРГ правила «большая коалиция») возникла Национал-демократическая партия Германии (НДПГ). Основным содержательным профилем НДПГ был

реваншизм, основанный на антиамериканизме, антисоветизме, изоляционизме и антииммигрантской риторике [3]. Эта партия была популярна в основном в сельской местности с мелким крестьянским хозяйством, часто в отдаленных районах, и, помимо прочего, в малых и небольших городах с преобладающим консервативно настроенным населением [4]. Сравнивая программы НДПГ и НСДАП, российские исследователи Е.Е. Агафонова и Н.Г. Костромина выделили в них пять основных общих черт: 1) упор на национальную политику, отказ от [европейской] интеграции; 2) использование популистских лозунгов и высказываний; 3) агрессия по отношению к иностранцам и ксенофобия; 4) направленность в первую очередь на молодое поколение; 5) реваншизм [5: 9]. Иными словами, НДПГ являлась прямой преемницей НСДАП.

Росту популярности национал-демократов способствовал экономический спад в ФРГ 1966–1967 гг., ставший концом эпохи послевоенного «экономического чуда». Сокращение производства стало причиной роста числа безработных со 100 тыс. в сентябре 1966 г. до 673 тыс. в феврале 1967 г. [6: 431]. НДПГ удалось эффективно воспользоваться страхами, возникшими у населения после экономического кризиса, и использовать их в целях увеличения своей популярности. В 1968 г. на фоне роста протестных выступлений и праворадикальных настроений власти приняли законы о чрезвычайном положении, предусматривавшие возможность ограничения ряда основных прав граждан в случае необходимости.

На выборах в Бундестаг 1969 г. НДПГ приложила значительные усилия, чтобы войти в парламент, однако смогла набрать лишь 4,3% голосов избирателей, тем самым не преодолев пятипроцентный барьер. По мере улучшения ситуации в экономике популярность НДПГ постепенно снижалась. В конце 60-х гг. ей удалось провести своих депутатов в семь земельных парламентов, но только на одну легислатуру. К 1972 г. партия потеряла все мандаты, имевшиеся в региональных парламентах, но не прекратила своего существования.

После объединения Германии в 1990-е гг. деятельность НДПГ заметно активизировалась. Партии удалось закрепиться в восточной части страны – наиболее бедной, менее развитой и консервативно настроенной. Этот период времени характеризовался высоким уровнем безработицы в восточной Германии (1994 г. – 16%). НДПГ воспользовалась этим, сконцентрировавшись на социальных проблемах коренных немцев, требуя изолировать иностранных граждан от социальной системы ФРГ [7: 23]. В XXI в. партия смогла дважды пройти в ландтаги Саксонии (2004 и 2009 гг.) и Мекленбурга – Передней Померании (2006 и 2011 гг.) [8: 44]. Успеху партии все так же способствовали социально-экономические проблемы в новых землях. Однако появление в 2013 г. консервативно настроенной пар-

тии «Альтернатива для Германии» (АдГ) «спутало все карты» руководству НДПГ. Являясь более представительной политической силой, АдГ смогла привлечь на свою сторону электорат НДПГ. С 2016 г. национал-демократы не имеют фракции ни в одном региональном парламенте: они представлены лишь на муниципальном уровне и в Европарламенте (один мандат).

Помимо НДПГ в Германии возникали другие национально-консервативные и праворадикальные партии: Четвертая партия, Немецкий народный союз (ННС), «Республиканцы», «Свобода», «Pro-Deutschland», однако все они, как и НДПГ, постепенно потеряли свою популярность (некоторые даже прекратили свое существование).

Особого внимания заслуживает движение, получившее название PEGIDA (в переводе с немецкого языка – «Европейцы-патриоты против исламизации Старого Света»). Оно возникло в Восточной Германии, г. Дрездене, в 2014 г., выступает против исламизации и за ограничение иммиграции из мусульманских стран в ФРГ. Особенность движения заключается в том, что оно стало реакцией на миграционную политику Третьего кабинета (2013–2017 гг.) Ангелы Меркель. В 2014 г., согласно опросу по заказу еженедельника Der Spiegel, треть немцев (65%) была уверена, что правительство уделяет недостаточное внимание политике в отношении роста числа беженцев и иммигрантов в стране и связанным с этим явлением тревогам населения [9].

Успех партии «Альтернатива для Германии»

В 2013 г. на фоне кризиса в зоне евро возникла партия «Альтернатива для Германии». Основу ее идеологии составили консерватизм и евроскептицизм. Изначально основной упор в своей риторике АдГ делала на финансовом аспекте – необходимости выхода из еврозоны или по крайней мере приостановке выплат со стороны Германии в пользу евробанкротов. В 2013 г. один из руководителей АдГ Б. Лукке заявил: «Мы выступаем против евро, но не против Европейского союза» [10]. В момент основания партии, ее лидерами были профессор и экономисты, недовольные положением дел в экономике страны. В то время специалисты отмечали, что в случае, если партию возглавят талантливые популисты, она смогла бы привлечь больше внимания и «стать опасной» [10].

К 2015 г. в результате внутривнутрипартийной борьбы к власти в «Альтернативе» пришли такие политики, как Ф. Петри, сделавшие ставку на националистическую и антиисламскую риторику. Это позволило АдГ добиться успехов во время кризиса, вызванного притоком в страну сотен тысяч беженцев. «Альтернатива для Германии» стала выступать за жесткую

политику в отношении беженцев. Лидеры АдГ считают необходимым закрыть внешние рубежи Евросоюза, ввести жесткий контроль на границах Германии, построить лагеря для беженцев за рубежом, без промедления депортировать мигрантов, получивших отказ в предоставлении убежища. Кроме того, партия стремится ограничить влияние ислама в немецком обществе. В программе АдГ ясно указано: «Ислам несвойственен Германии» [11].

Однако не только тема бесконтрольной миграции и исламизации обеспечила партии растущую популярность. Как подчеркивает российский политолог В.И. Васильев, «Альтернатива для Германии» (как и все право-популистские партии) смогла завоевать симпатии в силу наличия социальной базы. Он отмечает, что партия «объединила те части населения, которые считают себя проигравшими от глобализации либо испытывают страх оказаться в среде таковых от последствий будущих процессов мирового развития» [12: 59].

К концу 2017 г. АдГ была представлена в 13 ландтагах Германии, а на последних парламентских выборах, состоявшихся 24 сентября 2017 г., смогла набрать 12,6% голосов, став третьей политической силой в Бундестаге. «Альтернатива» пользуется популярностью прежде всего в восточных землях: там ей удалось набрать около 22,5% голосов, уступив лишь Христианско-демократическому союзу (ХДС) А. Меркель (28,2%) [13]. «Альтернатива для Германии» привлекла на свою сторону не только бывший электорат НДПГ и других подобных организаций, но и тех, кто ранее голосовал за другие партии. Согласно исследованию, проведенному сразу после сентябрьских выборов телеканалом ARD, самые большие потери понесли ХДС (1,05 млн голосов), СДПГ (470 тыс. голосов) и «Левые» (около 400 тыс. голосов) [14]. АдГ заручилась поддержкой и тех, кто до этого вообще не принимал участия в выборах (около 1,2 млн человек) [14]. При этом, как уже было отмечено ранее, партии удалось получить голоса правозэкстремистских организаций, таких как НДПГ, став причиной их упадка.

Успех АдГ был негативно воспринят большей частью интеллектуальной и политической элиты Германии. В немецких СМИ с тревогой констатировалось, что впервые в истории послевоенной Германии в Бундестаг прошла партия, открыто выступающая с позиций расизма, исторического ревизионизма и правозэкстремизма [15].

Крайние проявления правого экстремизма

Успех «Альтернативы для Германии» стал отражением давно наметившейся тенденции: общество в Германии радикализируется. В мае 2017 г. полиция опубликовала отчет, согласно которому в 2016 г. на почве право-

го экстремизма было совершено на 14,3% преступлений больше, чем за аналогичный период 2015 г. [16]. В 2015 г. неонацисты совершили их на 30% больше, чем в 2014 г. [17]. Всего Федеральная служба защиты Конституции Германии насчитала в стране 21 тыс. граждан «с правым экстремистским потенциалом», половина из которых «ориентирована на насилие» [17]. Большая часть преступлений зарегистрирована в Восточной Германии. По информации немецких спецслужб, в одной только Саксонии за 2015 г. число неонацистов выросло с 300 до 1,3 тыс. человек [17]. В майском отчете при этом отмечается: «Исследования показали, что большинство людей на востоке не являются расистами. Однако значительная их часть воспринимают правый экстремизм слишком спокойно» [18].

В последние годы правый экстремизм проявляется различными способами. Ультраправые устраивают митинги и пикеты, нападают на лагерь беженцев, совершают точечные нападения на иностранцев (преимущественно исповедующих ислам), некоторые злоумышленники готовят теракты в целях компрометации прибывающих с Ближнего Востока мигрантов. Однако неонацисты не всегда действуют насильственными методами. Например, в июле 2017 г. в окрестностях г. Темар (Тюрингия) состоялся концерт под названием «Рок против иностранного засилья», на который приехало почти шесть тысяч человек [19]. В целом же, по данным немецкого правительства, в 2016 г. в ФРГ состоялось не менее 205 музыкальных мероприятий правого экстремистского направления, среди которых 78 концертов [19].

Особо остро стоит проблема роста национализма и правого экстремизма в рядах армии. Весной 2017 г. в стране разразился скандал после того, как выяснилось, что несколько офицеров бундесвера создали в армии неонацистскую ячейку. Более того, они готовили теракт, который должен был спровоцировать усиление ксенофобских настроений в обществе [20]. Министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен спустя несколько дней призналась: «Я виню себя в том, что раньше вплотную не занялась проблемой экстремизма в Вооруженных силах ФРГ. Сейчас я понимаю, что это было ошибкой» [20]. В целом же, по данным немецкой разведки, с 2011 г. в рядах вооруженных сил Германии зафиксировано 725 случаев вероятной активности ультраправых экстремистов [21].

Причины роста правого экстремизма в немецком обществе

Одна из основных причин роста правого экстремизма в Германии – провал миграционной политики А. Меркель. По данным Федерального статистического ведомства Германии, в период с декабря 2014 г. по декабрь

2016 г. число беженцев в ФРГ, которым было предоставлено убежище, выросло на 851 тыс. человек (113%). Примерно половина беженцев приехала из Сирии (455 тыс.), Афганистана (191 тыс.) и Ирака (156 тыс.) [22]. Согласно опросам общественного мнения, проведенным Институтом демократии Алленсбаха в апреле 2017 г., 45,3% граждан ФРГ, не имеющих иммигрантских корней, считают, что число иностранцев, живущих в Германии, слишком велико [23]. Согласно другому опросу, который был проведен Институтом исследования общественного мнения YouGov, более половины немцев полагают, что в стране живет слишком много иностранцев (35% – полностью согласны, 25% – скорее согласны с этим утверждением) [24].

Резкий рост миграционных потоков вызывает тревогу у населения. В начале 2016 г. 57% опрошенных опасались, что с прибытием новых беженцев Германия становится все более «непригодным» местом для жизни [25]. 60% граждан ФРГ желали бы, чтобы власти ввели верхнюю границу числа прибывающих беженцев, а 71% выступают за разработку нового законодательства, регулирующего миграцию [26]. 51% опрошенных полагают, что беженцы являются причиной роста криминогенности, а 53% – что вследствие чрезмерной миграции возросла потребность в обеспечении их большей безопасностью [27].

Таким образом, страх перед наплывом мигрантов и беженцев с Ближнего Востока, исповедующих ислам, особенно на фоне роста угрозы терроризма, радикализирует немецкое общество. Приходится констатировать, что третий кабинет А. Меркель фактически своими руками обеспечил рост популярности правых идей и выступающих за них политических сил.

Вторая причина роста правозэкстремизма – особенности регионального развития Восточной Германии. Большая часть праворадикалов проживают именно в восточной части ФРГ, что связано с двумя моментами. Во-первых, территория бывшей ГДР по уровню социально-экономического развития по-прежнему отстает от Западной Германии. Согласно последнему Ежегодному докладу о германском единстве, «зарплаты на востоке страны составляют в среднем лишь 82% от западногерманских. В старых федеральных землях уровень безработицы заметно ниже (5,6%), а доля экспорта существенно выше (32,4%), чем в новых. В результате такой ключевой показатель благосостояния, как ВВП на душу населения, в бывшей ГДР в настоящий момент не превышает 73,2% от западногерманского уровня» [28]. Во-вторых, как отмечает уполномоченная правительства Германии по вопросам развития восточных земель И. Гляйке, «в определенных регионах на востоке ФРГ есть исторически сложившаяся склонность к ксенофобии и праворадикальному мышлению, от которой в политических дискуссиях нельзя просто так отмахнуться» [29]. Дело в

том, что в ГДР пропагандировалась «дружба народов» и мигранты считались лишь «гостями». Соответственно, их пребывание в стране расценивалось как временное. Это представление сохранилось у многих жителей восточных земель до сих пор. С исчезновением Германской Демократической Республики старые социальные структуры распались, а новые большинству из жителей Восточной Германии создать пока не удалось.

Третья причина – кризис неолиберальной глобализации. Американский политолог А. Кафруни считает, что именно кризис глобализации вызвал рост правого популизма в Европе и США, а миграция лишь стала катализатором этого процесса. Как считает ученый, «сочетание неолиберальной глобализации и технологических изменений привело к широкому распространению деиндустриализации наряду с глубокими очагами бедности» [30]. Иными словами, рост правого популизма и экстремизма – реакция на отрицательные последствия глобализации.

Из третьей причины вытекает четвертая – разочарование в существующем социокультурном порядке в современной Германии. В частности, этим можно объяснить, почему на прошедших парламентских выборах заметную популярность приобрела АдГ и почему ее потеряли ХДС, Христианско-социальный союз (ХСС) и СДПГ. Российский специалист по Германии А.К. Камкин подчеркивает, что электорат «Альтернативы для Германии» – консервативно настроенные немцы, «которых раздражает навязчиво насаждаемая в сегодняшней Германии идеология агрессивной политической корректности, мультикультурализм, брюссельский диктат, а также спорные элементы миграционной и энергетической политики» [31: 537].

Пятая причина связана с двумя предыдущими – кризис массовых партий в Германии. К таким партиям в ФРГ относятся, в частности, ХДС и СДПГ. Они потеряли свою былую самоидентичность и стали партиями, пытающимися удовлетворить интересы как можно большего числа людей. Российский специалист по международным отношениям Д. Добров подчеркивает, что «право- и левоцентристы фактически превратились в один сжимающийся центристский тандем, идеологические границы внутри которого размыты. То есть социал-демократы заметно “поправили”, а христианские демократы – “полевели”» [32]. Иногда создается впечатление, что в массовых партиях отсутствуют лидеры, способные их возглавить. В связи с этим избиратели начинают считать, что традиционные партии больше не способны эффективно представлять их интересы, и это подталкивает их отдавать голоса другим политическим силам.

Таким образом, можно выделить пять основных причин роста числа сторонников правых идей в Германии. Часть из них носят конъюнктурный характер и связаны с отдельными недоработками правительства Герма-

нии. Речь идет о не до конца продуманной миграционной политике ФРГ, допустившей «наплыв» беженцев с Ближнего Востока в 2015–2016 гг., а также об особенностях социально-экономического развития Восточной Германии, которая отстает по своему уровню от западной части страны и где восприятие мигрантов отличается от того, каким оно является на западе. Другие причины носят системный характер. Они возникли вследствие целого набора факторов. Среди них – кризис неолиберальной глобализации, недовольство существующим социокультурным порядком в Германии и кризис массовых партий, стимулирующий избирателей голосовать за другие политические силы.

Анализ причин роста правого экстремизма и сравнение прошлого и настоящего наводит на мысль о том, что современная природа ксенофобских настроений отличается от той, что была в Германии в 1930–1940-е гг. Если в прошлом царил идеология расовой сегрегации (деление на представителей высшей и низшей расы), то сейчас деление происходит по принципу «коренной житель – мигрант». На современном этапе правые экстремисты видят основную угрозу в исламизации Германии, а также в провальной политике мультикультурализма.

Несмотря на влияние кризиса еврозоны, Германия является одной из наиболее богатых стран ЕС: уровень безработицы держится на рекордно низком уровне, инфляция относительно небольшая, ВВП растет. В связи с этим складывается впечатление, что, с одной стороны, рост правоэкстремизма не является необратимым процессом. Если новая правящая коалиция изменит миграционную политику, ограничив приток беженцев, и будет дальше развивать экономику на востоке страны, в среднесрочной перспективе правительству удастся обуздать рост популярности правопопулистов и экстремистов (как это произошло в конце 1960-х гг.). С другой стороны, негативные проявления процесса глобализации, кризис массовых партий, мультикультурализма и т.д. – проблемы общесистемного масштаба, и они вряд ли могут быть решены по воле конкретного правительства. Соответственно, эти процессы будут развиваться. Таким образом, правоконсервативные партии, такие как «Альтернатива для Германии», вероятно, станут в той или иной форме неотъемлемой частью политического ландшафта будущей Европы.

Источники и литература

1. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: ИД Международ. ун-та в Москве, 2007. 564 с.
2. Rechtsextremismus // Bundesamt für Verfassungsschutz. – Режим доступа: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_IR#rechtsextremismus – Дата обращения: 1 янв. 2018.

3. Die Geschichte der NPD // Die soziale Heimatpartei. – Режим доступа: <https://npd.de/geschichte-der-npd/> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
4. Mehr als 50 Jahre rechtsextrem // Bundeszentrale für politische Bildung. – Режим доступа: <http://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/222499/mehr-als-50-jahre-rechtsextrem#footnode4-4> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
5. Агафонова Е.Е., Костромина Н.Г. Деятельность НДПГ как причина ее популярности // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 7–11.
6. От создания Германской империи до начала XXI века / А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Ю.В. Галактионов, А.Е. Глушков, Л.В. Моница [и др.]; отв. ред. Ю.В. Галактионов. М.: КДУ, 2008. 672 с.
7. Антонов А.Е. История становления и развития Национал-демократической партии Германии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. С. 21–26.
8. Басов Ф.А. Германия в Европейском союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 33–52.
9. Опрос: Немцы недовольны иммиграционной политикой властей // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/1E3oX> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
10. Новая партия в Германии: Евросоюзу – да, евро – нет // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/17vd2> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
11. Программа для Германии // Программа Альтернативы для Германии (АдГ). – Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf – Дата обращения: 1 янв. 2018.
12. Васильев В.И. Правый популизм в Германии: тревожная тенденция // Обозреватель. 2017. № 1. С. 47–65.
13. So haben die Bundesländer bei der Bundestagswahl 2017 gewählt // Focus.de. – Режим доступа: http://www.focus.de/politik/deutschland/bundestagswahl_2017/wahlergebnisse-2017-so-haben-die-bundeslaender-bei-der-bundestagswahl-gewaehlt_id_7631289.html – Дата обращения: 1 янв. 2018.
14. Wahl-Analyse: Woher die Stimmen für die AfD kommen // bz-berlin.de. – Режим доступа: <https://www.bz-berlin.de/deutschland/wahl-analyse-woher-die-stimmen-fuer-die-afd-kommen> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
15. Wie gefährlich die AfD wird, bestimmt die Union // Zeit.de. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/alternative-fuer-deutschland-bundestagswahl-bundestag-fraktionen> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
16. Positive and negative trends in crime development in 2016 // Federal Ministry of the Interior. – Режим доступа: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/EN/2017/04/vorstellung-pks-pmk.html;jsessionid=9432AB2A7324F0F0443A5565BEBC62BC.2_cid287 – Дата обращения: 1 янв. 2018.
17. После фюрера // Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/05/03/fuehrer/> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
18. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве // Russia Today. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty> – Дата обращения: 1 янв. 2018.

19. Neo-Nazis rock small town in Germany // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/2gbTO> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
20. Свастика над бундесвером // Lenta.ru. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/05/16/bundeswehr_for_ursula/ – Дата обращения: 1 янв. 2018.
21. В немецкой армии разоблачили ячейку неонацистов // Lenta.ru. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2017/05/03/razoblacheniya_ne_brosim/ – Дата обращения: 1 янв. 2018.
22. В Германии находятся 1,6 миллиона беженцев // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/2mto7> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
23. Umfrage: Fast die Hälfte der Deutschen findet Zahl der Ausländer zu hoch // Epoch Times. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.de/politik/deutschland/fast-die-haelfte-der-deutschen-findet-zahl-der-auslaender-zu-hoch-a2117145.html> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
24. Umfrage zeigt: So eng ist der Kontakt zwischen Deutschen und Flüchtlingen // Focus.de. – Режим доступа: https://www.focus.de/politik/videos/yougov-umfrage-deutsche-fluechtlinge_id_6118869.html – Дата обращения: 1 янв. 2018.
25. Diese Ängste haben Deutsche wegen der Flüchtlinge // Welt.de. – Режим доступа: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article152542917/Diese-Aengste-haben-Deutsche-wegen-der-Fluechtlinge.html> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
26. Umfrage: Mehrheit will Flüchtlingsobergrenze – AfD-Anhänger misstrauen dem «gesamten politischen System» Deutschlands // Epoch Times.de. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.de/politik/deutschland/umfrage-mehrheit-will-fluechtlingsobergrenze-afd-anhaenger-misstrauen-gesamten-politischen-system-deutschlands-a2222717.html> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
27. Zuwanderung – bedrohlich oder bereichernd? // Tagesschau.de. – Режим доступа: <http://faktenfinder.tagesschau.de/inland/angst-junge-leute-nazis-fluechtlinge-101.html> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
28. Восток Германии отстает и будет отставать от запада // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/2jSO8> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
29. Почему на востоке Германии столько неонацистов // Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://p.dw.com/p/2dFSz> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
30. Растущий популизм в Европе и США: что дальше? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rastushchiy-populizm-v-evrope-i-ssha/> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
31. Современная Германия. Экономика и политика / Под общ. ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2015. 537 с.
32. Германия: кризис партий // inoСМИ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20160414/236132676.html> – Дата обращения: 1 янв. 2018.
33. Programm für die Wahl zum deutschen Bundestag am 24. September 2017 // AfD. – Режим доступа: https://afd-bw.de/afd-bw/wahlprogramme/2017-05-15_afd-bundestagswahlprogramm_onlinefassung-2.pdf – Дата обращения: 1 янв. 2018.
34. Программа для Германии // Программа Альтернативы для Германии (АдГ). – Режим доступа: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf – Дата обращения: 1 янв. 2018.

Брекзит как ключевой фактор британской политической жизни

Brexit as the key factor of British political life

К.А. Годованюк

Годованюк Кира Анатольевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН.

Аннотация: в статье рассматривается феномен Брексита с точки зрения его влияния на внутреннюю политику страны, а также позиция Консервативной партии Великобритании накануне и после досрочных выборов 2017 г. Автор делает вывод, что историческое решение британцев выйти из ЕС обострило внутривнутрипартийную борьбу в рядах тори. Итоги «первой фазы» переговоров Великобритании и Евросоюза не внесли ясности по вопросу, какими будут будущие взаимоотношения Лондона и Брюсселя. Премьер-министр Великобритании вынуждена искать компромисс между сторонниками «жесткого» и «мягкого» Брексита.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя политика Великобритании, Брексит, Консервативная партия Великобритании, досрочные парламентские выборы, внутривнутрипартийная борьба.

Abstract: the article considers Brexit phenomenon and its impact on UK domestic policy and Conservative Party before and after the Snap Elections 2017. The author argues that the historical decision of the UK citizens to leave the EU inflamed the Intraparty Strife in Conservative Party and the interim results of the “first phase” of EU-UK negotiations has not cleared up the future terms of relationship between London and Brussels. UK prime-minister has to search for compromises between “hard” and “soft” Brexeteers.

Key words: UK foreign and domestic policy, Brexit, Conservative Party, UK Snap Elections, Intraparty Strife.

Историческое решение граждан Соединенного Королевства покинуть Европейский союз – доминанта политической жизни страны вот уже несколько лет. Брексит стал ключевым фактором формирования как вну-

тренней, так и внешней политики. Несмотря на то что 51,9% проголосовавших высказались в пользу Брексита, в стране до сих пор нет консенсуса по этому вопросу.

Споры о том, нужно ли Британии членство в ЕС, не утихали на протяжении сорока лет, а скептическое отношение к европейской интеграции – евроскептицизм – появилось на Британских островах после присоединения Великобритании к ЕЭС в 1973 г. В июне 1975 г. состоялся первый референдум об участии Британии в европейской интеграции, по итогам которого 67% британцев проголосовали «за ЕЭС», и только 33% – «против».

С одной стороны, членство в ЕС дает Лондону возможность повысить свой авторитет в международной политике, влиять на принимаемые в Брюсселе решения. С другой стороны, национальное чувство британской исключительности было уязвлено тем, что часть национального суверенитета была передана в Брюссель. Правые настроения в Великобритании стали набирать силу. Особенно остро настроения евроскептицизма росли в Консервативной партии.

Наблюдая отток однопартийцев в Партию независимости Соединенного Королевства и стремясь умиротворить евроскептиков, премьер-министр Д. Кэмерон (2010–2016 гг., Консервативная партия) решился на проведение второго референдума, который не только привел к полному расколу в самой партии тори, но и фактически спровоцировал угрозу конституционного кризиса в Великобритании.

Внутрипартийная борьба в рядах Консервативной партии требует от нового руководства страны как усилий по консолидации политического истеблишмента, так и обеспечения национального единства. Референдум обострил североирландский вопрос. Неопределенность статуса сухопутной границы с Республикой Ирландия после Брексита создает риски для мирного процесса в регионе.

Первый кабинет Терезы Мэй (2016–2017 гг.): определение ориентиров

Феномен Брексита означает, что Британия прекратит свое членство в европейском интеграционном объединении и, как следствие, перейдет в разряд третьих стран по отношению к Евросоюзу. Лондон больше не сможет принимать участие в формировании руководящих органов ЕС, потеряет прерогативу принимать решения, участвовать в работах комитетов, агентств и иных подразделений, которые входят в систему европейских институтов. Фактически Лондон добровольно перейдет в разряд тех, кто *соглашается*, из разряда тех, кто *принимает решения*.

Важнейшее для страны решение было принято на плебисците 23 июня 2016 г., который фактически стал протестным голосованием граждан, не обладавших необходимой полнотой знаний о ЕС (см.: [1]). Уже после референдума в Великобритании начались дискуссии о том, насколько корректно был сформулирован вопрос, вынесенный на референдум. Например, должен ли Брекзит включать выход из Единого европейского рынка и Таможенного союза.

Тем не менее почти все крупные политические силы в стране согласились с результатами референдума. По замыслу Т. Мэй, сменившей Д. Кэмерона на посту лидера Консервативной партии, состав нового правительства Великобритании должен был отражать баланс евроскептиков и проевропейски настроенных членов партии. Именно поэтому кабинет был сформирован как из брекзитеров (сторонников выхода Великобритании из ЕС), так и бремейнеров (сторонников членства в ЕС). Ключевые посты, ответственные за реализацию решения народа Великобритании («Брекзит – означает Брекзит»), заняли активисты кампании за выход из Евросоюза.

Б. Джонсон (идеолог кампании в пользу Брекзита Vote Leave, бывший мэр Лондона) получил пост министра иностранных дел, Д. Дэвис был назначен министром по вопросам выхода из ЕС, Л. Фокс стал министром международной торговли. Сама Т. Мэй официально поддерживала Д. Кэмерона и его кампанию за сохранение членства в европейской интеграции (Britain Stronger in Europe), хотя еврофилом ее сложно назвать. Еще на посту министра внутренних дел (с 2010 по 2016 г.) Мэй выступала за ограничение миграции, в том числе из стран Евросоюза, и призывала к выходу Британии из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (эту меру она предлагала независимо от результатов референдума).

Мэй предложила самую очевидную формулу выхода из Евросоюза – «жесткий Брекзит»: страна покидает Единый внутренний рынок (пространство свободного передвижения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы – так называемые четыре свободы в рамках Евросоюза), Таможенный союз и выходит из-под юрисдикции Европейского суда. Новый премьер-министр не планировала проводить досрочные выборы, а главной задачей считала выработку правительственной линии по Брекзиту с учетом интересов регионов (Англия и Уэльс в целом высказались за выход из ЕС, Шотландия и Северная Ирландия – против).

Выступив объединителем нации, расколотой по вопросу членства в Евросоюзе, и заняв принципиальную позицию, Мэй быстро завоевала симпатии избирателей. По данным одного из центров оценки общественного мнения Великобритании Opinium/Observer, после первых 100 дней работы нового премьер-министра 46% опрошенных были довольны резуль-

татами [2]. Тогда же был зафиксирован высокий персональный рейтинг Т. Мэй: 48% британцев верили, что она способна заключить наилучшее соглашение с ЕС. Лейбористская партия во главе с непопулярным Дж. Корбином значительно отставала в рейтинге.

Однако прежде чем запустить процедуру выхода из Евросоюза, кабинету пришлось преодолевать юридические препятствия: отстаивать в суде конституционное право начать переговоры с Брюсселем о «разводе» без дополнительной санкции парламента и, проиграв тяжбу с гражданскими активистами, вносить на рассмотрение британских законодателей Билль о начале процедуры выхода из ЕС. Потратив на политико-конституционные дискуссии почти 8 месяцев, Т. Мэй официально ввела в действие ст. 50 Лиссабонского договора только 29 марта 2017 г., направив соответствующее письмо-уведомление в Брюссель.

Тогда же, доверившись положительным социологическим прогнозам и, вероятно, под влиянием ближайших советников, Т. Мэй решила на досрочные выборы. Расчет был стратегическим: во-первых, необходимо было получить официальный мандат от народа (лидером партии она стала в результате внутрипартийной борьбы), во-вторых, требовалось консолидировать саму партию тори по вопросу Брекзита, в-третьих, момент был идеальным для увеличения партийного большинства в Палате общин, что должно было усилить переговорные позиции премьер-министра.

Накануне выборов тори, уверенные в своей победе, убеждали электорат, что только они во главе с Т. Мэй могут эффективно руководить страной и обеспечить выгодную сделку с ЕС. Лозунг о «сильном и стабильном лидерстве» на финальном этапе избирательной гонки стал непопулярным.

Итоги выборов, состоявшихся 23 июня 2017 г., стали катастрофой для тори. Партия потеряла абсолютное большинство в Палате общин, набрав только 318 мест (ранее у британских консерваторов был 331 мандат). В стране был сформирован «подвешенный парламент», то есть ни одна из партий не получила абсолютного большинства в 326 мест.

Т. Мэй все же возглавила правительство меньшинства, заключив сделку с Демократической юнионистской партией (ДЮП, партия из Северной Ирландии). Юнионисты (10 мест в Палате общин) пообещали поддержать консерваторов при голосовании в парламенте по ключевым вопросам, в том числе по Брекзиту. В обмен на поддержку Мэй выделила дополнительное финансирование Северной Ирландии (2 млрд ф. ст. на два года).

Против тори сыграло много факторов. Терракты в Манчестере и Лондоне, отказ Т. Мэй участвовать в теледебатах, неудачный партийный манифест с рядом непопулярных мер: «налог на деменцию», обязывающий пожилых людей оплачивать самостоятельно расходы на уход, сокращение финансирования школ и т.д. [3: 10]. Лейбористы пообещали прекратить

политику жесткой экономии, привлекли на свою сторону молодых избирателей, пообещав отменить плату за обучение в вузах.

Рейтинг партии тори и лично Т. Мэй начал падать. Согласно данным социологического опроса, в июле 2017 г. 57% респондентов считали, что Т. Мэй должна уйти в отставку до следующих выборов, запланированных на 2022 г., 33% полагали, что она должна уйти в отставку немедленно, 16% предположили, что Мэй должна подать в отставку в 2019 г., когда завершатся переговоры по Брекзиту [4].

В рядах Консервативной партии также заговорили о необходимости сменить лидера. В СМИ появилась информация, что более 60% членов партии выступали за отставку премьер-министра. Два ключевых советника Т. Мэй оставили свои посты, взяв на себя ответственность за неэффективную предвыборную кампанию тори.

Второй кабинет Терезы Мэй: борьба брекзитеров и бремейнеров продолжается

Сформировав правительство меньшинства, Т. Мэй приступила к работе в составе нового кабинета, в котором, впрочем, все ключевые министры сохранили свои посты. Однако раскол в партии продолжал нарастать. Рядовые тори не могли простить своему лидеру, что она подвергла партию неоправданному риску. Т. Мэй заявила, что уходить не намерена и планирует возглавлять кабинет в течение всего периода переговоров по Брекзиту [5].

Положение британских консерваторов заметно осложнялось тем, что лейбористы существенно укрепили свои позиции, увеличив присутствие в Палате общин на 30 мест. Согласно социологическому опросу, проведенному в сентябре 2017 г., за лейбористов были готовы проголосовать 42% опрошенных, а за консерваторов 37%. Личный рейтинг Дж. Корбина составил 32%, рейтинг Т. Мэй упал до 30% [6].

Выступление премьер-министра на ежегодной конференции Консервативной партии в Манчестере в октябре 2017 г. назвали одним из самых неудачных в истории большой политики. Сначала ее прервал комик, который пробрался непосредственно к сцене и передал Мэй форму P45 («уведомление об увольнении») со словами: «Это вам просил передать Борис!» (намек на разногласия между Т. Мэй и Б. Джонсоном по условиям выхода из ЕС). За этим последовал второй курьезный случай – во время выступления лидера тори начал «рушиться» лозунг консерваторов «Построим государство, которое работает на каждого».

Через несколько дней после «неудачной» конференции Т. Мэй заявила СМИ, что располагает поддержкой своей партии и ее премьерство можно назвать «спокойным лидерством» [7].

Согласно опросу центра оценки общественного мнения YouGov, 66% сторонников Консервативной партии Великобритании поддерживают выход страны из ЕС, поэтому любое заявление премьер-министра по Брекситу влияет на ее рейтинг. 35% опрошенных заподозрили, что Т. Мэй так и не отказалась от своих взглядов, озвученных до референдума, и на самом деле не желает выхода страны из ЕС [8]. Партийные дискуссии вокруг Брексита фактически выливаются в обсуждение истинной позиции премьер-министра («Т. Мэй – скрытый бремейнер») [9].

На этом фоне начал расти рейтинг таких «жестких» брекзитеров, как Б. Джонсон, Д. Дэвис, а также Дж. Рис-Могг – депутат-заднескамеечник¹, который с января 2018 г. возглавляет группу европейских исследований, – евроскептическая группа давления в рядах тори.

На популярность Т. Мэй влияют спекуляции в прессе и разного рода «утечки». Так, министр по вопросам Брексита Д. Дэвис «случайно» заявил в парламенте, что Т. Мэй не читает документы с подробными выкладками об экономических последствиях Брексита, которые представляет его ведомство.

Шаткое положение правительства Мэй усугубляют и вынужденные отставки в правительстве. Так, из-за обвинений в сексуальных домогательствах оставил должность министр обороны М. Фэллон, который выступал за сохранение членства в ЕС. Позже за несанкционированные встречи с официальными лицами Израиля в отставку ушла министр международного развития П. Пател (брекзитер), а уже в январе 2018 г. покинул свой пост бремейнер Д. Грин, заместитель премьер-министра.

Угроза отставки нависла и над главным брекзитером – Б. Джонсоном. Более тысячи человек потребовали снять его с должности в связи с профнепригодностью после неосторожных публичных комментариев по делу подданной Великобритании, арестованной в Иране. Женщину подозревают в ведении заговорщической деятельности, а заявления Джонсона о том, то она лишь «учила местных жителей журналисткой работе» угрожают ей продлением тюремного срока.

В ноябре 2017 г. 40 членов парламента от Консервативной партии подписали требование вынести вотум недоверия Т. Мэй. По правилам требуется 48 голосов однопартийцев, чтобы поставить вопрос о смене лидера партии в специальном комитете Палаты общин (Комитет 1992 г.).

На рейтинг правительства негативно повлияли и просочившиеся в прессу «секретные» инструкции брекзитеров Б. Джонсона и М. Гоува (министр окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства), которые призывают премьер-министра полностью порвать с Брюсселем и установить крайний срок для завершения переходного периода после выхода из ЕС – 30 июня 2021 г. [10].

¹ Рядовой член парламента, который не входит в кабинет.

«Первая фаза» переговоров с ЕС завершена

22 сентября 2017 г. во Флоренции Т. Мэй изложила свою переговорную позицию: после выхода из ЕС Британии потребуются двухлетний период реализации договоренностей – так называемый транзитный период. Официально Лондон не просит продлить срок членства в Евросоюзе. В соответствии со ст. 50 Лиссабонского договора предусмотрен двухлетний период для согласования условий выхода из ЕС. Поэтому дата Брексита остается неизменной – 29 марта 2019 г.

Мэй с самого начала говорила, что Британия покинет ЕС единым королевством с учетом позиции регионов. Во Флоренции премьер-министр также заявила, что после Брексита не возникнет пограничной инфраструктуры между Республикой Ирландия и Северной Ирландией (единственный регион Соединенного Королевства, имеющий сухопутную границу с ЕС).

Основной камень преткновения на переговорах с Евросоюзом – вопрос о финансовых выплатах Лондона при «разводе» и статус граждан ЕС, прибывающих в Великобританию. По замыслу Мэй, во время переходного периода граждане Европейского союза по-прежнему смогут свободно приезжать в Великобританию, но должны будут проходить процедуру регистрации. По суммам выплат Т. Мэй ясности не внесла.

В интервью газете «Сан» Б. Джонсон высказал свою позицию: транзитный период после Брексита должен быть два года и «ни секундой больше». Британия не должна принимать новые европейские директивы во время транзитного периода. Не должно быть никаких выплат или дублирования европейских законов в обмен на доступ к Единому внутреннему рынку [11]. Его высказывания были расценены как заявка на партийное лидерство.

В декабре 2017 г. Лондон и Брюссель объявили о начале «второй фазы» переговоров по выходу Великобритании из ЕС, которая должна завершиться к ноябрю 2018 г. Заявлено, что стороны договорились по основным параметрам «развода» и готовы начать предметные переговоры по условиям соглашения о выходе Британии и транзитном периоде. 29 января 2018 г. Евросоюз утвердил специальную директиву по транзитному периоду, где обозначен его крайний срок – 31 декабря 2020 г. [12].

Формально транзитным периодом обозначена фаза «внедрения» договоренностей, которые будут достигнуты. За этой формулировкой скрывается попытка правительства замаскировать недостатки будущего соглашения о «разводе с ЕС».

В декабре 2017 г. Лондон и Брюссель договорились, что во время транзитного периода будет сохранен статус-кво Британии как члена Евросоюза, то есть Соединенное Королевство остается в Едином внутреннем

рынке, Таможенном союзе и, соответственно, граница с Республикой Ирландия остается прозрачной.

Проблемный вопрос – свободное перемещение граждан (одна из основ Европейского общего рынка). Позиция Европейского союза жесткая: свободное перемещение должно действовать в течение транзитного периода, и граждане ЕС, которые приедут в Британию в этот период, должны пользоваться всеми установленными ранее правами.

Позже Мэй отметила, что даже если Великобритания согласится на свободное перемещение во время транзитного периода, прибывшие граждане ЕС не будут пользоваться теми же правами, которые распространяются на граждан ЕС, прибывших на Британские острова до 29 марта 2019 г. [13].

Великобритания уже прорабатывает вопрос о будущих торговых сделках с третьими странами (США, Япония, Китай). Запрет Брюсселя на заключение двусторонних соглашений о свободной торговле формально должен действовать, пока Британия не завершит членство в ЕС.

Евросоюз добивается от Лондона, чтобы в течение всего транзитного периода европейское законодательство продолжало действовать в Великобритании, как и во всем ЕС. Но позиция Брюсселя противоречит внесенному еще в июле 2017 г. в британский парламент законопроекту о выходе из Евросоюза (EU Withdrawal Bill прошел три чтения в Палате общин и уже находится на рассмотрении у британских лордов). Билль предусматривает отмену действия акта о Европейских сообществах 1972 г., ограничение прямого действия европейского права в Британии и его замену британскими законами.

Д. Дэвис, главный переговорщик от Британии по вопросам Брекзита, подтвердил, что в течение всего транзитного периода Лондон останется под юрисдикцией европейского права, что вызывает негодование сторонников «жесткого» Брекзита. Дж. Рис-Могг обращает внимание, что, если «30 марта 2019 г. на Британию будет распространяться юрисдикция Европейского суда справедливости, если Британия продолжит вносить взносы в бюджет ЕС и на нее будут распространяться правила Единого внутреннего рынка, Британия станет не чем иным, как *вассальным государством*» [14]. По мнению депутата, страна должна добиваться права накладывать вето на европейские законы, принятые в транзитный период.

Дискуссии в правительстве по поводу второй фазы переговоров с ЕС

В начале февраля 2018 г. Т. Мэй заявила, что не исключает присоединение Великобритании к Таможенному союзу ЕС после Брекзита, чем в очередной раз вызвала гнев «жестких» брекзетеров.

Обеспокоившиеся евроскептики от партии тори предложили Б. Джонсону возглавить правительство в случае отставки Мэй. Джонсон был настроен решительно, заявив, что будет препятствовать возврату Британии в состав Таможенного союза ЕС. По мнению СМИ, в рядах тори наметилась «команда мечты» – Brexit dream team (Б. Джонсон, М. Гоув как возможный заместитель премьер-министра и Дж. Рис-Могг как потенциальный глава министерства финансов), которая, как того хотят евроскептики, может эффективно провести финальную стадию переговоров с Евросоюзом, сделав позицию Великобритании более жесткой.

Вопрос участия в Таможенном союзе окончательно разделил британский кабинет на два лагеря. Канцлер казначейства Ф. Хэммонд, министр внутренних дел Э. Радд и министр бизнеса, энергетики и промышленной стратегии Г. Кларк выступают за Таможенный союз с ЕС. Дело в том, что дискуссия совпала с утечкой специального доклада, указывающего на негативные последствия Брекзита для экономики Соединенного Королевства [15]. Лиам Фокс, секретарь международной торговли ЕС, выступает против: членство в Таможенном союзе не даст возможность Британии заключать соглашения о свободной торговле с третьими странами. Л. Фокс уже предупредил, что готов уйти в отставку, если Таможенный союз будет заключен.

После многочисленных спекуляций о том, что Соединенное Королевство может в том или ином виде остаться в ЕС, Мэй подтвердила, что Британия покидает Таможенный союз после марта 2019 г. [16]. Ее слова одобрили «жесткие» брекзитеры, но обеспокоили умеренное крыло партии.

Потерю европейских рынков кабинет намерен компенсировать за счет заключения соглашений о свободной торговле с США, Японией, Китаем, странами Латинской Америки и членами Содружества. Однако перспективы этих соглашений пока туманны: во-первых, указанные страны лишь «прорабатывают» возможность заключения подобных соглашений и стороны даже не перешли к обсуждению конкретных параметров торговой сделки, во-вторых, нет гарантий, что товарооборот с новыми торговыми партнерами достигнет объемов, сопоставимых с уровнем торговли Лондона и ЕС.

Чувствительный вопрос о североирландской границе пока остается открытым. Брюссель настаивает, что установление пограничной инфраструктуры будет неизбежно, если Лондон покинет Таможенный союз, что автоматически подрывает мирный процесс в регионе. По соглашению о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии (Соглашению Страстной Пятницы, или Белфастскому соглашению, от 1998 г.), границу фактически упразднили (см.: [17]).

Дискуссия о том, каким именно будет Брекзит, уже стала затяжной. Не первый раз в британской истории лидер тори рискует покинуть свой

пост из-за идеологических расхождений по вопросу европейской интеграции. В свое время постов из-за европейского вопроса лишились М. Тэтчер, Дж. Мэйджор и Д. Кэмерон. Группа сторонников «жесткого» Брексита оказывает сильное давление на премьер-министра.

Депутат-заднескамеечник от партии тори Анна Субри (стоит на твердых проевропейских позициях) призвала Т. Мэй «выгнать» примерно 35 «идеологических сторонников “жесткого” Брексита», чтобы они не мешали вести вторую фазу переговоров с ЕС [18].

Поиск «российского следа»

Разговоры о том, что в Брекзите «виновата» Россия, начались задолго до самого референдума. Д. Кэмерон во время агитационной кампании заявил, что Брекзит будет выгоден только лидеру ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ) и В.В. Путину. Расчет был прост – напугать электорат и убедить в необходимости голосовать за членство в ЕС.

Когда Брекзит стал неизбежностью, в Великобритании одновременно с решением самого вопроса о выходе из Евросоюза начали искать виноватых. «Вмешательство» России стало наиболее удобной формулировкой, особенно в свете развернувшейся антироссийской кампании в США.

Таким настроениям способствовала и сама премьер-министр, которая на банкете у лорда-мэра в ноябре 2017 г. заявила, что Россия вмешивалась в выборы ряда западных стран и даже взломала компьютерные системы министерства обороны Дании [19].

Вопрос возможного влияния России на Брекзит беспокоил британских политиков, парламентариев и научно-аналитические центры. Изучение причинно-следственных связей шло по двум направлениям: русских искали среди спонсоров кампании за выход из ЕС, а также пытались обвинить российских пользователей социальных сетей в агитации за Брекзит. Ни по одному из этих пунктов не собрано убедительной доказательной базы.

Осенью 2017 г. избирательная комиссия Великобритании начала расследование в отношении британского бизнесмена А. Бэнкса, одного из основателей кампании Better for the Country, который пожертвовал на агитационную кампанию за выход Британии из ЕС рекордные 9 млн ф. ст. Избирательная комиссия Великобритании поставила вопрос, был ли Бэнкс истинным источником пожертвований или он получал от России деньги на кампанию. Бизнесмен, в свою очередь, подобные обвинения назвал несостоятельными [20].

Между тем Б. Брэдшоу, член парламента от Лейбористской партии, призвал к расследованию возможного влияния Москвы на ход референдума по Брекзиту. В октябре 2017 г. Д. Коллинз, руководитель комите-

та по культуре, СМИ и спорту Палаты общин запросил у главы Facebook М. Цукерберга данные пользователей социальной сети, которые размещали информацию, относящуюся к референдуму в Великобритании. Парламентариев интересовало количество просмотров таких страниц, а также стоимость рекламных постов. Аналогичный запрос был направлен руководителю социальной сети Twitter. Из Facebook поступил ответ: пользователями, идентифицированными в качестве «российских ботов», в ходе двухмесячной кампании накануне референдума было потрачено в общей сложности 97 центов на рекламу [21]. Авторы специального исследования Оксфордского университета, опубликованного в декабре 2017 г., не нашли фактов, подтверждающих, что действия русских могли оказать существенное влияние на исход референдума [22].

Поиск «русского следа» тем не менее продолжился. В феврале 2018 г. группа британских парламентариев прибыла в Вашингтон, чтобы лично задать вопрос руководству социальных сетей (Facebook, Twitter), как именно русские могли повлиять на решение британцев голосовать в пользу Брексита.

Бывший лидер Партии независимости Соединенного Королевства Н. Фарадж считает поиск «русского следа» пустой тратой времени. Брекзитеры от других партий также ставят под сомнение влияние русских: здравый смысл говорит, что «бремейнеры не могли проиграть только из-за В.В. Путина».

В декабре 2017 г. накануне визита в Москву Б. Джонсон заявил, что ему не известны случаи вмешательства России в дела Соединенного Королевства [23].

21 декабря 2017 г. в Палате общин прошли дебаты, посвященные российскому вмешательству в политику Соединенного Королевства. Депутат от консервативной партии Эдвард Лей (бывший глава межпартийной парламентской группы по России) предложил не пытаться объяснить решение народа выйти из ЕС российским вмешательством [24].

Тем не менее большинство депутатов, как и большинство британских СМИ, убеждены, что Москва как минимум пыталась повлиять на ход референдума.

Подобная постановка вопроса компрометирует главного идеолога Брексита – Б. Джонсона, который, в свою очередь, выступает с резкими антироссийскими заявлениями, чтобы снять подозрения оппонентов в «пророссийской политике». Инцидент в Солсбери, где-по утверждению премьер-министра Великобритании, 4 марта 2018 г. были отравлены нервно-паралитическим веществом С. Скрипаль, бывший полковник ГРУ, работавший на британскую разведку МІ6, и его дочь Юлия, стал своеобразным моментом истины британского руководства в глазах общественности.

Раздув из солсберийского инцидента крупный международный скандал, обвинив Российскую Федерацию и лично В.В. Путина в применении боевого отравляющего вещества «Новичок» на улицах Соединенного Королевства, правительство на несколько месяцев отвлекло внимание общественности от переговоров с Брюсселем и даже повысило свой рейтинг. Население Британии одобрило жесткую позицию Т. Мэй по «делу Скрипалей» и введение антироссийских санкций. При этом личный рейтинг Т. Мэй впервые после досрочных выборов в июне 2017 г. превысил популярность ее главного оппонента Дж. Корбина [25].

Заключение

Брекзит останется доминантой нового политического сезона в Британии. Тори, затеявшие выход из ЕС, так и не смогли выработать единую линию и договориться между собой. Т. Мэй как компромиссная фигура во внутривнутриполитической борьбе брекзитеров и бремейнеров взяла на себя миссию не просто реализовать Брекзит, но и сплотить партию и страну. Сегодня положение премьер-министра осложняется тем, что она возглавляет правительство меньшинства и на Мэй оказывают еще большее влияние однопартийцы.

С другой стороны, британские консерваторы понимают, что отставка Мэй и, как следствие, очередные досрочные выборы – проигрышная стратегия в условиях возросшего рейтинга лейбористов. В эпоху перемен цена ошибок очень высока, поэтому рисковать правительством, созданным с таким трудом, консерваторы не заинтересованы. Очередная смена правительства может дестабилизировать переговорные позиции Лондона и даже перечеркнуть достигнутые ранее договоренности. Так или иначе, отставка Мэй не решает экзистенциальный вопрос для тори – каким должен быть Брекзит.

Источники и литература

1. *Ананьева Е.В.* Брекзит: голосовали сердцем // *Международная жизнь*. 2016. № 7. С. 47–61.
2. Twice as many voters trust May over Corbyn with economy and Brexit – poll. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2016/oct/22/twice-voters-theresa-may-jeremy-corbyn-economy-brexite-opinium-observer-poll> – Дата обращения: 1 фев. 2018.
3. *Ананьева Е.В.* Разобщенная Британия // *Современная Европа*. 2017. № 5. С. 5–15.
4. Political Polling 11th July 2017. – Режим доступа: <http://opinium.co.uk/political-polling-11th-july-2017> – Дата обращения: 1 фев. 2018.
5. Theresa May says she will stay Prime Minister for entire Brexit negotiations. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-may-resign-brexite>

- g20-two-years-2019-article-50-process-talks-a7828646.html – Дата обращения: 2 фев. 2018.
6. Labour pull clear of Tories as new poll shows voters prefer Corbyn over May as PM. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/labour-tories-poll-latest-lead-jeremy-corbyn-theresa-may-pm-general-election-five-points-bmg-a7988166.html> – Дата обращения: 2 фев. 2018.
 7. Theresa May says cabinet 'fully behind' her leadership. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-41519601> – Дата обращения: 2 фев. 2018.
 8. Boris is the biggest Brexiteer according to Conservative party members. – Режим доступа: <https://yougov.co.uk/news/2017/10/05/boris-biggest-brexiteer-according-conservative-par> – Дата обращения: 2 фев. 2018.
 9. NOW they tell us! Theresa May ally claims she was a 'RELUCTANT Remainer'. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/politics/687589/Theresa-May-reluctant-remainer-Michael-Fallon> – Дата обращения: 2 фев. 2018.
 10. Boris Johnson and Michael Gove attempt 'soft coup' with letter giving Theresa May Brexit instructions. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-latest-boris-johnson-theresa-may-michael-gove-secret-letter-a8050291.html> – Дата обращения: 2 фев. 2018.
 11. Boris Johnson reveals his four Brexit 'red lines' for Theresa May. – Режим доступа: <https://www.thesun.co.uk/news/4580334/boris-johnson-pm-brexit-red-lines> – Дата обращения: 5 фев. 2018.
 12. Brexit: European Commission receives mandate to begin negotiations with the United Kingdom on transitional arrangements. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-463_en.htm – Дата обращения: 5 фев. 2018.
 13. Brexit: Theresa May to fight EU transition residency plan. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-42896996> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 14. Jacob Rees-Mogg tears into Tory David Davis' Brexit plan branding Britain a 'vassal state' of Brussels. – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/jacob-rees-mogg-tears-tory-11906199> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 15. This Leaked Government Brexit Analysis Says The UK Will Be Worse Off In Every Scenario. – Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/albertonardelli/the-governments-own-brexit-analysis-says-the-uk-will-be?utm_term=.ko9j2apLvm#.kkAg1ewOjz – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 16. Mixed messages from Theresa May and Liam Fox on customs union after Brexit. – Режим доступа: <https://news.sky.com/story/theresa-may-and-liam-fox-clash-on-eu-customs-union-after-brexit-11232833> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 17. Охошин О.В. Вопрос о североирландской границе чуть не «заморозил» Брекзит. – Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an100.pdf> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 18. Remove hard Brexiteers, ex-minister Anna Soubry tells PM. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-42955553> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
 19. PM speech to the Lord Mayor's Banquet 2017. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-2017> – Дата обращения: 8 фев. 2018.

20. Британский предприниматель назвал чушью «след России» в кампании за Brexit. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20171101/1508011866.html> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
21. «Трешка на подкуп». Как Россия «подстроила» Brexit за... 97 центов. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20171215/1510970370.html> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
22. Russia and Brexit. Oxford Internet Institute. – Режим доступа: <https://www.oii.ox.ac.uk/blog/russia-and-brexit> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
23. Лондон не располагает данными об «успешном вмешательстве» России в Brexit. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20171221/1511461116.html> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
24. Британские депутаты – о «российском вмешательстве»: это придумал Ленин. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20171225/1511651009.html> – Дата обращения: 8 фев. 2018.
25. Political Polling 13th March 2018. – Режим доступа: <http://opinium.co.uk/political-polling-13th-march-2018/> – Дата обращения: 10 апр. 2018.

Политические аспекты участия России в ФАО

Political Aspects of Russia's Participation in the FAO Activities

Н.И. Тутаева

Тутаева Наталья Игоревна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры английского языка вечернего отделения Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: ФАО, крупнейшая и наиболее авторитетная организация системы ООН в деле развития международного сотрудничества в области продовольствия, сельского хозяйства и рыболовства, переживает в настоящее время трудный и довольно болезненный период реорганизации всего механизма своей деятельности. ФАО страдает от низкой эффективности в ее деятельности, плохого управления, акцента на оказание технического содействия странам третьего мира и сталкивается с серьезной проблемой финансирования ее бюджета.

Ключевые слова: система ООН, реформирование, международное сотрудничество, перестройка, глобальная организация, страны третьего мира, финансирование бюджета, задолженность, страны-доноры, переговорный механизм, «Программа Срочных Мер» (ПСМ), программная деятельность, приоритеты в работе, позиции, Генеральная Конференция ФАО, универсальный характер.

Abstract: the FAO, the largest and most influential international organization of the UN system promoting the international cooperation in the fields of food, agriculture and fishery, is confronted nowadays with a difficult and rather painful period of reorganization of the whole mechanism of its activities. The FAO suffers from inefficiency and bad management, accent on the technical assistance to the third world countries and faces a serious problem of financing of its budget.

Key words: the UN system, reconstruction, reforming, international cooperation, global organization, third world countries, financing of the budget, arrears in payments, contributions, donor-countries, negotiation mechanism, Emergency Programme of Actions (EPA), positions, FAO General Conference, universal character.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) является крупнейшей и наиболее авторитетной меж-

дународной организацией в деле развития международного сотрудничества в сфере сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, деятельность которой имеет большое практическое значение для экономики стран-членов. СССР вошел в число 45 государств – учредителей ФАО в 1945 г. Однако в силу ряда причин Российская Федерация, как правопреемник СССР, оформил свое полноправное членство в ФАО лишь 11 апреля 2006 г., став ее 189-м членом.

ФАО обладает уникальным международным опытом в сфере применения новейших агропромышленных приемов и ноу-хау, выведения высокоурожайных, засухоустойчивых зерновых культур и высокопродуктивного домашнего скота, борьбы с болезнями и вредителями в сельском хозяйстве и лесоводстве.

ФАО располагает мощной исследовательской и информационными базами, позволяющими оперативно передавать странам-участницам для практического использования в экономике самые последние достижения и разработки в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве. Она разрабатывает рекомендации правительствам касательно политики в этих областях в отношении конкретных регионов и стран.

Особое практическое значение имеют разрабатываемые в рамках Организации международные нормы и стандарты на сельскохозяйственную, лесную и рыбную продукцию, выполнение которых имеет ключевое значение для экспортеров в условиях жесткой конкуренции в международной торговле и обострения борьбы за потенциальные рынки сбыта. Однако ключевое место в деятельности ФАО занимают все же вопросы борьбы с голодом и нехваткой продовольствия в мире.

В то же время статистические данные, а также исследования, проводившиеся в последние годы специалистами ООН, ФАО, Всемирного банка и ОЭСР, свидетельствуют о том, что, несмотря на все усилия, предпринимавшиеся мировым сообществом, включая ФАО, после проведения в 1974 г. первой Всемирной продовольственной конференции, проблема ликвидации голода и недоедания не только не решается, но и все более усугубляется [1]. По оценке ФАО, число голодающих в мире в 2016 г. составило 815 млн чел., что на 38 млн больше по сравнению с 2015 г., и продолжает неуклонно расти. В значительной степени это связано с резким ростом в мире числа вооруженных конфликтов и стихийных бедствий [2].

Становится очевидным, что достижение цели, поставленной в Декларации 1996 г. (принятой на римской Всемирной встрече на высшем уровне по продовольственному обеспечению), сократить вдвое к 2015 г. число голодающих в мире, будет отодвинуто как минимум к середине текущего столетия.

По признанию Генерального директора ФАО, продовольственная проблема фактически приобрела глобальный характер и требует от мирового сообщества срочных мер, прежде чем она перерастет в глубокий мировой кризис [3: 3–13].

На состоявшемся 12–13 октября 2009 г. в Риме по инициативе ФАО Форуме экспертов высокого уровня «Как прокормить население мира в 2050 году» был сделан вывод о принципиальной возможности решить мировую продовольственную проблему к середине XXI века с численностью населения Земли 9,1 млрд чел. (рост на 40%) при условии существенного увеличения производства продовольствия (не менее чем на 70%, или на 1 млрд т зерновых и 200 млн т мяса ежегодно), резкого увеличения инвестиций в сельское хозяйство (до 210 млрд долл. США ежегодно), развития сельских районов и инфраструктуры в развивающихся странах, существенного увеличения им международной финансовой помощи, реального облегчения доступа сельскохозяйственной продукции развивающихся стран на мировые рынки и сокращения субсидирования производства биотоплива, отвлекающего из сферы питания ценную сельскохозяйственную продукцию [4].

Оперативная деятельность ФАО, ее научно-технический компонент, реализуемые в рамках Организации многочисленные программы международного сотрудничества в различных сферах сельского хозяйства, рыболовства и лесоводства, а также информационные программы и инвестиционная деятельность составляют тот бесценный капитал, который, как представляется, в полной мере должен быть востребован российскими министерствами и ведомствами в интересах наращивания сельскохозяйственного производства в России на основе новейших мировых достижений.

Следует признать, что за короткий срок с момента вступления России в ФАО (чуть более 10 лет) заинтересованными министерствами и ведомствами сделано немало для включения в ее деятельность, обеспечения российского участия в работе основных межправительственных органов ФАО и международных конференций, проводимых по линии Организации. В то же время анализ показывает, что у министерств и ведомств, обеспечивающих российское участие в ФАО, имеются немалые резервы и неиспользованные возможности по целому ряду направлений работы Организации. Соответственно, перед ними стоит важнейшая задача максимального задействования в народно-хозяйственных интересах страны накопленного опыта, знаний, научно-технического потенциала ФАО. Решение этих вопросов позволит повысить эффективность российского участия.

Проблематика участия России в деятельности организаций системы ООН стала в последние годы предметом специального исследова-

ния в работах отечественных политологов, историков, специалистов-международников, включая такие вопросы, как неприменение силы в международных отношениях, миротворчество, реформа ООН, формирование бюджета ООН и др. Что же касается ФАО, которая также входит в систему ООН, то, за исключением кратких информационных материалов об общих задачах и функциях Организации, содержащихся в справочниках по международным организациям [5], российское участие в ФАО не выступало до сих пор предметом специальных научных исследований. Менее исследованной областью участия России в международных организациях остается оценка ее эффективности, хотя, по признанию некоторых российских исследователей, сами международные организации активно используют оценку в целях повышения результативности своей работы [6].

Наиболее масштабная оценка эффективности работы ФАО проходит в настоящее время в связи с перестройкой деятельности Организации. Вследствие этого фактор оценки эффективности должен, как представляется, в полной мере учитываться как в деятельности заинтересованных российских министерств и ведомств, так и в научных исследованиях по проблематике участия России в ФАО. В последние годы ФАО переживает трудный и довольно болезненный период реорганизации всего механизма своей деятельности в целях его адаптации к современным реалиям международных экономических отношений, уточнения роли и места в них самой Организации.

Необходимость реформирования во многом предопределил тот факт, что созданная в 1945 г. на международной конференции в г. Квебеке (Канада) с участием Советского Союза как глобальная организация, действующая в интересах всех стран, ФАО постепенно под нажимом развивающихся стран трансформировалась в одно из учреждений системы ООН, уделяющих приоритетное внимание проблематике стран третьего мира и оказанию им разнообразного технического содействия, что стало вызывать крайнее неудовольствие со стороны основных стран – доноров бюджета ФАО. Это привело к тому, что свыше половины ресурсов ФАО стало направляться на предоставление данным странам чрезвычайной помощи, реализацию различного рода проектов технического содействия в странах Африки, Азии и Латинской Америки. В последние десятилетия ФАО превратилась в громоздкую, подчас трудноуправляемую структуру, включающую помимо штаб-квартиры в Риме, где работает свыше 3600 сотрудников, также отделения в регионах, субрегионах и в отдельных странах. Последние нередко дублируют на местах работу аналогичных подразделений других международных организаций, занимающихся вопросами оказания технической помощи.

Непомерно раздутый Секретариат ФАО, на содержание которого расходуется свыше 70% бюджетных средств, или свыше 700 млн долл. США, стал предметом жесткой критики со стороны ведущих западных стран, и в первую очередь США и Японии, потребовавших от бывшего Генерального директора ФАО Ж. Диуфа принятия радикальных мер по сокращению аппарата Организации.

Чрезмерно высокий объем средств из бюджета ФАО, выделяемых на содержание Секретариата ФАО, а также крен в сторону техпомощи привели к серьезному недофинансированию таких важных направлений работы ФАО, как проведение научных исследований и разработок, ориентированных на повышение урожайности сельхозкультур, их стойкости к засухам; внедрение новейших агротехнических приемов и технологий; сохранение генетических ресурсов растений и биоресурсов Мирового океана; на борьбу с болезнями и вредителями в сельском и лесном хозяйствах; на устойчивое развитие рыболовства и др., представляющих практический интерес для всех стран – членов ФАО.

Серьезной проблемой ФАО по-прежнему остается неполная собираемость взносов государств-членов в ее бюджет на основе утвержденной Генконференцией ФАО шкалы взносов на двухлетний период. Несмотря на все усилия, предпринимаемые руководством ФАО по обеспечению бюджетных поступлений, свыше 60% государств-членов (в их число входит большинство развивающихся стран, а также целый ряд республик бывшего Советского Союза) имеют многолетнюю задолженность в бюджет, что негативно сказывается на ресурсном обеспечении ряда важных программ работы ФАО в научно-технической сфере. Фактическое поступление взносов покрывает лишь 82% объема утвержденного бюджета Организации¹.

Неоднократно предпринимавшиеся промышленно развитыми странами попытки ввести санкции в отношении злостных неплательщиков в бюджет ФАО, вплоть до лишения их права голоса в межправительственных органах, оканчивались безрезультатно ввиду жесткого сопротивления со стороны развивающихся стран, а также несогласованности и непоследовательности действий в этом вопросе со стороны ведущих стран-доноров.

Все эти факторы со всей остротой выдвинули на повестку дня работы ФАО вопрос о необходимости реформирования Организации с целью рационализации и повышения эффективности всего механизма ее работы, упрощения и удешевления структуры ФАО, системы управления, сокраще-

¹ Взнос России в бюджет ФАО составляет 2,6 млн долл США в год и 2,2 млн евро. Помимо этого Россия ежегодно вносит 1 млн долл США на финансирование Русскоязычной службы Секретариата ФАО.

ния административных расходов. Особое значение этот вопрос приобрел в связи с разразившимся глобальным экономическим и финансовым кризисом и принятием государствами мер по максимальной экономии ресурсов, связанных с их участием в деятельности международных организаций.

В ходе развернувшейся в последнее десятилетие дискуссии о путях реформирования ФАО столкнулись две основные линии: 1) развивающихся стран, заинтересованных в максимальном сохранении нынешнего характера Организации как важного источника техпомощи и 2) основных плательщиков в бюджет ФАО, настаивающих на возврате к основополагающим принципам и мандату ФАО, закрепленных в уставных документах Организации. Подход последних в принципе идет в русле позиции России в международных организациях системы ООН, традиционно выступающей в пользу необходимости учета в их деятельности интересов всех стран. Противостояние двух линий обусловило затяжной характер дискуссий о путях реформы ФАО и трудности поиска взаимоприемлемых решений.

Тем не менее определенное продвижение в деле реформирования Организации все же было достигнуто. В решениях, принятых на 35-й специальной сессии Генеральной Конференции ФАО (18–21 ноября 2008 г.), была высказана общая поддержка пакета реформенных предложений Генерального директора ФАО. Было дано поручение Секретариату приступить к поэтапной реализации ряда его предложений, и в первую очередь к реструктуризации Секретариата Организации и децентрализации ее региональных отделений. Проведенная затем реструктуризация штаб-квартиры ФАО включала меры, затронувшие 6 из 8 департаментов Секретариата.

Меры по децентрализации деятельности ФАО были направлены на то, чтобы обеспечить полное финансирование из бюджета Организации ее отделений в 115 странах, включая наименее развитые, малые островные, не имеющие выхода к морю и страны с низким доходом на душу населения. В остальных странах из бюджета ФАО покрываются только прямые расходы на содержание двух сотрудников в отделениях Организации.

Делегирование дополнительных полномочий из штаб-квартиры в регионы (в 16 региональных и субрегиональных отделений) позволило более рационально использовать имеющиеся ресурсы.

В соответствии с решением 131-й сессии Совета ФАО (20–25 ноября 2006 г.) из Рима в Будапешт было переведено Региональное отделение ФАО для стран Европы и Центральной Азии. Там же размещено и субрегиональное отделение для стран Восточной и Центральной Европы. В октябре 2008 г. между Секретариатом ФАО и правительством Казахстана была достигнута договоренность об открытии в г. Астане субрегионального отделения ФАО для среднеазиатских республик.

На основе рекомендаций комитета экспертов по «Независимой внешней оценке ФАО» (КК-НВО) на конференции был одобрен «Срочный план действий по обновлению ФАО» (СПД) [7], представляющий собой набор первоочередных реформенных шагов, которые могли быть в ходе последующих переговоров трансформированы в конкретные договоренности и одобрены Генеральной Конференцией ФАО в форме резолюции по аналогии с реформенными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН.

В 2008 г. был учрежден Конференционный Комитет [8], который внес ряд дополнительных предложений, направленных на совершенствование структуры Секретариата ФАО, одобренных затем Генеральной Конференцией ФАО.

Дискуссия по реализации СПД выявила серьезные разногласия не только между развивающимися и промышленно развитыми странами, но и внутри группы западных стран, входящих в ОЭСР, в частности в Европейскую региональную группу¹. Расхождение в позициях касается степени децентрализации деятельности ФАО и переброски людских финансовых ресурсов в региональные отделения, целесообразности перевода ряда приоритетных программ работы ФАО на добровольное финансирование, более активного привлечения ресурсов частного сектора, размера сегмента технического содействия в программной деятельности ФАО, будущей роли ФАО в мировой экономической системе.

Принципиальная позиция Российской Федерации по вопросам реформы ФАО и выполнения рекомендаций по реализации СПД была изложена в выступлении главы российской делегации на 35-й специальной сессии Генеральной Конференции ФАО² и получила дальнейшее развитие на 40-й сессии [9].

Суть российской позиции сводится к следующему:

– целью реформенного процесса должно быть превращение ФАО в авторитетную международную площадку для обсуждения продовольственной безопасности и коллективного поиска путей стабилизации системы продовольственного обеспечения в мире;

¹ В состав этой группы организационно входят и восточноевропейские страны.

² Российская делегация, впервые принявшая участие в работе Генеральной Конференции ФАО в качестве полноправного члена Организации, подчеркнула поддержку Российской Федерацией ФАО как глобальной организации, особо отметив свою заинтересованность в научно-технической и инвестиционной составляющих деятельности Организации. Координация деятельности ФАО с другими международными организациями в сфере технической помощи должна, по мнению российской стороны, осуществляться в первую очередь на страновом уровне под эгидой резидента-координатора ООН в принимающей стороне.

– необходимо через реформу укреплять координирующую роль ФАО в мировых сельскохозяйственных и продовольственных делах;

– результаты деятельности Конференционного Комитета заслуживают положительной оценки;

– СПД отражает многообразие подходов различных стран и регионов;

– необходимо избегать поспешных и необдуманных шагов в реформировании Организации, в том числе по форсированному внесению изменений в базовые документы ФАО;

– Россия поддерживает предложенную в СПД новую схему стратегического и программно-бюджетного планирования работы ФАО, распределения ресурсов по стратегическим приоритетам, обеспечения разумного баланса между программами технического сотрудничества и нормотворческой работы;

– Россия поддерживает предложенные меры по упорядочению работы руководящих органов ФАО, повышению эффективности и слаженности их работы, устранению дублирующих функций. При этом важно не допустить подрыва уставных функций Генеральной Конференции как высшей руководящей инстанции и исключить любые попытки конфликта интересов между Генеральным директором, руководящими органами и Независимым председателем;

– Россия выступает за укрепление функций Совета ФАО в качестве главного исполнительного органа, ответственного за программно-бюджетные вопросы, устранение регионального дисбаланса в составе Совета, соблюдение одного из основополагающих основных принципов справедливого географического представительства, что было подтверждено российской делегацией на 158-й сессии Совета [10];

– Россия поддерживает усиление внутренних механизмов контроля и оценки управленческих рисков;

– серьезные сомнения у российской стороны вызывает предложение о слиянии в единый бюджет регулярных и добровольных ресурсов, способное поставить основную деятельность ФАО в зависимость от основных доноров в бюджет Организации (США, Канада, Великобритания, Франция, Япония).

Анализ мер, заложенных в СПД, которые легли в основу первого этапа переговоров по реформе ФАО, показал, что они были прежде всего направлены на реформирование организационно-структурных, управленческих, административно-кадровых и финансовых аспектов и не затрагивают существа программной деятельности ФАО, ее направленности, то есть областей, где лежат главные противоречия в позициях основных групп стран.

В последние годы работа переговорного механизма ФАО по существу затормозилась из-за неконструктивной позиции развивающихся стран,

стремящихся сохранить нынешнюю ориентацию ФАО на оказание технической помощи третьему миру. Соответственно, они различными способами блокируют принятие каких-либо решений, которые вели бы к пересмотру сложившегося характера программной деятельности и приоритетов в работе ФАО. Все это подводит к выводу о том, что переговоры по реформированию Организации, судя по всему, затянутся на определенный период.

Одним из ключевых направлений в деятельности ФАО, поддерживаемых Россией, в последние годы стало обеспечение продовольственной безопасности в мире. Нарастание работы ФАО в этой области явилось практическим результатом, проводимой перестройки работы Организации.

Использование накопленного ФАО опыта в решении проблемы продовольственной безопасности на уровне отдельных стран приобрело для России особое практическое значение в связи с поставленной российским правительством перед сельским хозяйством задачей в кратчайший исторический срок свести к минимуму зависимость страны от импорта продовольствия и тем самым гарантировать продовольственную безопасность России.

В соответствии с рекомендациями Комитета ФАО по всемирной продовольственной безопасности [11] в России была разработана и утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» [12], в которой определение понятия «продовольственная безопасность» изложено в русле формулировки, принятой в ФАО.

Доктрина продовольственной безопасности РФ развивает соответствующие положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [13].

И в Стратегии, и в Доктрине предусмотрен комплекс мер, направленных на максимальное замещение в кратчайшие сроки импорта продовольствия отечественными поставками и дальнейшее развитие агропромышленного комплекса России.

Практические результаты проведенной работы по реализации указанных документов, особенно в условиях западных санкций, способствовали не только существенному улучшению производства продовольствия в стране, но и превращению России в одного из крупнейших экспортеров продовольствия в мире. Уже сейчас можно сказать, что задача обеспечения продовольственной безопасности России успешно решается.

Российские представители участвуют в сессиях основных межправительственных органов ФАО, включая Конференцию, Совет, комитеты по

сельскому хозяйству, лесу, рыболовству, всемирной продовольственной безопасности, Комиссию по генетическим ресурсам растений и Комиссию ФАО/ВОЗ «Кодекс Алиментариус» (международные стандарты на продукты питания). Всероссийский институт растениеводства РАСХН (г. Санкт-Петербург) тесно сотрудничает с действующим под эгидой ФАО Международным институтом генетических растений (IPGRI).

Центральная научная библиотека РАСХН официально назначена «Библиотекой-депозитарием ФАО», что обеспечивает право получения по одному экземпляру каждой публикации ФАО. Минсельхозом России совместно с Россельхозом и Минздравом России проводится работа по гармонизации российских санитарных, ветеринарных и фитосанитарных норм в соответствии со стандартами Комиссии ФАО/ВОЗ «Кодекс Алиментариус» и рекомендациями отраслевых комитетов и комиссий ФАО.

Генеральный директор ФАО Жозе Грациану да Силва в интервью Агентству РИА-Новости 17 декабря 2017 г. дал высокую оценку участия России в деятельности ФАО, в частности в решении мировой продовольственной проблемы, борьбе с трансграничными болезнями животных и растений, обеспечении безопасности продуктов питания. Он особо отметил финансирование Россией программы обеспечения продовольственной безопасности в Армении, Киргизии и Таджикистане и установления контроля за распространением ящура в этих странах. В ходе его официального визита в Россию в 2015 г. с ФАО было подписано соглашение о сотрудничестве на сумму 1 млн долл. США в целях поддержки Глобального почвенного партнерства. Россию Жозе Грациану да Силва назвал «одним из наиболее влиятельных глобальных партнеров ФАО» [14].

Участие в работе переговорного механизма по реформе ФАО, а также Совета ФАО позволяет Российской Федерации активно влиять на формирование будущей направленности деятельности Организации с учетом российских интересов.

Заимствование накопленного в ФАО мирового опыта в области земледользования, повышения урожайности сельхозкультур, борьбы с сельскохозяйственными вредителями и болезнями имеет большое значение для ускорения развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на основе новейших достижений в сфере сельскохозяйственной науки и техники и тем самым обеспечения продовольственной безопасности страны.

В целях повышения эффективности участия Российской Федерации в ФАО, ее влияния на работу Организации важно добиваться получения для нашей страны постов политического уровня в руководстве Секретариата ФАО.

Источники и литература

1. The State of Food and Agriculture, 2009, Doc C. 2009/2; Statement of the FAO Director-General at the World Summit on Food Security, Doc. WSFS 2009/INF/3.
2. Жозе Грациану да Силва: число голодающих в мире растет из-за конфликтов. – Режим доступа: <https://ria.ru/interview/20171016/1506896524.html> – Дата обращения: 13 марта 2018.
3. Диуф Ж. Продовольственная безопасность в мире // Международная жизнь. 2009. № 6. С. 3–13.
4. Report of the FAO Expert Meeting on How to Feed the World in 2050, Rome, June 24–26, 2009.
5. Лупашко-Стальский И.П. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения: вводный ознакомительный курс. М.: Росинформагротех, 2006.
6. Черников П.Г. Как оценить ООН? О некоторых методах анализа результативности и эффективности международных организаций. М.: Р. Валент, 2005.
7. Res.1/2008 and App. E.
8. Res 5/207.
9. Конференция ФАО – 40 сессия. – Режим доступа: <http://www.fao.org> – Дата обращения: 31 янв. 2018.
10. Совет ФАО – 158 сессия. – Режим доступа: <http://www.fao.org> – Дата обращения: 1 фев. 2018.
11. Комитет по всемирной продовольственной безопасности – 44 сессия. – Режим доступа: <http://www.fao.org>. CCLM-Secretary@fao.org. – Дата обращения: 31 янв. 2018.
12. Собрание законодательства Российской Федерации от 1 февраля 2010 г. № 5. С. 1652–1659.
13. Собрание законодательства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 20. С. 6414–6435.
14. ФАО: Россия стала важным игроком на мировых сельскохозяйственных рынках // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20161213/1483455358.html> – Дата обращения: 10 марта 2018.

Эволюция стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства»

Transformation of the EU Strategy towards «Eastern Partnership» countries

Т.Г. Дониц

Дониц Татьяна Геннадьевна, аспирант кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в работе осуществлен анализ изменений во внешнеполитической стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» (ВП). Автор поднимает вопрос об эффективности ценностно ориентированной «политики добрососедства» ЕС в отношении стран, входящих в программу «Восточное партнерство». В статье проведен анализ Глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и политике безопасности 2016 г. и выявлено общее и особенное в сравнении с предыдущей Стратегией 2003 г. В частности, удалось вычлнить ряд принципиальных различий во внешней политике ЕС на восточном направлении и обозначить переход от нормативной силы к категории стрессоустойчивости ('resilience'). Автор вскрывает проблему ограниченности практического инструментария и нехватки действенных политических стимулов в программе «Восточное партнерство». На данном этапе принцип политической обусловленности в симбиозе с дифференцированным подходом, предложенным в рамках программы «Восточное партнерство плюс» в ходе последнего саммита в Брюсселе 24 ноября 2017 г., представляется наиболее оптимальным. «Больше за большее» – таков текущий формат взаимодействия со странами ВП, и выход за его рамки пока не представляется возможным.

Ключевые слова: Европейская политика соседства, «acquis communautaire», гармонизация законодательств, институциональный механизм взаимодействия, «Восточное партнерство плюс».

Abstract: the article presents an analysis of transformation process in the EU strategy towards EaP (Eastern Partnership) countries. The author raises the question whether the EaP 'value-oriented policy' is efficient enough to give it the status of legitimate actor in the region. With this purpose deep analysis of the EU Global Strategy 2016 was realized in order to identify

important conceptual shifts from the previous Strategy of 2003. As result fundamental differences in the EU policy towards EaP countries were defined and consequently the EU's external policy from normative concept to the 'resilience' category was identified. The article reveals also the problem of limited practical instruments and lack of efficiency in the Eastern Partnership arsenal after the conclusion of the Association Agreement and the visa-free regime granting. Today the principle of conditionality with a differentiated approach towards EaP member states seems to be the most optional solution for the EU eastern policy. «More for more» – this is the current format for Eastern Partnership programme and going beyond it is highly unlikely possible.

Key words: European Neighborhood Policy, 'acquis communautaire', visa liberalization, institutional mechanism for cooperation, Eastern Partnership Plus format.

События последних лет стали непрерывным «испытанием на выносливость» [22] для европейского интеграционного проекта. Растущая поддержка праворадикальных партий в ходе парламентских выборов во Франции, Германии и Австрии, «кризисы верховенства права» в Польше и Венгрии, Брекзит, каталонский референдум – с данными кризисными явлениями сталкивается Европейский союз на современном этапе своего развития.

В этих условиях перед Европейским союзом возникает совершенно новая концептуальная задача – поиск баланса между политической стабильностью и продвижением европейских ценностей [12]. Пересмотр ценностно ориентированной политики во внутривнутриполитическом контексте задает новые ориентиры для выстраивания внешней политики ЕС [6] и Европейской политики соседства (ЕПС) в частности.

Пятый саммит «Восточного партнерства» в Брюсселе 4 ноября 2017 г. стал своего рода подведением итогов во внешней политике Европейского союза в регионе Восточной Европы. В ходе данного саммита странам – участницам ВП пришлось оценить результаты, достигнутые со времен проведения Рижского саммита 2015 г. и определиться с дальнейшим форматом самой программы ВП.

Ключевой исследовательский вопрос статьи заключается в том, чтобы проследить качественные изменения в политике Европейского союза на восточном направлении с 2003 по 2018 г. Будет ли Евросоюз продолжать ценностно ориентированную «политику добрососедства» в отношении Украины, Молдавии и Грузии и способен ли он вообще выступать в качестве легитимного ценностного образца в условиях кризиса?

Европейский союз – один из ключевых региональных акторов на постсоветском пространстве. Программа ВП служит основным проводником

европейских ценностей в регионе Восточной Европы и платформой для выстраивания отношений Европейского союза с шестью государствами восточного блока (Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан и Беларусь) [15].

Первоначально присутствие Европейского союза на постсоветском пространстве было оформлено Соглашениями о партнерстве и сотрудничестве со всеми государствами СНГ, программой технической помощи ТАСИС и отдельными десятилетними Стратегиями в отношении России и Украины (1999 и 2000 г.) [7]. Новый этап политики ЕС на постсоветском пространстве берет свое начало с установления Европейской политики соседства (2003–2004 гг.) и позднее развивается в рамках «Восточного партнерства» (2008–2009 гг.) [3].

Особое место занимает позиция Германии в выстраивании и реформировании Европейской политики соседства. В 2006 г. в период своего председательства в Европейском Совете ФРГ определила в качестве своей приоритетной задачи реализацию «новой восточной политики» в отношении стран Восточной Европы и Закавказья. Накануне председательства ФРГ в Европейском Совете германский МИД, который на тот момент возглавлял Ф.-В. Штайнмайер, предложил новую концепцию «Сближение через переплетение» (*Annäherung durch Verflechtung*) [14]. Данная концепция в корне расходилась с польским предложением, предполагавшим полноценное вступление стран Восточной Европы в состав европейского объединения. Позднее данные устремления отразились в инициативе «Европейская политика соседства плюс», суть которой заключалась в том, чтобы препятствовать возникновению вакуума в сфере интеграции и политики безопасности между Россией и Евросоюзом. Вместе с тем Германии отводилась роль активного игрока в геополитическом соперничестве на постсоветском пространстве.

Фактически странам к востоку от границ Евросоюза была предложена альтернатива полноценному членству. Суть предложения заключалась в том, чтобы перенести на эти страны правовые нормы ЕС, что расширило бы правовое пространство последнего. Также предлагалось усилить институциональное взаимодействие, предоставив данным странам статус наблюдателей в некоторых областях европейской политики. В рамках сотрудничества предполагался региональный подход по образцу «Барселонского процесса». В то же время новая модель отношений с восточными соседями предполагала отток финансовых средств других существующих проектов, в том числе и из бюджета «Союза для Средиземноморья». При этом одним из основных аргументов в пользу стран Восточной Европы (Украины, Молдавии и Беларуси) было то, что они являются европейскими странами, хотя и не членами Евросоюза, и для удержания

их в собственной политической орбите финансовый аспект является приоритетным. По сути было предложено разделение участников Европейской политики соседства на «европейских соседей» и «соседей Европы».

Однако данная концепция не была в полной мере реализована по причине встречного сопротивления в Евросоюзе, в частности Польши, для которой само понятие «Ostpolitik», было неприемлемым. Данное понятие ассоциировалось с «восточной политикой» В. Брандта, канцлера ФРГ в 1980-е гг., и предполагало дружественные отношения с Россией. Страны Центрально-Восточной Европы были не готовы видеть Россию в роли ключевого игрока наряду с ФРГ с ее серьезным политическим и экономическим присутствием в отдельных республиках. В таких условиях Россия стала бы играть роль ключевой стабилизирующей силы в регионе. Это, в свою очередь, могло бы привести к опасному сближению ФРГ и России в двустороннем формате в обход европейских структур [15]. Кроме того, попытка повысить статус восточноевропейских государств в ущерб средиземноморской политике вызвала неприятие со стороны Франции.

Программа ВП стала, по сути, следствием политики расширения на Восток (в 2004, 2007 и 2013 г.) [18; 7], вобрав в себя многое и из германской инициативы. Евросоюз, столкнувшись с рядом политических и экономических проблем в процессе расширения, переходит к более гибким проектам сотрудничества, не предполагающим членства соседних государств в интеграционном объединении.

Реформирование восточной политики соседства Европейского союза началось с польско-шведского предложения о запуске программы «Восточное партнерство» в 2008 г. Программа, выдвинутая Польшей и Швецией, во многом перекликалась с предложением немецкого МИДа по созданию «ЕПС плюс», суть которого заключалась в определении восточного вектора политики ЕС на страны западного фланга СНГ и Южного Кавказа. «Цветные революции» на Украине и в Грузии открывали новые возможности для демократического транзита на постсоветском пространстве [1].

Польско-шведская инициатива носила более амбициозный характер, разделив соседей на «соседей-европейцев» и «соседей Европы». Эта идея и легла в основу проекта: на юге – соседи Европы, на востоке – соседи-европейцы. Однако следует учитывать, что вступление новых членов возможно лишь в том случае, если распространение “*acquis communautaire*”¹

¹ *Acquis communautaire* (фр. – «достояние сообщества») – правовая концепция в системе правовых норм Европейского союза. Также употребляются термины *Community acquis* («*acquis* Сообщества»), *Union acquis* («*acquis* Союза») или просто *acquis*. Включает в себя «то, что достигнуто в рамках Сообщества», то есть весь свод нормативно-правовых актов, которые носят обязательный характер для всех стран-членов внутри ЕС.

на соседей-европейцев будет осуществлено в полной мере путем гармонизации правовых стандартов и норм.

Ценностная составляющая во внешней политике ЕС

Европейский союз как проект, основанный на нормативной концепции и ориентированный на распространение ценностей [21], видит их первоочередную задачу в выстраивании внешней политики в первую очередь в отношении соседних государств, призванных обеспечить безопасность на европейских границах.

В данном контексте важно отметить, что «приверженность общепризнанным и универсальным ценностям Организации Объединенных Наций служит основой идентичности Европейского союза» [18] и, соответственно, определяет идеологический характер европейского объединения. Роль ценностей для Европейского союза и их общность для стран-членов определены в ст. 2 и 21 Договора о Европейском союзе [22]. Более того, ст. 21 (2)(b) предполагает установление основополагающих ценностей ключевой целью внешней политики Евросоюза. Эти статьи закладывают основу нормативной силы европейского проекта. Нормативное влияние на внутреннюю политику третьих государств осуществляется посредством различных инструментов, варьирующихся от непреднамеренной диффузии (объективная привлекательность ценностей) к процедурной диффузии (институционализация отношений с третьими странами). Критика нормативной силы Евросоюза касается того, что продвигаемые ценности носят квазиуниверсальный характер и служат интересам Евросоюза. Такой подход вполне может обесценить бренд «доброй воли», используемый во внешней политике европейского объединения [11].

«Плавающая» позиция между нормативизмом и империализмом прослеживается в том, как выстраивалась политика Евросоюза в отношении восточных соседей. Основная повестка для Брюсселя заключалась в реализации политических и экономических реформ на восточном направлении. Европеизация стран Восточной Европы была представлена в качестве основной цели еще в Соглашениях о партнерстве и сотрудничестве, нацеленных на законодательное сближение новых независимых государств с экономическими регламентами ЕС [13]. Для этого был создан институциональный механизм взаимодействия, нацеленный на проведение структурных реформ в государствах-соседах. Он заключался в двух масштабных инициативах по созданию глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ГВЗСТ, так называемая экономическая часть соглашений об ассоциации) и либерализации визового режима с последую-

щей его отменой [9]. Основной поток финансирования программы осуществлялся через ЕИСП. Так, в период с 2007 по 2013 г. из общего бюджета Евросоюза было выделено 9,8 млрд евро на реализацию программы ЕПС, из них более 2 млрд евро израсходовано на восточный вектор сотрудничества [11; 19]. Тем не менее эффективность данного механизма зависела в первую очередь от готовности стран – членов ВП перенимать нормы европейского законодательства и внедрять их в собственные политические институты [20]. Насколько эффективным оказался инструментарий программы «Восточного партнерства», показывают результаты преобразований в странах-участницах.

В настоящее время программа «Восточного партнерства» характеризуется отсутствием механизма политических санкций. Реализация финансовой поддержки по принципу обусловленности становится все более сложной [11]. В условиях отсутствия перспективы членства и высоких затрат на внедрение европейских норм, правительства стран ВП проводят «косметические реформы». Процесс европеизации сводится к тому, что страны-партнеры с укоренившейся олигархической моделью управления государством оказываются, по сути, не готовы и не предрасположены к таким преобразованиям.

Для этих государств вопрос финансовой поддержки становится решающим фактором в отношениях с Евросоюзом. Исчерпав все возможные стимулы, такие как ассоциированное членство, доступ на европейский рынок и безвизовый въезд для своих граждан, а также учитывая высокие издержки «европейского выбора», страны-партнеры находятся в поиске новых возможностей в рамках партнерства. В данном контексте европейское объединение сталкивается с необходимостью разрабатывать новые инструменты и стимулы для продвижения собственной модели развития, что обеспечило бы легитимность его присутствия в регионе.

От концепции нормативной силы к категории «стрессоустойчивости»

Концепция нормативной силы (Normative Power Europe) [20] оказывается недостаточной для успешной реализации политики соседства. Более того, в условиях кризиса европейская социально-экономическая модель утрачивает собственную привлекательность для соседних государств, а союз становится, по сути, лишь донором финансовых вливаний. В этом контексте наиболее оптимальным решением внутри- и внешнеполитических вызовов Евросоюза представляется переход от концепции нормативной силы, где он играл роль «нормотворца» на европейском континен-

те и притягательного центра, окружаемого государствами-сателлитами, к категории «стрессоустойчивости» ('resilience') [12].

Само понятие стрессоустойчивости было введено в европейский официальный дискурс в Сообщении Комиссии Европейскому парламенту и Совету Европейского союза касательно подхода к стрессоустойчивости от 2012 г. и определяется Европейской комиссией как «способность индивидуума, сообщества, страны либо региона выдерживать, адаптироваться и быстро восстанавливаться от стрессов и шоков» [15].

Брекзит, миграционный кризис, постепенное внедрение концепции «Европы двух скоростей» и ее разделение на центр и периферию создают нестабильную ситуацию внутри Союза, препятствующую продвижению успешной политики вовне. В подобных условиях Европу все меньше беспокоит судьба «Восточного партнерства». Чтобы не допустить окончательного провала программы, Евросоюз предлагает новые инструменты и политические стимулы для стран – участниц проекта.

Так, в ходе последнего саммита в Брюсселе 24 ноября 2017 г. в рамках нового формата «Восточное партнерство плюс» были предложены такие возможности, как присоединение к Таможенному союзу, Энергетическому союзу, Союзу цифровых технологий и Шенгенской зоне, более свободный доступ к европейскому внутреннему рынку, интеграция в транспортную инфраструктуру, партнерство в индустриальной сфере и повышение участия в европейских образовательных программах. В рамках нового формата взаимодействия таким странам, как Грузия, Молдавия, Украина, которые идут в фарватере «Восточного партнерства», предлагается более «углубленное сотрудничество» [11]. Собственно, отсюда и берет начало дифференцированный подход Евросоюза, предполагающий участие в интеграционных проектах в зависимости от успехов в реформах той или иной страны.

По сути, формат «Восточное партнерство плюс» продолжает логику Программы действий до 2020 г. [17], представленной в документе «Восточное партнерство – фокусируясь на ключевых приоритетах и результатах» 2016 г. Смысл программы заключается в том, чтобы выявить 20 целей, достижение которых представляется особенно важным, в четырех приоритетных направлениях: экономическое развитие, усиление институтов и управления, энергетическая эффективность и мобильность. Посредством данной программы Евросоюз планирует выйти на урезание бюджета до 2020 г. по принципу «большее за большее». Так, в случае если страна-партнер не будет справляться с поставленными целями, ее ждет сокращение финансирования ЕС.

В целом программа ВП в формате «Плюс» и Программа действий – 2020 предлагают лишь новые стимулы для взаимодействия со странами «Вос-

точного партнерства», но не решают их ключевых проблем. Кризис европейской системы безопасности воспринимается Евросоюзом как внешний, а Общая внешняя политика и политика безопасности вообще не рассматривается как часть этого кризиса. При таком подходе становится фактически невозможно выработать антикризисную стратегию, направленную на заинтересованное взаимодействие с внешними партнерами. Россия представляется в европейских политических кругах главным виновником разрушения системы безопасности на Востоке. В то же время важно понимать, что внешняя политика Евросоюза не всегда носила ярко выраженный антироссийский характер.

Трансформация стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства»

Глобальная стратегия безопасности Европейского союза «Общее видение, единый подход: сильная Европа», представленная на саммите Европейского совета 28 июня 2016 г., отразила качественные изменения во внешней политике Евросоюза с момента принятия Европейской стратегии безопасности 2003 г. [5]. В ходе анализа данных стратегий выявлен ряд принципиальных различий, начиная от общего видения внешней политики и политики безопасности ЕС и заканчивая вопросами обеспечения безопасности и характером отношений со странами Восточной Европы.

Во-первых, меняется само восприятие проблемы безопасности: если ранее Европейский союз был нацелен на укрепление региональной и международной безопасности посредством своей «миротворческой миссии», в новой стратегии в качестве приоритетного направления представляется гарантия безопасности для граждан и территории самого Европейского союза. Восточный вектор внешней политики рассматривается лишь в контексте предотвращения и разрешения конфликтов в регионе соседства с целью минимизации угроз на европейских границах.

Во-вторых, происходит отказ от традиционной риторики по продвижению демократии в регионе Восточной Европы. Впервые Евросоюз осуществляет переход от либерально-демократического концепта к понятию «устойчивости» как ключевому принципу отношений с соседними государствами. Предлагается «избирательный подход» в отношении восточных партнеров, что по сути означает сотрудничество по принципу «большее за большее» в зависимости от индивидуальных успехов того или иного государства «Восточного партнерства». К такому решению европейских лидеров подтолкнула неэффективность единого плана реформ для стран, совершенно отличных друг от друга в историческом, социальном

и внутривнутриполитическом контексте. Очевидны и различия во внутреннем развитии и внешнеполитической ориентации этих государств (Грузия, Молдавия и Украина шли в фарватере «Восточного партнерства», реализуя, пусть и номинально, все предписываемые требования со стороны «старшего брата», тогда как Беларусь, Армения и Азербайджан вели собственную политику балансирования между Евросоюзом и Россией).

Таким образом, Европейский союз в новой стратегии делает ставку на «принципиальный прагматизм» в отношениях с третьими странами, возводя категорию устойчивости на уровень ключевого элемента собственной безопасности. Понятие «устойчивость» в новом документе определяется как «желание и способность к реформам на уровне государств и обществ» [3], расположенных, в частности, к востоку от границ Европейского союза.

Стратегия претерпела значительные изменения в связи с кризисными явлениями в европейском интеграционном проекте (финансовый, миграционный кризисы, кризис солидарности стран-членов и рост праворадикальных и националистических настроений). Новый концепт устойчивости был призван положить конец внутривнутриполитическим перипетиям, происходящим в Евросоюзе, однако и он не способен справиться с поставленными задачами. Его основная проблема заключена в неопределенности самого понятия. Расплывчатость латинского термина 'resilience' позволяет интерпретировать его и крупным, и малым странам-членам в угоду собственным интересам и целям.

Восточная политика соседства по-прежнему сталкивается с рядом проблем. К ним относятся отсутствие силового механизма во внешней политике и действенного политического инструментария в отношениях с третьими странами. Кризис солидарности в отношениях ведущих европейских стран в лице Германии, Франции и Великобритании, с одной стороны, и в отношениях старой и новой Европы – с другой, приводит к тому, что становится практически невозможно выработать единую позицию и по вопросу видения общей системы безопасности, включая создание Оборонительного союза. В этих условиях восприятие России в качестве «угрозы системе европейской безопасности» обеспечивает общую сплоченность европейских стран перед лицом растущих вызовов «ревизионистской России».

В целом, несмотря на попытку поставить во главу угла общие европейские интересы взамен высоким принципам универсализма и космополитизма, новая Глобальная стратегия 2016 г. оказалась не в силах избавиться от идеалистических черт в сторону более жесткого прагматизма. Текст документа изобилует эфемерными выражениями и напоминает «идеалистическое обращение» [5]. Преимуществом стратегии является

лишь то, что она основательно подходит к определению ключевых угроз и вызовов безопасности европейского интеграционного проекта. Однако в отношениях со своими восточными соседями Евросоюз постоянно возвращается к излюбленным категориям европейской демократии, либеральных идеалов и ценностей [10].

Во внешней политике Евросоюз планирует «работать с ключевыми партнерами, государствами и региональными объединениями, разделяющими наши взгляды». Принимая на себя обязательство «обостренного чувства ответственности» за «младших братьев», Европейский союз лишь способствует нарастанию напряжения в отношениях с Россией, которая никогда не согласится с логикой расширения пространства «стабильности и процветания» вокруг европейского объединения [8]. При таком подходе конфликт интересов на пространстве общего соседства неизбежно будет повторяться.

Заключение

Стратегия Европейского союза на восточном направлении в период с 2003 по 2018 г. претерпела значительные изменения. Программа «Восточное партнерство» вобрала в себя ключевые принципы Европейской политики соседства 2003 г. Принцип политической обусловленности в симбиозе с дифференцированным подходом в диалоге со странами ВП представляется наиболее оптимальным решением в условиях кризисных явлений, с которыми сталкивается европейский интеграционный проект на современном этапе своего развития. «Больше за большее» – таков текущий формат взаимодействия со странами «Восточного партнерства».

На концептуальном уровне Евросоюз сохраняет способность оказывать влияние на политические и экономические процессы в восточноевропейском регионе. В то же время на институциональном уровне присутствует ряд проблем, определяющих неэффективность инструментов и политических стимулов, используемых ЕС в отношениях со странами Восточной Европы. Доступ к европейскому рынку и предоставление безвизового режима – максимум из того, что готова предложить единая Европа в рамках программы «Восточное партнерство».

Европейский союз оказался в таком положении, когда привлекательными для стран ВП остаются лишь отдельные секторальные вопросы предоставления финансовой помощи. Выход же за рамки предложенного формата с последующим рассмотрением вопроса о вступлении восточноевропейских государств в состав ЕС в ближайшей перспективе не представляется возможным.

Источники и литература

1. *Арбатова Н.К.* Отношения Евросоюз – Россия и украинский кризис. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 183 с.
2. *Бахлова О.В.* Россия и Европейский союз: эволюция стратегии взаимодействия и возможности развития общеевропейского процесса // Гуманитарий: Альманах. 2005. № 5. С. 88–98.
3. *Бископ С.* Основы обновленной Европейской стратегии безопасности / Вестник международных организаций. 2009. № 2(24). – Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2011/01/21/1208902255/European_Security.pdf – Дата обращения: 9 апр. 2018.
4. *Болгова И.В.* «Восточное партнерство»: неоднозначные результаты // Современная Европа. 2016. № 6. С. 63–71.
5. Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016. Аналитический доклад / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. 32 с.
6. *Громыко А.А., Носова М.Г.* Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М.: Весь Мир, 2015. 592 с.
7. *Жильцов С.С.* «Восточное партнерство»: значение и возможные последствия для постсоветского пространства // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2010. № 1. С. 5–14.
8. *Косикова Л.С.* Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 1 (74). С. 171–190.
9. *Кукарцева М., Рябов Е.* «Восточное партнерство» и перспективы расширения Евросоюза // Обозреватель. 2014. № 3. С. 29–39.
10. *Кукарцева М.А., Грановская М.В.* Фантазия и реальность в политическом мышлении современной Европы // Власть. 2016. Том. 24. № 7. С. 144–148.
11. *Рабинович М.* Выстоит ли Восточное партнерство? – Режим доступа: <http://www.eastbook.eu/ru/2017/11/21/vystoit-li-vostochnoye-partnerstvo/> – Дата обращения: 24 марта 2018.
12. *Романова Т.А.* Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2011. Вып. 1. С. 52–66.
13. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами, и их государствами-членами, с другой стороны. О. Корфу. 1994. – Режим доступа: http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_330.htm. – Дата обращения: 12 апр. 2018.
14. *Федорцев В.А.* Германское видение европейской «восточной политики» и роль ФРГ в «Восточном партнерстве» // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 3. С. 22–32.
15. *Casier T., Korosteleva E., Whitman R.* Building a stronger Eastern Partnership: towards an EAP 2.0. 2013. – Режим доступа: <http://www.kent.ac.uk/politics/gec/GECpolicypaper1.pdf> – Дата обращения: 8 апр. 2018.
16. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to resilience: learning from food security crises. Brussels, 3.10.2012. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2012_586_resilience_en.pdf – Дата обращения: 28 марта 2018.

17. Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf – Дата обращения: 12 авг. 2018.
18. EU strengthens the European Neighbourhood Policy with increased funding for the period 2011–2013. – Режим доступа: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/10/221&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> – Дата обращения: 9 апр. 2018.
19. European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) Funding 2007–2013. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/0703_enpi_figures_en.pdf – Дата обращения: 10 апр. 2018.
20. *Manners I.* The Concept of Normative Power in World Politics. Copenhagen: DIIS Brief, May 2009. 5 p. – Режим доступа: http://www.diis.dk/graphics/Publications/Briefs2009/B09_maj_Concept_Normative_Power_World_Politics.pdf – Дата обращения: 2 апр. 2018.
21. *Martynyuk V.* Eastern Partnership Summit: compromise for the sake of continuation. – Режим доступа: <http://prismua.org/en/pdf/eastern-partnership-summit-compromise-sake-continuation/> – Дата обращения: 7 апр. 2018.
22. *Rabynovich M.* EU value promotion and the 'Associated' Eastern Neighbourhood: state of the art, legitimacy challenges and prospects for the future. UA: Ukraine Analytica. № 4 (10). 2017. P. 51–58.
23. Treaty on the Functioning of the European Union. – Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_2&format=PDF – Дата обращения: 28 марта 2018.

Вопрос репатриации турок-месхетинцев в контексте турецко-грузинских отношений

The issue of repatriation of Meskhetian Turks in the context of Turkish-Georgian relations

Л.М. Алексанян

Алексанян Лариса Мгеровна, аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: турецко-грузинские отношения за прошедшую четверть века вышли на высокий уровень сотрудничества в рамках стратегических интересов. Однако этим отношениям присущи также некоторые проблемы, среди которых немаловажное место занимает вопрос переселения турок-месхетинцев в Грузию. Данная проблема рассматривается в контексте внешней политики Турции в отношении Грузии. Анализируется процесс разрешения вопроса репатриации турок-месхетинцев. Особое внимание уделяется анализу позиций Турции и Грузии в контексте этой проблемы. Рассматриваются особенности стратегии Турции в отношении Грузии в плане реализации прав турок-месхетинцев при их возвращении на родину. Акцентируется внимание на трансформации внешней политики Турции и Грузии при реализации своих интересов на фоне обеспечения репатриации этого народа.

Ключевые слова: Турция, Грузия, Самцхе-Джавахети, репатриация турок-месхетинцев.

Abstract: Turkish-Georgian relations over the past quarter-century have reached a high level of cooperation within the framework of strategic interests. However, some problems are inherent in these relations, among which the issue of repatriation of Meskhetian Turks to Georgia occupies an important place. The article discusses this problem in the context of Turkey's foreign policy towards Georgia. It analyzes the process of resolving the issue of the repatriation of Meskhetian Turks. Special attention is paid to the analysis of the positions of Turkey and Georgia in the context of this problem. The author examines the characteristics of Turkey's strategy towards Georgia in terms of realizing the rights of Meskhetian Turks to return to their homeland. The attention is focuses on the transformation of the foreign policy of Turkey and Georgia in the implementation of their interests against the backdrop of ensuring the repatriation of this people.

Key words: Turkey, Georgia, Samtskhe-Javakheti, repatriation of Meskhetian Turks.

Введение

Турецко-грузинские отношения составляют важную часть южнокавказского вектора внешней политики Турции. Стратегическое значение Грузии в региональной политике Турции изначально обусловлено географическим положением страны, которая в условиях Карабахского конфликта реализует ключевую функцию коридора между Турцией и тюркоязычными мусульманскими странами Центральной Азии и Южного Кавказа. Транзитная роль Грузии в транспортных и энергетических проектах регионального значения (нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, Трансанатолийский газопровод, железная дорога Баку – Тбилиси – Карс) стала основой развития и углубления двусторонних отношений. Турция, высоко оценивая значение Грузии в контексте реализации своих региональных интересов, экономическими, военно-политическими, культурно-образовательными инструментами создала зону влияния внутри страны, при этом приобретая рычаги, воздействующие на внешнюю политику своего партнера. Грузия, в свою очередь позитивно реагируя на активную политику Турции, рассматривает ее в качестве противовеса российскому влиянию в регионе, «окна» в западный мир и придает большое значение «реализации своего транзитного потенциала в плане транспортировки энергоресурсов Каспийского региона» [1: 74].

Таким образом, заинтересованность Турции и Грузии в тесном сотрудничестве привела к высокому уровню двусторонних отношений почти во всех сферах. Однако, несмотря на прочный характер турецко-грузинского сотрудничества, в двусторонних отношениях существуют определенные проблемы. Одной из них является разрешение вопроса репатриации турок-месхетинцев¹, которые в 1944 г. по приказу И. Сталина были

¹ Этническая идентичность тюркоязычных месхетинских турок неоднозначна. Грузинские, российские и советские исследователи считают, что они потомки исламизированных грузин, которые подверглись исламизации, когда Месхетия (Самцхе-Саатабаго) в 1578 г. после очередной турецко-иранской войны оказалась под османским иго до того момента, как после российско-турецкой войны в XIX в. перешла под контроль Российской империи. Другие, в основном турецкие и азербайджанские исследователи, месхетинских турок считают представителями турецкого этноса, предками которых являются местные турки и кыпчаки, переселившиеся в Месхетию (Ахыскинский регион по турецки) в XII в. Сами они называют себя ахыскинскими или месхетинскими турками. Термин «турок-месхетинец» стал распространяться после их депортации в 1944 г., когда Сталин решил, что они, будучи мусульманами и живя в приграничном районе с Турцией, представляют опасность в военные годы.

депортированы из Грузии (из района Самцхе-Джавахети) в Центральную Азию (около 79 200 человек) [2: 81].

Процесс разрешения вопроса переселения турок-месхетинцев в Грузию

Процесс репатриации турок-месхетинцев формально начался еще в советские годы. Однако он не принес результатов, поскольку советские власти опасались, что массовое переселение турок-месхетинцев в Самцхе-Джавахети и их компактное проживание приведет к образованию пятой колонны Турции, члена НАТО. В таких условиях были приняты законы, которые предусматривали скорее переселение, чем репатриацию турок-месхетинцев.

Так, депортированные турки-месхетинцы (официально именовались азербайджанцами), которые до 1956 г. находились под административным надзором и не имели основных прав на гражданство, в 1957 г. согласно указу «СССР о реабилитации азербайджанцев, переселенных из Грузии в 1944 г.» получили возможность переселения в Азербайджан, а не в Грузию, которая возражала против этого [3: 79].

В 1960-е гг. некоторые из депортированных турок-месхетинцев пытались переселиться в Грузию, но из-за давления грузинского руководства были вынуждены снова покинуть страну. Грузинские власти также препятствовали реализации указа СССР от 1974 г. о праве месхетинских турок на переселение в любой район Советского Союза. Власти Грузии неофициально выдвинули условие признания турками-месхетинцами грузинского происхождения, смены фамилий и отказа от компактного расселения в Самцхе-Джавахети, тем самым преследуя цель добиться их ассимиляции. Такие условия приняли лишь отдельные турки-месхетинцы.

После погрома турок-месхетинцев в Ферганской области Узбекистана в 1989 г. началась вторая мощная волна миграции турок-месхетинцев. Советское руководство Грузии снова выступило против их возвращения, в результате чего они эмигрировали в Россию, Украину и Азербайджан¹.

После распада СССР политический режим первого президента Грузии З. Гамсахурдия, попытавшийся создать государство на национальной основе без негрузинского элемента, в том числе и без мусульман, исключил возможность возвращения турок-месхетинцев в Грузию. Ситуация несколько изменилась с приходом к власти Э. Шеварднадзе, при участии которого в 1992 г. была создана Комиссия по проблемам депор-

¹ После распада СССР турки-месхетинцы переселились в республики Центральной Азии, в Турцию, а с 2004 г. – в США.

тированных в 1944 г. из Южной Грузии. Однако ее результаты оказались более чем скромными. В 1996 г. президент Грузии Э. Шеварднадзе подписал новый Указ о решении правовых и социальных проблем турок-месхетинцев, с условием признания ими грузинского происхождения и расселения по всей стране. Это показывало, что ассимиляция продолжала быть краеугольным камнем грузинской политики в вопросе переселения турок-месхетинцев и что грузинские власти сохраняли советский курс создания препятствий для их возвращения.

Тем не менее Грузия при вступлении в Совет Европы в 1999 г. вынуждена была взять на себя обязательства обеспечить репатриацию турок-месхетинцев. Среди обязательств отмечалось, что процесс репатриации должен завершиться в течение 12 лет, в том числе в течение двух лет должен быть создан комплекс законодательных актов для репатриации, адаптации и интеграции этого народа, а в последующие 10 лет должна быть организована добровольная репатриация [4: 123].

В 2001 г. законодательная база так и не была готова¹. Парламент Грузии лишь 11 июля 2007 г. принял закон «О репатриации лиц, насильственно переселенных бывшим СССР из Грузинской ССР в 40-х годах XX века», который вступил в силу 1 января 2008 г. В январе 2010 г. срок подачи заявок истек. В результате были приняты заявки 5841 семьи (8900 человек) [5: 10].

Данный «закон являлся во многом декларативным и не предусматривал реальных гарантий для репатриантов» [6]. В процессе реализации закона возникли различные бюрократические препятствия. Документ требовал знания грузинского языка, истории и конституции Грузии; отказа от гражданства другой страны без гарантии получения гражданства Грузии.

Летом 2011 г. Грузия начала формальный процесс выдачи статуса репатриантов туркам-месхетинцам. Однако этому препятствуют юридические, экономические и психологические барьеры. В частности, репатриантам сложно купить или построить дом в Грузии, найти работу без предварительного получения грузинского гражданства или по крайней мере регистрации. Процесс может занять несколько лет, в то время как репатрианты должны оставаться в Грузии без надлежащего правового статуса, занятости и основных средств для жизни [3: 81]. По данным на 2017 г., только 494 турок-месхетинцев получили гражданство Грузии [7].

В докладе Европейской комиссии против расизма и нетерпимости 2013 г. отмечается, что в Грузии «всеобъемлющая стратегия» в отноше-

¹ До 2005 г. в Грузии были зарегистрированы 755 турок-месхетинцев, 163 из которых по разным причинам не были в стране, а 592 были переселены в 24 населенных пункта, и лишь 45 турок-месхетинцев были перемещены в Самцхе-Джавახети.

нии репатриации и реинтеграции не была реализована, поскольку «власти не приняли все необходимые меры для решения различных проблем, возникающих в процессе репатриации». Об этом говорит и тот факт, что до 2015 г. разрешение переселения получили лишь 500 человек [5: 10].

Позиция Грузии в вопросе репатриации турок-месхетинцев

Изучение процесса разрешения вопроса репатриации турок-месхетинцев показывает, что Грузия не заинтересована в их возвращении и, более того, в их компактном проживании в районе Самцхе-Джавахети. Грузия опасается появления новой мусульманской среды с тюркским элементом внутри страны, где Турция установит свой контроль. Поэтому Грузия стремится получить поддержку проекта, согласно которому месхетинские турки при возвращении будут переселены малыми группами по всей территории страны. В качестве аргумента данного подхода грузинские власти выдвигают предположение о том, что компактное переселение турок-месхетинцев в этом районе приведет к этническим столкновениям между ними и местным армянским многочисленным населением.

Таким образом, с советских времен позиция Грузии в данном вопросе не претерпела никаких изменений. Если в период СССР в Грузии возражали против репатриации турок-месхетинцев, то в постсоветский период грузинские власти имитируют политику реализации процесса их репатриации, продолжая препятствовать их возвращению. Современная политика Грузии объясняется ее стремлением не испортить свои отношения с Западом и с Турцией и получить их финансовую поддержку для разрешения этого вопроса. Грузия рассматривает данный вопрос как необходимость представить свою приверженность «европейским ценностям» [3: 81] и сохранить хорошие отношения со своим стратегическим партнером Турцией.

Вопрос репатриации турок-месхетинцев во внешней политике Турции в отношении Грузии

После распада СССР Турция, получив большие возможности активной политики на постсоветском пространстве, сконцентрировала свое внимание на тюркоязычном и мусульманском мире. В рамках этой стратегии она стала выступать защитником прав турок-месхетинцев и координатором процесса их репатриации.

По инициативе Турции разрешение проблемы турок-месхетинцев стало неотъемлемой частью повестки дня турецко-грузинского диалога со

дня установления дипломатических отношений между двумя странами в 1992 г. Неслучайно, что именно тогда президент Турции Тургут Озал подписал Закон, разрешающий переселение 500 семей турок-месхетинцев из России, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана в Турцию. Программа переселения была выполнена в 1994 г. [8: 26]. 12 000 человек, которые прибыли до 1997 г., получили право на «национального беженца», которое гарантировало доступ к здравоохранению и образованию, перспективы получения гражданства и разрешения на работу. Цель данного закона заключалась в стремлении образования прочного ядра турок-месхетинцев, претендующего на возвращение в Грузию.

Именно по турецкой инициативе Грузия вынуждена была взять обязательства переселения турок-месхетинцев в 1999 г., за реализацией которых пристально следят в Турции. Бывший министр иностранных дел Турции Мехмет Джай в ходе своего визита в Грузию в 2001 г. подчеркнул важность решения проблемы в контексте двусторонних отношений [9]. При визите в Турцию в 2004 г. Михаил Саакашвили заявил, что окажет полную поддержку возвращению турок-месхетинцев [10]. В 2007 г. во время совместной пресс-конференции со своим грузинским коллегой Зурабом Ногаидели бывший премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в связи с принятием закона о репатриантах в Грузии заявил, что «турки-месхетинцы станут новым мостом добрососедства и сотрудничества между Грузией и Турцией» [11].

В течение первого десятилетия правления Партии справедливости и развития (2002–2012 гг.) политика Турции по вопросу турок-месхетинцев реализовывалась по двум направлениям. Первое: Турция продолжала принимать новые группы турок-месхетинцев, в результате чего уже к 2011 г. 19 527 человек уже имели турецкое гражданство [5: 15]. Второе: Турция стала активизировать деятельность разных неправительственных организаций турок-месхетинцев, которые при отсутствии консенсуса по таким ключевым вопросам, как этническое происхождение, этнополитический статус репатриантов и т.д., лишены совместной и единой борьбы за получение права на возвращение на родину. При такой ситуации Турция стала выступать в качестве объединяющей силы для общины турок-месхетинцев и для координации их работ создала особый комитет из состава представителей службы премьер-министра и МИД страны. С поддержкой бывшего президента Турции Абдуллаха Гюля и бывшего премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана в 2010 г. также была создана Ассоциация ахыскинских турок мира для защиты прав турок-месхетинцев [7].

Вопрос активно не обсуждался в рамках турецко-грузинских отношений в силу некоторых причин: прежде всего Турция была заинтересована в реализации внешнеполитического принципа «ноль проблем с сосе-

дями» и свое внимание сконцентрировала на наращивании тесных экономических и культурных отношений с Грузией. С другой стороны, турецкие власти не имели причин для давления на внешнюю политику Грузии, так как руководство президента М. Саакашвили реализовало четко протурецко и прозападно ориентированную политику.

С 2013 г. Турция, взяв курс агрессивной и наступательной политики в международных отношениях и имея военно-политические и экономические рычаги влияния в Грузии, стала настаивать на решении вопроса турок-месхетинцев в рамках диалога с новыми властями страны во главе с «Грузинской мечтой», которые, в свою очередь, при сохранении прозападной ориентации, стали искать пути диверсификации внешней политики страны. Неслучайно, что в ходе первого визита бывшего премьер-министра Грузии Бидзины Иванишвили в Турцию (2013 г.) одним из центральных вопросов повестки дня было обсуждение возвращения турецких месхетинцев в Грузию [12].

Вопрос возвращения турок-месхетинцев на родину приобрел стратегическое значение для Турции. С одной стороны, этот вопрос является мощным инструментом для оказания давления на внешнюю политику Грузии. С другой стороны, компактное переселение турок-месхетинцев в Самцхе-Джавахети предполагает образование в Грузии очага исламского элемента с тюркским менталитетом, который обеспечит новую площадку для продвижения турецких интересов внутри страны. Кроме того, это приведет к созданию турецкого коридора, так как административные районы Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли (Квемо-Картли граничит с Азербайджаном и в целом имеет азербайджанское население) горизонтальной линией свяжут Азербайджан и Турцию и обеспечат полный «контроль» над территорией, по которой проходят трубопроводы Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Тбилиси – Эрзурум, Трансанатолийский газопровод и железная дорога Баку – Тбилиси – Карс.

Важно отметить, что в последние годы Турция стала поднимать вопрос не только на двустороннем, но и на трехстороннем – турецко-азербайджанско-грузинском уровне, тем самым используя также азербайджанский потенциал для воздействия на решения Грузии. Бывший министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу в 2013 г. после встречи с грузинским и азербайджанским коллегами в Батуми объявил, что вопрос репатриации турок-месхетинцев был тщательно обсужден и что они имеют право на грузинские территории [13].

Данный вопрос включен также в повестку дня Совета грузино-турецкого стратегического сотрудничества высокого уровня, в связи с чем в 2016 г. премьер-министр Турции Бинали Йылдырым подчеркнул, что турки-месхетинцы являются полноправной частью грузинского общества [14].

В 2017 г. Б. Йылдырым после второго заседания Совета заявил, что вопрос турок-месхетинцев – важное связывающее звено в турецко-грузинских отношениях [15].

Заключение

Вопрос репатриации турок-месхетинцев является одним из острых в турецко-грузинских отношениях. Помимо своего гуманитарного измерения, вопрос крайне политизирован. Турция, имея экономические, военно-политические и культурные рычаги влияния на политику Грузии, активно выдвигает проект компактного переселения турок-месхетинцев в Семцхе-Джавахети для создания основы продвижения своих интересов в стране. Таким образом, данный вопрос для Турции представляет собой иной геополитический инструмент в плане укрепления ее позиций не только в Грузии, но и в южно-кавказском регионе в целом.

Грузия, в свою очередь, соглашаясь на репатриацию турок-месхетинцев, на самом деле старается обойти вопрос и избежать принятия конкретных решений, представляя проблему в контексте турецко-армянского соперничества. Негатив имитационной политики Грузии периодически выражается в ходе турецко-грузинских встреч, все больше осложняя внешнюю политику Грузии.

Тем не менее турецко-грузинские отношения продолжают развиваться в рамках стратегических интересов двух стран. Кроме определенного давления Турция пока не готова решительно поставить вопрос репатриации турок-месхетинцев перед Грузией, избегая развития негативного сценария двусторонних отношений. Грузия со своей стороны проявляет политическую волю в плане выдерживания давления южного соседа.

Источники и литература

1. Гриневецкий С., Жильцов С., Зонн И. Геополитическое казино причерноморья. М.: Восток – Запад, 2009. 351 с.
2. Kahraman O., Ibrahimov A. Kafkaslar'dan sürgün bir toplumun Bitmeyen göçü: Çanakkale'de Ahıska Türkleri // Turkey: Ege Coğrafya Dergisi, 2013. No. 22/2. S. 77–90.
3. Yemelyanova G. Georgia's European Quest: The Challenge of the Meskhetian Turks // Caucasus International, Winter 2015. Vol. 5. No 3. pp. 77–87.
4. Modebadze V. Historical Background of Meskhetian Turks' Problem and Major Obstacles to the Repatriation process // IBSU Scientific Journal, 2009. 3(1). pp. 113–128.
5. Hasanoğlu İ. Ahıska Türkleri: Bitmeyen Bir Göç Hikayesi // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi, Yaz 2016. 16(1). S. 1–20.

6. Арунова М.Р. Турция-Грузия: сотрудничество и проблемы // Институт Ближнего Востока. 15.10.2008. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=7629> – Дата обращения: 4 фев. 2018.
7. Ahıska Turks demand right of return to Georgia // Anadolu Agency. 17.10.2017. – Режим доступа: <http://aa.com.tr/en/europe/ahıska-turks-demand-right-of-return-to-georgia/940213> – Дата обращения: 11 фев. 2018.
8. Pentikainen O., Trier T. Between integration and resettlement: The Meskhetian Turks // ECMI working paper, September 2004. No 21. 54 p.
9. Georgian Turkish Ministers of State Discuss problem of Meskhetian Turks // Asbarez, January 12, 2001. – Режим доступа: <http://asbarez.com/44323/georgian-turkish-ministers-of-state-discuss-problem-of-meskhetian-turks> – Дата обращения: 11 фев. 2018.
10. Celik S. Effect of Turkish Public Diplomacy Activities on Relations Between Turkey and Georgia // Eurasian Journal of Social Sciences, 2016. 4(4). pp. 1–13.
11. Erdogan says Meskhetian Turks New Bridge Between Turkey and Georgia // Asbarez, November 16, 2007. – Режим доступа: <http://asbarez.com/56203/erdogan-says-meskhetian-turks-new-bridge-between-turkey-and-georgia> – Дата обращения: 11 фев. 2018.
12. Koca A. Gürcistan başbakanı İvanişvilinin Türkiye ziyareti // Uluslararası Politika Akademisi. 17 Şubat 2013. – Режим доступа: <http://politikaakademisi.org/2013/02/17/4085/>. – Дата обращения: 15 фев. 2018.
13. Davutoğlu'ndan Ahıska Türkleri açıklaması // Erzurum gazetesi. 28 Mart 2013. – Режим доступа: <http://www.erkurumgazetesi.com.tr/haber/Davutoglu-ndan-Ahıska-Turkleri-aciklmasi/71350> – Дата обращения: 21 фев. 2018.
14. Başbakan Yıldırım: ‘Ahıska Türkleri, Gürcü Toplumunun Tam anlamıyla Bir Parçasıdır’ // Haberler.com. 19 Temmuz 2016. – Режим доступа: <http://www.haberler.com/basbakan-yildirim-ahıska-turkleri-gurcu-toplumunun-8626794-haberi> – Дата обращения: 21 фев. 2018.
15. Yıldırımdan İngiltere açıklaması: Kimse ben.m ülkem daha güvenli diyemez // Sputnik. 23.05.2017. – Режим доступа: <http://tr.sputniknews.com/turkiye/201705231028574370-yildirim-ingiltere-aciklama-guvenli-ulke> – Дата обращения: 21 фев. 2018.

Территориальные споры в Восточно-Китайском море и другие проблемы в свете китайско-японских отношений

Territorial disputes in the East China Sea and other problems in the light of China-Japan relations

Л.И. Живора

Живора Лариса Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евразийских исследований им. Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена современному состоянию территориального спора Китая и Японии вокруг архипелага Сэнкаку/Дяоюйдао, а также другим проблемам, имеющим исторические корни и препятствующим достижению стабильности в двухсторонних отношениях. Несмотря на широкие торгово-экономические связи и высокую степень взаимозависимости, политическое общение двух стран остается достаточно напряженным. Растущее противоборство между США и Японией, с одной стороны, и усиливающего свои позиции Китая, с другой, сложная геополитическая обстановка влияют на решение спорных вопросов в регионе. Россия выступает за политико-дипломатическое урегулирование имеющихся проблем в сфере безопасности в Восточной Азии.

Ключевые слова: КНР, Япония, США, АТР, геополитика, архипелаг Сэнкаку/Дяоюйдао, территориальные споры, энергоресурсы, экономический рост.

Abstract: the article is devoted to the current state of the territorial dispute between China and Japan around the Senkaku/Diaoyu Islands Archipelago, as well as other problems with historical roots that prevent the achievement of stable bilateral relations. Despite extensive trade and economic ties, as well as high degree of interdependence, the political dialogue between the two countries remains quite tense. The growing confrontation between the United States and Japan, on the one hand, and the growing China, on the other, a complex geopolitical situation influences the solution of disputable issues in the region. Russia stands for a political and diplomatic settlement of the existing security problems in East Asia.

Key words: China, Japan, the United States, the Asia-Pacific region, geopolitics, the Senkaku/Diaoyu Islands archipelago, territorial disputes, energy resources, economic growth.

Характер взаимоотношений Китая и Японии, основных участников геополитических процессов в обладающих мощными экономическими потенциалами и имеющих большой политический вес, серьезно влияет на международную обстановку в Северо-Восточной Азии (СВА) и формирование военно-политического и экономического климата региона [6]. Однако современные отношения Китая и Японии не отличаются стабильностью и сбалансированностью, что во многом обусловлено процессами перестройки системы региональных отношений и борьбой за влияние в регионе.

Геополитическая обстановка в Северо-Восточной Азии, как и в АТР в целом, претерпевает глубокие изменения, в основе которых – мощный подъем Китая, рост экономического потенциала и усиление активности в регионе таких стран, как Россия и Республика Корея, так называемый процесс «нормализации» Японии и другие факторы. Регион постепенно превращается в один из самых динамично развивающихся центров мировой экономики и политики. Здесь активно развиваются интеграционные процессы, растет взаимозависимость разных стран и вместе с тем усиливается противоборство между ведущими государствами АТР – США, Японией и Китаем.

Растущий экономический потенциал КНР, укрепление ее военной мощи, самостоятельная позиция в международных делах и рост ее влияния в Восточной Азии вызывают озабоченность США, которые рассматривают АТР как сферу своих национальных интересов. Вашингтон объявил о переносе в регион центра тяжести своей глобальной политики и наращивает военное присутствие в Восточной Азии, стремясь сохранить роль мирового лидера. Для стратегического сближения со странами региона США все чаще используют фактор «китайской угрозы». Они укрепляют и расширяют связи с союзниками – Японией и Республикой Корея, способствуют развитию их оборонного потенциала. Китай рассматривает эти союзы как инструмент для его сдерживания и в качестве ответных мер предпринимает шаги по укреплению собственных позиций в СВА и АТР в целом. В Северо-Восточной Азии, в зоне своих непосредственных интересов, Китай стремится ограничить влияние других претендентов на лидерство и утвердить себя в качестве гаранта безопасности и стабильности в регионе.

Япония, соперничающая с КНР за региональное лидерство и отчасти мировое влияние, занимает особое место в СВА. Будучи во второй половине XX века бесспорным экономическим лидером в регионе, в начале XXI века Япония была вынуждена уступить Китаю свои позиции и в настоящее время пытается проводить более активную внешнюю политику. С одной стороны, она является давним союзником США и в сфере без-

опасности по-прежнему делает ставку на военный союз с Америкой, с другой – стремится к проведению относительно самостоятельной внешней политики. Китай, стараясь не допустить усиления политической роли Японии, как постоянный член Совета Безопасности ООН, неизменно выступает против принятия Японии в члены СБ.

В последние годы наиболее сложными вопросами в проведении конструктивного диалога между Пекином и Токио стали многолетние территориальные споры и разногласия по трактовке событий исторического прошлого. Территориальные споры между Китаем и Японией ведутся по вопросу о суверенитете над контролируемым Японией архипелагом Сэнкаку/Дяоюйдао. Архипелаг состоит из восьми незначительных по площади необитаемых островов, расположенных в Восточно-Китайском море (ВКМ) в 170 км к северо-востоку от острова Тайвань и в 400 км от Окинавы. После Второй мировой войны острова находились под контролем США, а в 1972 г. были возвращены Японии. И Китай, и Япония заявляют об исторических и юридических правах на острова. КНР включает их в сферу своих «коренных интересов» и считает вопрос об их принадлежности одной из нерешенных проблем исторического прошлого. На острова претендует также Тайвань, считая, что Япония удерживает их незаконно, однако при этом уклоняется от настойчивых предложений Китая выступить по этой проблеме совместно [4: 52]. Япония не признает самого факта территориального спора в отношениях с КНР и заявляет, что «вокруг островов Сэнкаку не существует никакой территориальной проблемы, которая требует разрешения» [3: 41].

Острова, несмотря на их кажущуюся ничтожность, имеют важное военно-стратегическое, а также экономическое значение. Их выгодное географическое положение дает возможность владеющему архипелагом государству контролировать морские торговые пути и разрабатывать морские ресурсы. Китаю контроль над островами необходим для свободного выхода его военно-морских сил в Тихий океан, обеспечения безопасности его тихоокеанского побережья, блокирования доступа к нему военного флота США, а также их союзников. Китай поставил перед собой задачу превратить страну в «морскую державу» и создать такой океанский военно-морской флот, который будет способен защитить интересы страны в любой точке Мирового океана [9: 31]. Вашингтон отстаивает принципы свободы мореплавания. Для Японии, крупнейшей морской державы, экономическое развитие страны также зависит от свободы мореплавания, стабильности и безопасности в регионе. Премьер-министр С. Абэ неоднократно заявлял, что «Япония никогда не пойдет на компромисс в вопросе суверенитета над указанными островами» [13: 61].

В споре вокруг островов имеет место и фактор природных ресурсов. По результатам исследования, проведенного еще в 1968 г. Экономической

комиссией ООН для Азии и Дальнего Востока, выяснилось, что континентальный шельф в мелководных районах между островами Сэнкаку/Дяоюйдао и островом Тайвань содержит значительные запасы углеводородов, которые как для Китая, так и для Японии имеют стратегическое значение. В настоящее время КНР в пределах своей исключительной экономической зоны ведет добычу природного газа на трех из шести разведанных к этому времени месторождений на шельфе Восточно-Китайского моря. Китай поставил задачу «ускорить проведение разведки с целью повысить объем добычи нефти и газа в глубоководных районах открытого моря» [9: 23]. Очевидно, что КНР будет прилагать усилия по увеличению добычи нефти и газа в ВКМ и других акваториях, а это приведет к еще более жесткому спору о принадлежности островов. Для Японии, вынужденной импортировать энергоресурсы в связи с отсутствием на ее территории достаточных нефтегазовых и угольных месторождений, вопросы энергетической безопасности также имеют серьезное значение. Японское правительство постоянно подчеркивает, что Китай и Тайвань стали претендовать на острова лишь с 1970-х гг., после появления результатов комиссии ООН, где сообщалось о вероятном наличии перспективных месторождений углеводородов на континентальном шельфе вокруг островов.

Акватория вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао богата ценными породами тунца, других морепродуктов и является зоной интенсивного промысла как китайских, так и японских и тайваньских рыбаков. В процессе спора за острова между КНР и Японией началась борьба за расширение территориальных вод и границ исключительных экономических зон (ИЭЗ), дающих преимущественное право на разработку природных ресурсов. Обе страны подписали Конвенцию ООН по морскому праву, согласно которой ИЭЗ простирается на двести морских миль от прибрежной полосы. Это повысило значимость островов и усилило остроту спора. В 2000 г. стороны пришли к соглашению по рыболовству, в соответствии с которым воды севернее островов Сэнкаку/Дяоюйдао приобрели статус «промежуточного морского района», а в июне 2008 г. они согласились совместно разрабатывать месторождения природного газа в акватории Восточно-Китайского моря [3: 46]. Однако, несмотря на это соглашение и другие договоренности, по мере усиления Китая и обострения международных отношений в регионе, вопросы рыболовства и территориальной принадлежности островов время от времени приобретают остроту. Так, в сентябре 2010 г. поводом к обострению ситуации послужил факт задержания экипажа китайского рыболовецкого судна японской стороной на основании «незаконной ловли рыбы» в акватории спорных островов. В результате правительство КНР приняло решение о регулярном патрулировании вокруг островов судами рыболовной инспекции и корабля-

ми береговой охраны [9: 27]. В сентябре 2012 г. территориальные споры двух стран обострились в связи с решением японского правительства о покупке трех островов из архипелага Сэнкаку/Дяоюйдао, находившихся до того в частной собственности у японского владельца. Пекин усилил контроль над водами вокруг островов, наблюдалось противостояние сторон, как на море, так и в воздухе. В 2013 г. эскалация напряженности была вызвана тем, что Китай в одностороннем порядке установил в этом районе «зону идентификации ПВО», включившую в себя и пространство над спорными островами Сэнкаку/Дяоюйдао, что повлекло за собой негативную реакцию как со стороны Японии, так и США.

Спор вокруг островов наносит большой ущерб китайско-японским политическим отношениям и влечет за собой активизацию националистических сил в обеих странах. Периодически ужесточается воинственная риторика со стороны официальных лиц Китая и Японии. Китайские самолеты и суда все чаще вторгаются в зону японской юрисдикции в спорном районе. В Японии наблюдается сдвиг общественных настроений в сторону более жесткой позиции в отношении Китая. Продолжающийся территориальный спор усугубляется неизжитыми историческими обидами. Особенно остро стоят вопросы, касающиеся трагического периода Второй мировой войны, начало которой китайцы относят не к 1939 г., а к 1937 г. Японская военная оккупация причинила огромный ущерб китайскому народу. Китайские источники приводят цифру в 35 млн жертв. Японские оценки числа жертв существенно скромнее, однако сам факт массовых убийств, грабежа и насилия не отрицается. Только в ходе Нанкинской резни 1937 г. от рук японцев погибло более 300 тыс. мирных жителей, включая женщин, стариков и детей. С 1994 г. в Нанкине ежегодно проводятся траурные мероприятия. В феврале 2014 г. решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13 декабря был объявлен Национальным днем поминовения жертв Нанкинской массовой резни. Пекин серьезно обеспокоен тем, как идет процесс осмысления исторического прошлого в Японии, ее попытками «переписать» учебники истории и исказить факты японской агрессии. Китайские официальные лица часто заявляют, что Япония не желает признавать свои «исторические ошибки», о чем, в частности, свидетельствуют визиты японских лидеров в синтоистский храм Юсукуни, где экспозиция военно-исторического музея достаточно откровенно оправдывает японский милитаризм [12: 28]. По мнению китайской стороны, Япония не осознала своих преступлений, совершенных в ходе агрессии, не сумела в достаточно убедительной форме выразить «публичные извинения» перед азиатской общественностью. Несмотря на то что с начала 1980-х гг.

японские руководители более десяти раз выражали такие извинения, данная проблема продолжает возникать в отношениях Японии с соседями.

Вопросы исторического прошлого остаются одной из болезненных и нерешенных проблем в отношениях двух стран, мешают развитию дипломатических, культурных и иных контактов Японии с Китаем. Пекин использует тему исторического прошлого для дискредитации Японии как страны, «недостойной претендовать на роль глобального политического лидера» [12: 29]. Что касается Японии, с приходом к власти второго кабинета Синдзо Абэ в декабре 2012 г. руководство страны поставило задачу борьбы с «признаками прошлого» и «послевоенным режимом», долго определявшим пацифистский статус страны, и выдвинуло задачу превратить Японию в «нормальное государство». В своем выступлении (14 августа 2015 г.) по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны японский премьер-министр С. Абэ подчеркнул: «...Люди, не принимавшие участия в конфликте, не должны нести ответственность за него. Мы не должны допустить, чтобы наши дети, внуки и последующие поколения были обречены на извинения» [18].

Тема исторического прошлого как инструмент поддержания антияпонских настроений часто используется Китаем в своих политических интересах. Так, например, когда Пекин и Токио стремились нормализовать двусторонние отношения (1972 г.), руководители КНР ради будущего китайско-японских отношений признали, что ответственность за войну лежит на японской военно-политической верхушке. Япония согласилась с такой формулировкой и после заключения Договора о мире и сотрудничестве (1978 г.) оказывала Китаю большую экономическую помощь в виде низкопроцентных кредитов (3 млрд долл. США) с рассрочкой по оплате до 40 лет, а также значительной безвозмездной помощи (1,4 млрд долл.) [11]. Участие Японии в модернизации Китая кредитами, оборудованием, привлечением специалистов привело к постепенному улучшению китайско-японских отношений, которые, по мнению китайских экспертов, сохранялись в этом качестве вплоть до конца 2002 г. [10: 8]. Однако со временем, по мере укрепления экономической мощи Китая, вопросы исторического прошлого, вместе с другими проблемами, вновь были включены в повестку дня китайско-японских отношений.

Что касается экономических связей Китая и Японии, то в последние годы они развиваются достаточно интенсивно. Китай – ведущий торговый партнер Японии, как в области импорта, так и экспорта, а Япония – крупнейший инвестор в китайскую экономику. Объем их взаимной торговли составил в 2016 г. более 350 млрд долл. [7]. Следует отметить, что на фоне интенсивно развивающихся экономических связей между КНР и Японией время от времени наблюдается некоторое потепление поли-

тических отношений. Так, в ноябре 2014 г. на полях саммита АТЭС состоялась встреча лидеров двух стран – Председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Японии С. Абэ. Это была первая за прошедшие два года встреча лидеров после ухудшения отношений. Стороны признали различие во взглядах на ситуацию вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и одновременно приняли решение искать взаимопонимание путем переговоров [22]. В октябре 2015 г. диалог Китая и Японии возобновился на полях трехстороннего саммита лидеров Японии, Республики Корея и премьера КНР, посвященного разработке трехстороннего соглашения о зоне свободной торговли [23]. Понимая важность улучшения отношений, стороны стремятся к налаживанию диалога. Однако, несмотря на определенное потепление, наличие политических контактов, положительную динамику развития экономических связей, в современных китайско-японских отношениях по ряду вопросов, включая территориальные проблемы, вновь наблюдается обострение. В июне 2016 г. в акваторию спорных островов впервые вошли военные корабли Китая [24]. Противоречия в китайско-японских отношениях оказывают негативное влияние на систему международной безопасности в регионе и препятствуют продвижению региональных интеграционных проектов.

В ответ на усиление мощи Китая правительство С. Абэ взяло курс на укрепление союзнических отношений с США и наращивание военного потенциала страны¹. Среднесрочный (до 2018 г.) план усиления обороноспособности Японии предусматривает ежегодный рост расходов на военные нужды на 0,8%. Летом 2015 г. японский парламент принял два закона, позволяющих использовать заменяющие армию Силы самообороны в зарубежных операциях. К началу 2016 г. ВМС Японии завершили создание крупнейшей в стране группировки пограничных кораблей для патрулирования островов в ВКМ [17], а ее оборонный бюджет в 2016 г. составил около 42 млрд долл. [16].

Китай выражает озабоченность по поводу военных новаций Токио. Согласно новой Военной доктрине КНР [14], принятой в мае 2015 г., в рамках стратегической концепции «активной обороны в новых условиях» предполагается ускорение процесса модернизации вооруженных сил. По официальным китайским данным, расходы КНР на оборону, ежегодно увеличиваясь, в 2017 г. составили 1,3% ВВП, или 151,97 млрд долл. [15], и сегодня страна занимает второе место в мире по расходам на оборо-

¹ В 2013 г. впервые за 11 лет был увеличен оборонный бюджет Японии, были приняты такие программные в области национальной безопасности документы, как «Стратегия национальной безопасности» и «Основные направления оборонной политики». Был учрежден Совет национальной безопасности.

ну, уступая лишь США. Китай выступает против участия Японии в развертывании региональных систем противоракетной обороны и стремится нарастить свои «преимущества» ядерной державы, модернизируя вооруженные силы и реализуя программу развития и совершенствования национальных стратегических ядерных сил, что увеличивает риск возникновения чрезвычайной ситуации, которая может выйти из-под контроля.

Положение усугубляется тем, что Соединенные Штаты заявляют о распространении на острова Сэнкаку/Дяоюйдао действия американо-японского договора безопасности, согласно которому США обязуются обеспечивать оборону Японии от внешней агрессии. Такая позиция Вашингтона была подтверждена в начале февраля 2017 г. в ходе первого визита нового главы Пентагона Джеймса Мэттиса в Японию и Южную Корею, где располагаются крупнейшие в Северо-Восточной Азии американские военные базы. А в ходе визита премьер-министра С. Абэ в США президент Д. Трамп обещал японскому лидеру сохранять статус-кво в АТР и продолжать защищать Японию.

В августе 2017 г. в совместном заявлении глав внешнеполитических и оборонных ведомств США и Японии вновь было заявлено, что «американо-японский договор о гарантиях безопасности» применим в отношении островов [19]. В ответ на это китайский лидер Си Цзиньпин в своем выступлении на мероприятиях, посвященных 90-летию создания Народно-освободительной армии Китая (НОАК), в августе 2017 г., подтвердил жесткую позицию Китая по защите своих интересов. Он заявил, что «Китай никогда не пойдет на компромисс в вопросе суверенитета, безопасности и интересов развития страны» [20], а также подчеркнул, что в настоящее время страна нуждается в сильной армии больше, чем когда-либо раньше. Однако очевидно, что развязывание открытого конфликта не отвечает интересам ни одной из сторон.

Соединенные Штаты, судя по всему, не намерены вступать в прямую конфронтацию с Китаем. КНР, со своей стороны, придает большое значение устойчивому развитию экономики страны и не заинтересована в вовлечении ее в какие-либо внешнеполитические конфликты. Соперничество США и Китая нарастает на фоне глубокой экономической взаимозависимости, товарооборот двух стран составляет одну треть от мирового. Что касается китайско-японских отношений, то, несмотря на многочисленные проблемы и обострение военно-политического соперничества, их экономическое партнерство активно развивается, усиливается взаимная заинтересованность в решении региональных задач. Идти на конфронтацию, которая может привести к непредсказуемым последствиям, стороны явно не готовы. Однако и потенциал дипломатического разре-

шения территориальных и исторических споров также ограничен, так как эти вопросы давно стали делом национального престижа.

В настоящее время ни Япония, ни поддерживающие ее США не готовы к уступкам в территориальном споре, поскольку этот вопрос имеет для них стратегическое значение. Китай также последовательно и достаточно жестко продолжает отстаивать свои права на «исконно принадлежащие ему территории». Конфликт, вероятнее всего, и далее будет носить латентный характер с возможными обострениями.

Позиция России по проблеме архипелага Сэнкаку/Дяоюйдао носит характер подчеркнутого нейтралитета. Российская сторона исходит из того, что все споры должны решаться в соответствии с нормами международного права. Являясь неотъемлемой частью региональной системы, Россия имеет здесь жизненно важные интересы и стремится реализовать свои задачи в АТР, как развивая двусторонние связи со всеми странами региона, так и участвуя в международных региональных организациях, подключаясь к интеграционным процессам в регионе [1]. Возможные пути урегулирования конфликтных вопросов межгосударственных отношений в регионе связаны с нормализацией общей обстановки и формированием таких механизмов безопасности, которые обеспечили бы интересы всех стран.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П.* Роль и место России в международных отношениях в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации, экономические группировки: Справочник. М.: Восток – Запад, 2010. С. 40–60.
2. *Вода К.Р.* Японо-китайские отношения на пороге холодной войны? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 84–92.
3. *Волошина А.В.* Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 41–51.
4. *Гордеева И.В.* Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 45–55.
5. *Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54.
6. *Забровская Л.В.* Особенности китайско-японских отношений: прагматизм Китая и лавирование Японии // Международная политика 2013. № 3 (18). С. 67–83. – Режим доступа: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/3/07.pdf> – Дата обращения: 5 авг. 2017.
7. *Лузянин С.Г.* Китай – Япония: логика отношений. – Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document240246.phtml> – Дата обращения: 8 авг. 2017.
8. *Мосяков Д.В.* Некоторые аспекты современных американско-китайских отношений в АТР. – Режим доступа: [https://ru.journal-neo.org/2012/06/15/nekotorye-e-aspekty-sovremennyh-amerikano-kitajskih-otnoshenij-v-atr](https://ru.journal-neo.org/2012/06/15/nekotorye-aspekty-sovremennyh-amerikano-kitajskih-otnoshenij-v-atr) – Дата обращения: 3 сент. 2017.

9. Полутов А.В. КНР и Япония: борьба за ресурсы и острова Восточно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 21–34.
10. Портяков В.Я. Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 4–11.
11. Сень Р. Обзор истории развития китайско-японских отношений. – Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/node/4587> – Дата обращения: 5 авг. 2017.
12. Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: истоки и эволюция // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 19–31.
13. Стрельцов Д.В. Япония: новая парадигма безопасности в свете обострения территориального спора с Китаем // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 53–62.
14. Обзор истории развития китайско-японских отношений. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/26/doktrina-site-anons.html> – Дата обращения: 8 авг. 2017.
15. Китай празднует 90-летие со дня основания своих Вооруженных сил, заявляя о готовности отстаивать интересы нации. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/01aug2017/china90noak.html> – Дата обращения: 5 авг. 2017.
16. Военные расходы Японии в 2016 году достигнут рекордной отметки. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151222/1346581097.html> – Дата обращения: 9 авг. 2017.
17. Япония сформировала крупную группировку кораблей для охраны островов в Восточно-Китайском море. – Режим доступа: <http://topwar.ru/91344-yaponiya-sformirovala-krupnyu-gruppirovku-korabley-dlya-ohrany-ostrovov-v-vostochno-kitayskom-more.html> – Дата обращения: 2 авг. 2017.
18. Синдзо Абэ: японцы не должны бесконечно извиняться за войну. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150814_japan_wwii_statement – Дата обращения: 6 авг. 2017.
19. МИД: Китай призывает США и Японию прекратить ошибочные высказывания о вопросах, связанных с островами Дяоюйдао и Южно-Китайским морем. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-08/18/c_136537291.htm – Дата обращения: 28 авг. 2017.
20. Си Цзиньпин: Китаю нужно создать самую мощную армию за всю историю страны. – Режим доступа: <http://rusvesna.su/news/1501393530> – Дата обращения: 8 авг. 2017.
21. Бабонес С. Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7621#top-content – Дата обращения: 2 авг. 2017.
22. Рё Мацуо. Встреча лидеров Китая и Японии спустя два года. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/foreast/20141111/224192367.html> – Дата обращения: 8 авг. 2017.
23. СМИ: член Госсовета КНР обсудит в Японии трехсторонний саммит с Южной Кореей. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2334740> – Дата обращения: 4 авг. 2017.
24. Япония неожиданно жестко отреагировала на появление корабля ВМФ Китая на шельфе архипелага Сенкаку в Восточно-Китайском море. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/149912-Yaponiya-neozhidanno-zhestko-otreagirovala-na-poyavlenie-korablya-VMF-Kitaya-na-shelfe-arhipelaga-Senkaku-v-Vostochno-Kitayskom-more> – Дата обращения: 25 сент. 2017.

Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке

Kurdish issue in Turkey's foreign policy in the Middle East

Р.Н. Шангараев

Шангараев Руслан Насимович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: после «арабской революции» и сирийского кризиса турецкая сторона изменила подходы к разрешению проблемы курдов, проживающих на территории Турции, Сирии, Ирана и Ирака. Решение военным путем курдского вопроса продемонстрировало свою низкую эффективность и не позволило достичь поставленных задач. В связи с этим возникла необходимость выдвижения новых инициатив. Турция вынуждена учитывать особый курс США на Ближнем Востоке и в отношении Сирии. Политика американской администрации направлена на усиление противоречий среди курдского населения, проживающего в разных странах.

Ключевые слова: Россия, Турция, США, РПК, ПСР, Курды, Сирия, Ирак, внешняя политика.

Abstract: after the “Arab revolution” and the Syrian crisis, the Turkish side changed approaches to solving the problem of Kurds living in Turkey, Syria, Iran and Iraq. The military solution to the Kurdish issue by military means demonstrated its low efficiency and did not allow achieving the assigned tasks. In this regard, it became necessary to put forward new initiatives. Turkey is compelled to observe a special course of the United States in the Middle East and Syria. Politics, politics, politics, politics, politics, politics.

Key words: Russia, Turkey, the United States, the PKK, the AKP, the Kurds, Syria, Iraq, foreign policy.

Главная особенность политического положения Курдистана, занимающего часть территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии, состоит в его пограничном положении: он находится на стыке нескольких государств.

Географически курдский регион разделен на турецкий (или Северный Курдистан (240 тыс. км²), где проживают около 20 млн курдов), иран-

ский (или Восточный Курдистан (180 тыс. км²), где проживают 9 млн курдов), иракский (или Южный Курдистан (75 тыс. км²), где проживают более 6 млн курдов) и сирийский, юго-западный Курдистан (30–35 тыс. км² с выходом к Средиземному морю и с населением около 2 млн курдов) [13].

Гражданская война в Сирийской Арабской Республике (САР), глубочайший внутривластный кризис 2011 г., переросший во внутренний вооруженный конфликт, продолжают играть ключевую роль в процессе выработки внешнеполитического курса правящими элитами Турции, которые позиционируются как «демократические исламисты» [11]. Расчет на быструю смену власти в САР, как это произошло в ряде других стран Ближнего Востока, и активную поддержку в этом Запада провалился. В то же время в регионе возросло влияние курдского фактора, что объективно обусловлено формированием в Ираке курдского автономного политического образования, поддерживаемого США.

В сентябре 2012 г. президент Сирии приказал армии покинуть города и населенные пункты на северо-западе страны. Фактически контроль над частью страны был передан курдам, которые стали контролировать все органы управления в пограничных с Турцией районах: Кобани, Африне, Дерике, Амуде. Двенадцать курдских организаций Сирии объединились, создав Курдский национальный меджлис. Одновременно Дамаск объявил об удовлетворении части требований сирийских курдов – уравнивании их в правах с коренным населением Сирии, разрешении на обучение на национальном языке и некоторых других, переложив, таким образом, часть сложной ближневосточной игры уже в Турцию, где курды десятилетиями ведут вооруженную борьбу за аналогичные права [2].

В сентябре 2017 г. Иракский Курдистан при поддержке западных стран анонсировал проведение референдума о самоопределении. Три главных противника курдской независимости – Ирак, Турция и Иран – предприняли усилия, чтобы предотвратить проведение референдума о самоопределении [14]. Турецкий парламент одобрил запрос правительства о продлении на год полномочий вооруженных сил на проведение операций в Сирии и Ираке. В соответствии с выданным мандатом турецкая армия получала возможность проводить боевые операции за пределами страны, в Сирии и Ираке. Мандат позволял размещать на территории Турции контингенты и военные базы государств, которые оказывают поддержку ВС республики или заняты в этих трансграничных операциях [15]. Тем не менее референдум состоялся, и подавляющее большинство жителей (более 3,3 млн человек) высказалось за независимость автономии. Однако уже в конце октября 2017 г. курды заявили о готовности заморозить итоги референдума и начать диалог с Багдадом. Перспектива появления

независимого Курдистана вызывает серьезную озабоченность в соседних Иране и Турции.

Попытки Турции оказывать давление на Иракский Курдистан могут спровоцировать новую волну насилия в регионе. По мнению известного курдолога Ш. Мгояна, позицию Турции в период становления курдской автономии в Ираке можно охарактеризовать следующим образом: «Проводящие антикурдскую политику соседние государства, в частности Турция, старательно применяли любого рода средства – военные, политические, дипломатические, акции по разложению ее изнутри, – чтобы помешать процессу становления курдской автономии в Ираке. Продвигались следующие идеи: на севере Ирака зарождается новый Афганистан, с тревожными последствиями для региона, сами курды, якобы, не в состоянии создать эффективную систему самоуправления, поскольку у них для этого нет ни опыта, ни возможностей» [1].

К тому же на фоне несогласия с курдской позицией о создании независимого государства Турция стремилась использовать энергетический фактор курдской экономики для развития своей. Анкара выразила готовность поддержать бесперебойное функционирование нефтепровода Киркук – Джейхан, так как остановка транзита нефти из Иракского Курдистана через территорию Турции не только ударит по автономии, но и отразится, по большей части, на покупателях из Европы [17]. Помимо этого турецкие предприниматели активно инвестируют в курдские компании. 50% из 2241 компаний из 78 стран, зарегистрированных в Курдистане, – турецкие. К слову, торговый оборот с Ираком составляет 9 млрд долл. США. Если к этому прибавить еще проект нового нефтепровода, который дает возможность вывозить в Турцию и на мировой рынок примерно 1 млн баррелей иракской курдской нефти в день, то картина станет более ясной (по экспертным оценкам, у Курдистана имеется запас в 45 млрд баррелей нефти и 3–6 трлн кубометров газа).

Сирийская война подчеркнула важность для Турции формирования как минимум невраждебных отношений с курдами региона. Параллельно с ослаблением антиправительственных сил в Сирии Турция начала проводить переговоры о курдском урегулировании с политическими силами соседних стран: Партией демократического союза (PYD, лидер – Мале Муслим), Курдским национальным советом (KNC, лидер – Абдулаким Бахар), Партией свободы (лидер – Мустафа Джума). Создавая видимость партнерства и сотрудничества, Анкара пыталась втянуть курдов в ведущую борьбу против правительственных сирийских войск. В результате сепаратных переговоров М. Муслим ослабил свою риторику по отношению к Турции, объявив даже, что Турция перестала помогать действу-

ющей по всей турецко-сирийской границе террористической группировке «Аль-Каида» [3].

Ситуация изменилась после кровавого террористического акта 20 июля 2015 г. в приграничном с Сирией (населенном в основном курдами) турецком городе Суруч, в результате которого погибло более 30 человек, в основном представителей левых курдских организаций. Этот факт был использован турецким правительством в целях активизации боевых действий против курдов: спустя буквально сутки после него турецкая авиация бомбила уже курдские населенные пункты на севере Ирака, а не «Исламское государство» (организация запрещена в России), как было заявлено в Анкаре. Поскольку вся приграничная с Турцией зона находится под плотным контролем турецких спецслужб, теракт стал лишь формальным поводом.

Реакция со стороны курдских организаций Турции на теракт 20 июля 2015 г. и последовавшие бомбардировки позиций Рабочей партии Курдистана (РПК) оказалась прогнозируемой: по турецкому юго-востоку прокатились волны митингов протеста и беспорядков; не обошлось и без вооруженных акций, включая подрывы энергетических коммуникаций, газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум и минирование объектов военной и гражданской инфраструктуры, убийства полицейских и военнослужащих турецкой армии. Масштабы антиправительственной активности РПК были озвучены прежним премьер-министром Ахметом Давутоглу: «С момента теракта в Суруче 20 июля совершено 657 терактов различного масштаба» [4]. Рабочая партия Курдистана также заявила о прекращении действующего с 2013 г. перемирия, которое долгое время декларировалось правительством Р.Т. Эрдогана как доказательство эффективности его политики в курдском вопросе [5].

С первых дней гражданской войны в Сирии было очевидно, что активное участие Турции в конфликте на стороне антиправительственной коалиции рано или поздно приведет к распространению конфликта на собственно турецкую территорию. Тем не менее с санкции властей и поощрения со стороны союзников по НАТО территория Турции была превращена в основной логистический центр для так называемой антиасадовской оппозиции, значительная (если не основная) часть которой представляет собой силы международного терроризма, включая ИГИЛ.

Фактически США загнали своего союзника по НАТО в ловушку гражданской войны в Сирии, провоцируя межпартийную полемику в Турции, которая со временем может принять признаки конфессионального раскола [5].

Р.Т. Эрдоган и Партия справедливости и развития (ПСР) предпринимали попытки максимально ослабить позиции Рабочей партии Курдистана (РПК). Этому способствует тот факт, что внутри курдского движения так-

же есть раскол. Одна его часть, условно называемая «националисты», выступает за создание единого Курдского государства, а другая – убежденные сторонники РПК – выступают не за государственность, а за широкое местное самоуправление в рамках турецкого и сирийского государств (вроде самоуправляемых коммун). Обе эти модели реализуются курдами в Сирии (Западный Курдистан) и в Ираке (Южный Курдистан), где развивается курдское государство.

До трагических событий ноября 2015 г. с российским военным самолетом в Сирии руководство Российской Федерации, исходя из динамично развивающихся экономических и политических отношений с Турцией и в условиях западных санкций, старалось соблюдать определенный нейтралитет по курдскому вопросу [12].

С объявлением 27 февраля 2016 г. перемирия в Сирии позиция сирийских курдов в основном заключается в военном нейтралитете и вооруженной защите мест их компактного проживания от любых посягательств извне. Начала проявляться определенная согласованность в действиях иракских, сирийских и турецких курдов (с некоторыми тактическими расхождениями). В регионе сложился такой порядок, при котором принцип территориальной целостности может быть нарушен. В таком случае «сценарий вооруженной интервенции Турции на север Сирии и Ирака становится вполне реальным» [7]. Более того, данный процесс уже отчасти начался.

Одним из важнейших событий в регионе в начале 2018 г. стала вторая турецкая военная кампания на территории Сирии. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган приказал начать полномасштабную военную операцию «Оливковая ветвь» в районе Африна, где проживают порядка 1,5 млн сирийских курдов. Анкара считает курдские военные формирования сирийскими ответвлениями Рабочей партии Курдистана, признанной в Турции террористической организацией. Однако еще больше его беспокоит то, что они имеют достаточно вооружения, поставленного США, и опыт военных действий, чтобы угрожать стратегическим интересам Анкары.

Можно предположить, что турецкая операция «Оливковая ветвь» была спровоцирована действиями США в восточной части Сирии, к востоку от Евфрата. Сделав ставку на курдские формирования в борьбе с террористами, США объявили о том, что совместно с курдами берут под контроль всю границу Сирии с Ираком, и прежде всего курды будут обеспечивать эту зону безопасности.

Власти Турции выступили против предлагаемых США планов по созданию «сил безопасности» на сирийско-турецкой границе. Эрдоган также вновь раскритиковал позицию США в вопросах сотрудничества с сирийскими курдами из партии «Демократический союз» (ДС) и отрядов «Сил народной самообороны» (СНС). «Если необходимы военные для борь-

бы с террористами в Ракке или Манбидже, мы можем послать одну или две бригады, но сотрудничайте с Турцией. То, что вы делаете, является ошибкой, которой вы позорите себя перед вашим стратегическим партнером», – подчеркнул турецкий лидер [8].

В последнее время стало расти число взаимных обстрелов из тяжелого вооружения между курдами и поддерживаемыми Турцией туркоманами и протурецкими боевиками в Сирии. Дамаск решительно осудил действия Турции в Африне, отметив, что эта территория – неотъемлемая часть Сирии. В свою очередь турецкие власти не собираются передавать Дамаску завоеванную территорию, которую Анкара взяла под контроль в результате военной операции для создания контролируемой зоны безопасности, где, согласно заявлениям, будут созданы органы самоуправления из местного населения и курдов, бежавших от YPG (сил самообороны сирийских курдов), лояльных арабов и туркмен.

Примечательна позиция американской стороны, призвавшей Анкару «ограничить операцию во времени и масштабе», а также проявлять осторожность для избежания жертв среди мирного населения. Вашингтон дал понять, что действия турецкой стороны в Африне не противоречат интересам США, несмотря на то что курды – основной их союзник в регионе. Соединенные Штаты не желают жертвовать хорошими отношениями с Турцией, союзником по НАТО.

Очевидно, что США ведут на Ближнем Востоке собственную политику, сталкивая между собой не только сирийских курдов с властями в Дамаске, но и курдов Сирии, Ирака, Ирана и Турции. Вашингтон не без оснований опасается политического сближения Тегерана с Москвой и Багдадом, с одной стороны, и России с курдами – с другой. При этом перспективы улучшения отношений Турции с нетурецкими курдами и Сирией в ближайшие годы представляются весьма призрачными, что обусловлено исторически. Курдское влияние на регион будет значительным, а курды обязательно будут частью общего политического решения конфликта в стране.

После того, как Россия в декабре 2017 г. осуществила вывод части своей группировки войск из Сирийской Арабской Республики, можно констатировать, что «действия российских ВКС в Сирии позволили в корне переломить ситуацию в борьбе с террористами, дезорганизовать инфраструктуру боевиков, нанести им существенный урон, а достижение перемирия способствовало созданию условий для начала процесса мирного урегулирования под эгидой ООН» [7]. Однако на фоне этого обострились отношения между другими группами силы, более активно начали действовать и другие акторы в регионе, в том числе Турция и подконтрольные ей боевики, или курдская вооруженная оппозиция. Каждое вовлеченное в

сирийский конфликт государство решает собственные геополитические задачи. Россия в свою очередь стремится закрепить военный успех дипломатическим путем (в Сочи 29–30 января 2018 г. прошел Конгресс сирийского национального диалога).

После официальных заявлений о ликвидации группировки «Исламское государство» (организация запрещена в России) курды оказались самой серьезной неправительственной силой на территории Сирии. Они контролируют более 20% ее территории, обладают своими военными силами (Пешмерга – курдские военизированные формирования в Иракском Курдистане) и смогли отвоевать нефтеносные районы к востоку от реки Евфрат, возле границы с Ираком, что не может не беспокоить Турцию.

Также стоит принимать во внимание, что 16 февраля 2018 г. экс-госсекретарь США Рекс Тиллерсон после 3-часового разговора с Эрдоганом на совместной пресс-конференции заявил: «США и Турция разделяют в Сирии одну и ту же цель – победить Исламское государство, стабилизировать страну, чтобы позволить беженцам вернуться домой, и поддержать политическое решение для единой Сирии, без внутренних демаркаций, разделяющих страну. США и Турция будут тесно координировать свое сотрудничество для окончательного поражения ИГ и других террористических групп внутри Сирии» [16]. Глава МИД Турции М. Чавушоглу заявил, что Турция и Ирак планируют совместную военную операцию против курдов. Можно предположить, что американские и турецкие интересы пересекаются в том, чтобы не дать войне завершиться на той стадии, на которой она находится в данный момент, потому что обе стороны не устраивает результат. Турецкая сторона может претендовать на захват северных территорий Сирии и Ирака, подконтрольных туркам.

После встречи министров иностранных дел России, Ирана и Турции в Астане 16 марта 2018 г. и их совместного заявления стороны согласились продолжить эффективное взаимодействие, которое будет оказывать позитивное воздействие на обстановку в Сирии и регионе в целом, снизит опасность межэтнического и межконфессионального противостояния. В заявлении в очередной раз констатируется важный аспект сотрудничества: «Подтвердили свою твердую и неизменную приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Сирии. Никакие действия, от кого бы они ни исходили, не должны подрывать эти принципы, подтвержденные соответствующими международными решениями, и ясно и четко выраженной волей представителей всех сегментов сирийского общества в ходе Конгресса сирийского национального диалога в Сочи» [16].

4 апреля 2018 г. прошла очередная встреча президентов России, Ирана и Турции, на которой, помимо энергетических вопросов, состоялось

обсуждение разногласий между российской и турецкой сторонами, а также была проанализирована ситуация в Африне (Сирия), в частности затрагивающая вопрос о сирийских курдах.

В заключение можно сказать, что курдский вопрос для Турецкой Республики с самого начала ее существования является одним из ключевых, а курдская проблема для нынешней Турции до сих пор не получила своего решения.

Власти Турции неоднократно пытались сменить тактику жесткого подавления курдского национального движения более мягкой политикой, особенно в период правления ПСР. Однако внутренние и внешние факторы последних лет до сих пор не позволили достичь намеченных результатов. Таким образом, без радикального изменения отношения турецких властей к курдской проблеме решение в ближайшем будущем не просматривается.

Курды в новой региональной ситуации стали играть самостоятельную роль. В то же время задачи властей Р.Т. Эрдогана и ПСР остались прежними: максимально ослабить влияние курдов на внутреннюю политику страны и не допустить курдов в парламент, раздробить курдское движение (на тех, кто выступает за формирование автономии, и на тех, кто ратует за создание собственного государства), физически уничтожить боевые отряды повстанцев РПК.

Кроме того, Турция не приемлет вмешательства во внутренние дела страны через инициирование темы «права меньшинств» (в том числе национальных); курдская проблема для турецкой стороны – вопрос национальной безопасности, поскольку это определено ее опытом распада империи, произошедшего посредством применения практики манипулирования миллетами (общинами, в том числе и курдами). Сюда же можно отнести неизменно скептическое отношение к иностранному экономическому и политическому вмешательству в национальные интересы государства, сохраняющееся даже в эпоху глобализации.

Что касается России, то курдская проблема, несмотря на попытки определенных сил и стран включить ее в двустороннюю повестку дня, на данном этапе не является определяющим фактором российско-турецких отношений. Развитие российско-турецких экономических связей является взаимовыгодным и может стать ключевым фактором для экономического роста двух стран. Тем более что имеющийся потенциал торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества использован пока не полностью.

Источники и литература

1. *Мхоян Ш.Х.* Процесс самоуправления Южного Курдистана на современном этапе // Вестник общественных наук. 2003. № 3.

2. *Тарасов С.* «Арабская весна» в Турции: распад страны становится реальностью – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1555713.htm> – Дата обращения: 24 мая 2018.
3. *Turkiye El Kaide'ye yardimi kesti.* – Режим доступа: <https://m.ilkehaber.com/haber/salih-muslim-turkiye-el-kaideye-yardimi-kesti-27896.htm> – Дата обращения: 24 мая 2018.
4. *Davutoğlu'ndan HDP'ye şok sözler.* – Режим доступа: <http://www.milliyet.com.tr/davutoglu-ndan-hdp-ye-sok-sozler/siyaset/detay/2094365/default.htm> – Дата обращения: 24 мая 2018.
5. *Арешев А.* Турция: игры с «Исламским государством» // Интернет-сайт газеты «Ноев Ковчег». – Режим доступа: <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2015-16-17/5140.html> – Дата обращения: 24 мая 2018.
6. *Куда заведет Турцию новая война с курдами?* – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=o7eVTsQLIV8> – Дата обращения: 24 мая 2018.
7. *Тарасов С.* Курдский вопрос становится проблемой мировой политики». – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/2100725.html> – Дата обращения: 24 мая 2018.
8. *Турция отказалась от предложения США создать «силы безопасности границы» в Сирии.* – Режим доступа: <https://riafan.ru/1016192-turciya-otkazalas-ot-predlozheniya-ssha-sozdat-sily-bezopasnosti-granicy-v-sirii> – Дата обращения: 24 мая 2018.
9. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях развития международных отношений в XXI веке. М.: Восток – Запад, 2009. 96 с.
10. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе: Записки очевидца. М., 2008. 614 с.
11. *Шангараев Р.Н.* «Демократический исламизм» партии справедливости и развития и его влияние на внешнюю политику Турции // Дипломатическая служба. 2017. № 6. С. 75–80.
12. *Шангараев Р.Н.* «Мутуализм» или особенности внешней политики Турции в отношении России // Вопросы безопасности. 2017. № 1. С. 45–54.
13. *Адил А.* Курдский вопрос в Ираке. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kurdskiy-vopros-v-irake#ixzz5VgiUotwA> – Дата обращения: 24 мая 2018.
14. *Иракский Курдистан: санкции в ответ на референдум.* – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/09/22/alarm-grows-over-kurdish-independence-referendum-in-iraq> – Дата обращения: 24 мая 2018.
15. *Парламент Турции продлил на год мандат армии на операции в Сирии и Ираке.* – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4587506> – Дата обращения: 24 мая 2018.
16. *Эрдоган подбивает НАТО на войну в Сирии, а сам воюет с курдами в Турции.* – Режим доступа: https://news-front.info/2018/03/19/erdogan-podbivaet-nato-na-voynu-v-sirii-a-sam-voynet-s-kurdami-v-turtsii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.ru%2f – Дата обращения: 24 мая 2018.
17. *Турция готова поддержать бесперебойную работу нефтепровода из Ирака.* – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20171025/1507539764.html> – Дата обращения: 24 мая 2018.

Внешняя политика Иордании в условиях сирийского кризиса

Foreign policy of Jordan in the conditions of the Syrian crisis

В.Ю. Павлова

Павлова Вера Юрьевна, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности внешнеполитических позиций Иордании в отношении сирийского кризиса и пути его урегулирования. Обращается внимание на их трансформацию по мере развития кризиса, особенно на то, что касается отношения к «умеренной» сирийской оппозиции, руководству Сирии, а также антитеррористической кампании Воздушно-космических сил России. Анализируются внутренние социально-политические и экономические факторы, оказывающие влияние на этот трансформационный процесс. Отмечается стремление иорданского руководства выработать сбалансированный внешнеполитический курс с учетом сложной международной и региональной обстановки, его нацеленность на политическое урегулирование сирийского кризиса, что отвечает долгосрочным интересам безопасности Иорданского Хашимитского Королевства.

Ключевые слова: Иордания, малые и средние страны, сирийский кризис, беженцы, внешняя политика, политическое урегулирование.

Abstract: the article examines the peculiarities of Jordan's foreign policy positions on the Syrian crisis and the way of its settlement. Attention is drawn to their transformation as the crisis develops especially with regard to the attitude towards the "moderate" Syrian opposition, the leadership of Syria, as well as the Russian Air Force anti-terrorist campaign. Internal socio-political and economic factors that affected the transformation process are analyzed. The article highlights the desire of the Jordanian leadership to develop a balanced foreign policy, taking into account the complicated international and regional situation, its focus on the political settlement of the Syrian crisis that meets the long-term interests of the security of the Hashemite Kingdom of Jordan.

Key words: Jordan, small and medium-sized states, Syrian crisis, refugees, foreign policy, political settlement.

На фоне трансформации миропорядка после распада биполярной системы возник теоретический и практический интерес к меняющейся роли средних и малых стран в международных отношениях¹. Эксперты отмечают, что «усиление неустойчивости международной системы, переплетение различных кризисных явлений, нестабильность конфигурации центров силы и поиск нового баланса объективно повышают рост самостоятельности и значения малых и средних стран» [1]. Иорданию по различным критериям вполне можно отнести к малым и средним странам ближневосточного региона, которые, сталкиваясь с новыми вызовами и угрозами, с обостряющимися кризисами в регионе, вырабатывают свою внешнеполитическую линию.

Одним из ключевых вопросов региональной внешнеполитической повестки Иорданского Хашимитского Королевства в последние годы является кризис в Сирии, по мере углубления которого нарастают угрозы для стабильности и безопасности самой Иордании.

Серьезным вызовом для королевства оказался приток сирийских беженцев, который стал ощутим для государства, начиная с 2012 г., и значительно возрос в дальнейшем. В стране их насчитывается, по разным оценкам, около полутора миллионов, что составляет 20% всего населения [2] и создает социальную напряженность на неустойчивую иорданскую экономику². Значительная нагрузка от присутствия массы беженцев в Иордании приходится также на сферы образования и здравоохранения [3]. Размещение сирийских беженцев в Иордании осложнено условиями ограниченности природных ресурсов (в первую очередь водных) и высоким уровнем безработицы (18,5% по состоянию на первый квартал 2018 г. [4]).

Согласно данным ООН, только около 650 тыс. сирийских беженцев имеют официальный статус переселенцев [5], остальные проживают на территории королевства без регистрации и по большей части в городах, вне специальных лагерей, чем создают конкуренцию местным жителям в сфере занятости. С 2017 г. начала действовать государственная программа по предоставлению местными властями сирийским беженцам разрешений на работу в секторах, где есть спрос на рабочую силу [6]. Та-

¹ Среди политологов продолжается дискуссия относительно критериев малого и среднего государства и характеристик их внешнеполитического поведения. Содержание дискуссии требует рассмотрения в отдельной статье.

² Учитывая эту сложную ситуацию, Россия в 2013 и 2014 г. передавала Иордании несколько партий гуманитарной помощи для сирийских беженцев.

кая программа трудоустройства беженцев позволила снизить конкуренцию в популярных у иорданцев секторах экономики, и в то же время дала возможность беженцам наладить свою жизнь, одновременно снижая вероятность их радикализации.

Нестабильность в Сирии представляет собой существенный фактор усиления террористической угрозы для государства, а также дестабилизации в соседних с этой страной районах королевства. Эта угроза значительно возросла с захватом в 2015 г. террористической группировкой «Исламское государство» (запрещена в России) части сирийской территории. Иорданское руководство опасается проникновения боевиков через иордано-сирийскую границу и распространения джихадистской идеологии в иорданском обществе, особенно среди экономически неблагополучного населения, а также среди сирийских беженцев. Так, на территории Иордании находятся более 2 тыс. человек, сочувствующих ИГ. По меньшей мере, 1300 иорданских радикалов участвовали в боевых действиях в Сирии на стороне группировок «Джебхат ан-Нусра» или «Исламское государство» [7: 147].

С 2016 г. активность радикальных элементов как внутри страны, так и на границе с Сирией заметно выросла. На севере Иордании в г. Ирбиде, в котором находится один из «кадровых ресурсов» ИГ – лагерь палестинских беженцев, где джихадисты активно занимались агитационной работой и вербовкой, – в ходе проведенной иорданскими спецслужбами спецоперации была ликвидирована вооруженная группа, имеющая связи с «Исламским государством» (7 террористов было убито, 13 арестовано). По соседству с Ирбидом на северо-западе, в провинции Эль-Мафрак, находится и самый крупный лагерь сирийских беженцев «Заатари» (насчитывающий около 80 тыс. беженцев) [8], где также проводилась вербовка в вооруженную сирийскую оппозицию и террористические группировки. В 2016 г. исламистами были захвачены несколько пограничных переходов на иордано-сирийской границе к югу от реки Ярмук. В июне того же года был совершен теракт, унесший жизни нескольких иорданских военнослужащих, в районе лагеря сирийских беженцев «Рукбан», ставившего крайне тяжелой гуманитарной ситуацией. Боевиками был направлен джихад-мобиль на блокпост при въезде в этот лагерь. Он расположен в анклав ЭТ-Танф на сирийской территории, примыкающей к иорданской границе, в так называемой 55-километровой американской зоне безопасности неподалеку от военной базы США, где проходили подготовку с помощью американских инструкторов боевики группировки «Джейш Магавир Ас-Саура» и других оппозиционных групп [9]. По данным иорданских спецслужб, лагерь регулярно использовался боевиками, связанными с «Исламским государством», проникающими в эту зону для контрабан-

ды оружия и наркотиков. Иорданские власти отказывались тогда обеспечивать поставки гуманитарной помощи в лагерь, а тем более пустить беженцев из «Рукбана» на свою территорию из-за соображений безопасности, и приняли решение временно закрыть границу с Сирией в связи с возросшей угрозой со стороны ИГ. В июне 2016 г. исламисты также атаковали Управление общей разведки, которое располагалось в 20 км от иорданской столицы Аммана, на территории одного из крупнейших лагерей палестинских беженцев «Бекаа» [10]. В результате погибло несколько сотрудников иорданских спецслужб. В декабре 2016 г. Иорданию потрясло террористическое нападение в Караке, одном из туристических центров на юге страны, в результате которого было убито 10 человек, в том числе туристка из Канады. По данным различных арабских СМИ, среди террористов были как иорданцы, так и представители других арабских стран.

Участившиеся случаи столкновений боевиков с иорданскими силами безопасности на иордано-сирийской границе, теракты на территории Иордании, в том числе в туристических центрах, несомненно, оказали свое влияние на внешнюю политику государства. Этим можно объяснить произошедшие изменения в позиции страны по отношению к кризису в целом и к сирийской оппозиции, а также корректировку подходов к выстраиванию отношений с сирийским руководством.

В условиях напряженной региональной ситуации Иордания вынуждена балансировать в отношениях с различными международными игроками. Ввиду своей экономической зависимости от ряда западных и региональных стран, некоторые из которых являлись главными спонсорами сирийской оппозиции, а также ряда вооруженных радикальных группировок [11], она не может не учитывать их интересы: экономический фактор в отношениях Иордании со странами-донорами и по настоящее время позволяет последним оказывать значительное влияние на политику королевства.

Иордания ежегодно получает многомиллионные кредиты и гранты на поддержку экономики и обороноспособности от США, стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и Европейского Союза. На первом месте среди иорданских доноров остаются Соединенные Штаты. В феврале 2018 г. подписан новый пятилетний Меморандум о взаимопонимании между Иорданией и США, который определяет финансовую помощь королевству на ближайшие пять лет в объеме 6375 млрд долларов США (по 1 млрд 275 млн в год). По сравнению с двумя предыдущими меморандумами (за 2010–2014 и 2015–2017 гг.) американская помощь заметно увеличилась [12]. Кроме того, Иордания регулярно получает американские финансовые транши по линии Партнерской программы по ограничению угроз, финансируемой Пентагоном (около 100 млн долл.

в год) [13], а также программ Агентства США по международному развитию (USAID).

Главный региональный донор Иордании – Саудовская Аравия – помимо ежегодной финансовой помощи поставляет в Иорданию по льготным ценам электроэнергию, используя для этого недавно построенные линии электропередачи [14]. В 2017 г. монархии подписали ряд экономических соглашений, среди которых был документ по созданию совместного саудовско-иорданского инвестиционного фонда в размере 3 млрд долл. [15]. Он был призван обеспечить Иорданию более стабильную занятость, поставки электроэнергии и воды, новые проекты в сфере здравоохранения, строительства и туризма.

Европейский союз также регулярно выделяет макрофинансовую помощь, осуществляет ряд гуманитарных и образовательных программ, начиная от модернизации ключевых секторов экономики, таких как возобновляемая энергия и энергоэффективность, и заканчивая обеспечением занятости и содействием развитию частного сектора. Поступают средства и в рамках программ ООН, а также через различные фонды и неправительственные организации.

Тяжелая ситуация с беженцами в Иордании стала еще одним направлением предоставления ей финансовой поддержки. В феврале 2018 г. иорданским правительством и представителями ряда западных стран-доноров был анонсирован 3-летний План содействия сирийским беженцам в Иордании на 2018–2020 гг. с общим бюджетом 7,3 млрд долл. [16]. Начиная с 2011 г. ЕС уже предоставил Иордании более 1,5 млрд долл. на поддержку программ содействия беженцам в этой стране [17].

С начала сирийского кризиса иорданское руководство делало ставку на так называемую умеренную оппозицию. Иордания осуществляла совместно с США и Саудовской Аравией подготовку некоторых ее группировок из объединения «Южный фронт», сконцентрированных в провинции Дераа в Сирии, помогала с транзитом оружия через свою территорию в ограниченном масштабе [18], а также предоставляла контрольно-пропускной пункт «Ар-Рамта» на иордано-сирийской границе для нужд оппозиционных группировок и западной антитеррористической коалиции [19: 218]. Подтверждением проводившейся американцами программы по поддержке и вооружению умеренной сирийской оппозиции на территории королевства является и произошедший в ноябре 2016 г. инцидент на КПП военно-воздушной авиабазы имени короля Фейсала недалеко от г. Маана, когда были убиты три американских военных инструктора, участвовавшие в проекте по подготовке сирийских группировок.

Во второй половине 2013 г. для координации деятельности умеренной оппозиции, а также поставок им техники и оружия [20] было создано

Военное оперативное командование (ВОК), деятельность которого была приостановлена в конце 2017 г. [21]. Эти действия объяснялись и расчетами на то, что группировки «Южного фронта» при необходимости могут быть использованы для предотвращения проникновения на территорию королевства террористов «Исламского государства», которое, по мнению короля Абдаллы II, представляет серьезную угрозу для Иордании. Поддержку оппозиционных группировок на юге Сирии можно объяснить и тем, что иорданское руководство серьезно опасалось продвижения иранских отрядов Корпуса стражей исламской революции (КСИР) к своей границе¹ и намеревалось использовать умеренную оппозицию против них. Иорданский король решительно выступает против сохранения иранского присутствия в Сирии. В интервью американским СМИ король говорил о возможной иорданской поддержке действий Израиля, военное сотрудничество с которым благодаря сирийскому кризису значительно возросло, против иранских отрядов в Сирии, мотивируя это тем, что Израиль стремится наладить отношения с арабскими странами и в случае успешного решения палестино-израильского конфликта способен мирно вписаться в ближневосточный регион [22].

Иордания вошла в ядро «Группа друзей Сирии», созданное в феврале 2012 г., вместе с рядом западных и региональных стран, а также в международную антитеррористическую коалицию во главе с США. В 2014–2015 гг. военно-воздушные силы королевства принимали участие в бомбардировках позиций ИГ в Сирии в составе этой коалиции. Но когда в начале 2015 г. боевики «Исламского государства» сбили иорданский истребитель F-16 и казнили его пилота М. Аль-Касасбе, авиаудары были прекращены. Иорданское руководство решило показательно использовать трагедию для антитеррористической пропаганды среди своего населения. Благодаря проведенной информационной работе призыв короля к своим гражданам сплотиться воедино против терроризма сработал: иорданцы, возмущенные смертью своего соотечественника от рук террористов, вышли на акции протеста против зверств ИГ, а сам М. Аль-Касасбе был признан национальным героем. В 2017 г. Иордания продолжила авиаудары по позициям террористов на юге Сирии недалеко от иорданской границы.

Тем не менее руководство королевства осознает, что идя на поводу у некоторых региональных и западных союзников, оно часто рискует поставить на карту стабильность и безопасность своей страны, поэтому старается диверсифицировать свои внешнеполитические контакты, исходя из собственных национальных интересов.

¹ По словам короля в интервью газете Washington Post, отряды КСИР дислоцировались в 70 км от иорданской границы на юге Сирии.

Изначально, при всей критике нынешнего сирийского президента Б. Асада и давлении со стороны западных партнеров, иорданское руководство номинально поддерживало связи и не разрывало дипломатических отношений с САР, оставляя открытым сирийское посольство в Аммане. После начала антитеррористической кампании российских ВКС в Сирии и по мере успехов, достигнутых правительственными войсками при их поддержке, Иордания стала все более склоняться к необходимости налаживания связей с доказавшим свою устойчивость сирийским руководством, считая, что его сохранение в Дамаске предпочтительнее, чем приход к власти радикальных исламистов и возможная дезинтеграция Сирии. Так, с 2017 г. были налажены регулярные контакты между иорданскими и сирийскими силовиками [23]. Время от времени иорданское правительство даже предпринимало попытки примирить сирийские правительственные силы и оппозиционеров из «Южного фронта» с целью избежать воздушных ударов со стороны сирийской авиации в провинции Дераа близ иорданской границы.

Изначально решение о вводе российских ВКС в Сирию от 30 сентября 2015 г. было встречено иорданским руководством с настороженностью и недоверием. Однако, со временем, успехи российской антитеррористической кампании изменили его отношение к роли России в противодействии терроризму в позитивную сторону. Уже в конце 2015 г. Россия и Иордания договорились о налаживании координации по военной линии: в Аммане был создан российско-иорданский антитеррористический координационный центр для согласования практических действий между двумя государствами и обсуждения вопросов, связанных с антитеррористической кампанией [24].

Руководство королевства в целом поддерживает контртеррористические действия России. Оно не раз подчеркивало сходство российской и иорданской позиций как по урегулированию сирийского конфликта, так и по противодействию терроризму и экстремизму. «Российская Федерация и Иорданское Хашимитское Королевство вместе выступают за создание широкого антитеррористического фронта, объединение усилий всего международного сообщества для борьбы с этим злом» [25]. Король Абдалла II не раз подчеркивал, что считает активное участие России единственным способом найти политическое решение конфликта в Сирии. Власти Иордании призывали Россию играть более активную роль в урегулировании сирийского кризиса. С 2017 г. Иордания на постоянной основе участвует во встречах в Астане в качестве наблюдателя, а в конце января 2018 г. направила своего представителя на состоявшийся в Сочи Конгресс сирийского национального диалога.

Не раз Иордания предоставляла площадку для переговоров по сирийской проблематике для мировых держав и сама активно участвовала в них. В 2017 г. в Аммане проводились консультации в формате Россия – США – Иордания, результатом которых стало подписание 7 июля меморандума по созданию юго-западной зоны деэскалации, которая включила три южных провинции страны: Дераа, Аль-Кунейтру и Сувейду. В развитие этого документа 8 ноября 2017 г. в этом же формате был подписан меморандум о принципах деэскалации на юге Сирии. Иордания учитывала при этом как позицию Саудовской Аравии, находящейся в острой конфронтации с Ираном [26], так и озабоченность Израиля, с которым ее связывает мирный договор от 1994 г. В результате амманских переговоров 23 августа 2017 г. в столице Иордании был создан трехсторонний центр мониторинга, который следит за соблюдением прекращения огня в зоне деэскалации и реагирует на его нарушения. По оценке посла России в Иордании Б.Ф. Болотина, ситуация на юго-западе Сирии заметно улучшилась и в целом стабилизировалась благодаря созданию этой зоны деэскалации [25].

В феврале 2018 г. накануне рабочего визита в Москву король Абдалла II в своем заявлении высоко оценил совместные усилия России и Иордании в Сирии по стабилизации обстановки на юге этой страны. Он также назвал важным продвижение процесса политического урегулирования в Сирии, особенно то, что касается разработки новой конституции и подготовки к проведению выборов. Монарх заявил, что «вместе с Россией мы многого достигли за прошедшие 12 месяцев и теперь с нетерпением ждем возможности решительно двигаться дальше и добиваться положительных результатов в течение предстоящего года» [27].

На международной арене Иордания исходит прежде всего из понимания невозможности решения сирийского кризиса военным путем. Несмотря на неоднозначное и меняющееся отношение к сирийскому руководству, на протяжении всего времени с начала волнений в САР Иордания выступает за политическое урегулирование конфликта. Королевство поддержало принятую в декабре 2015 г. резолюцию Совета Безопасности ООН № 2254, подчеркивающую безальтернативность политического урегулирования, уважение суверенитета, территориальной целостности Сирии и предоставление самим сирийцам возможность определять судьбу своей страны [28]. В апреле 2018 г. в своей речи на саммите ЛАГ король Абдалла II заявил, что Иордания и впредь будет поддерживать все инициативы по продвижению сирийского политического процесса и снижению эскалации: переговоры в Астане, Вене и Сочи, которые только подкрепляют женевский процесс, никак не заменяя его [29].

В то же время иорданские власти вынуждены при выстраивании сирийского вектора своего внешнеполитического курса учитывать и точку зрения своих традиционных союзников. В том, что касается толкования резолюции СБ ООН № 2254, Иордания склоняется к позиции своих западных союзников. В начале января 2018 г. она в составе «группы пяти»¹ участвовала в Вашингтонской встрече по обсуждению путей выполнения этой резолюции. По мнению сирийского правительства, руководства стран – гарантов астанинского процесса², а также некоторых представителей внутренней сирийской оппозиции, принятый по итогам этой встречи без участия сирийского правительства и оппозиции документ противоречит резолюции 2254 СБ ООН [30].

Тем не менее в условиях опасного обострения ситуации вокруг Сирии в связи с обвинениями в якобы проведенной 8 апреля сирийскими правительственными силами химической атаке в г. Думе к востоку от Дамаска и заявлениями американского президента Д. Трампа о намерении нанести удары по сирийским целям, королевство в лице госминистра по делам СМИ М. Момани не пошло по пути обвинения Дамаска и, осудив в принципе применение химического оружия, призвало Организацию по запрещению химического оружия провести всестороннее расследование [31]. После нанесения США, Великобританией и Францией в ночь на 14 апреля удара по Сирии в ответ на якобы совершенную правительственными войсками химическую атаку в Думе, в телефонном разговоре с премьер-министром Великобритании Т. Мей король Абдалла II еще раз подчеркнул, что единственным выходом из кризиса является политическое решение, которое должно сохранить территориальную целостность Сирии и безопасность ее населения [32].

Тяжелая экономическая ситуация, осложненная пребыванием сотен тысяч беженцев на иорданской территории, опасения проникновения боевиков через сирийско-иорданскую границу, активизация местных радикальных элементов и радикализация местного населения – все эти факторы заставляют королевство с особенной тщательностью подходить к вопросу урегулирования сирийского кризиса.

Руководство страны старается проводить независимую внешнеполитическую линию, диверсифицировать свои внешнеполитические связи, сохраняя при этом хорошие отношения со своими традиционными партнерами и финансовыми донорами. Сегодня руководству королевства удается наращивать политическое и экономическое сотрудничество со

¹ Во встрече участвовали США, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия и Иордания.

² Россия, Иран и Турция.

всеми странами региона и участниками мирных переговоров, несмотря на имеющиеся различия в подходах к сирийской ситуации.

В целом внешняя политика Аммана на сирийском направлении остается направленной на стабилизацию положения в регионе через политическое урегулирование кризиса. Это продиктовано в первую очередь долгосрочными интересами безопасности королевства, его географическим положением, внутренней социально-политической и экономической ситуацией.

Источники и литература

1. *Кудряшова И.* Легко ли быть средневеликим... // Международные процессы. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/010.htm> – Дата обращения: 14 апр. 2018.
2. *Ghazal M.* Jordan hosts 657,000 registered Syrian refugees // The Jordan Times. 21.03.2017. – Режим доступа: <http://www.jordantimes.com/news/local/jordan-hosts-657000-registered-syrian-refugees> – Дата обращения: 14 фев. 2018.
3. *Вартанян А.М.* Иордания: сирийские беженцы как долгосрочный фактор социально-экономического развития // Институт Ближнего Востока. 26.09.2017. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=37970> – Дата обращения: 15 фев. 2018.
4. Jordan Unemployment Rate // Trading Economics. 31.03.2018. – Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/jordan/unemployment-rate?poll=2018-03-31> – Дата обращения: 20 мая 2018.
5. UNHCR Jordan Operation Factsheet September 2017 // Refugees Operational Data Portal by UNHCR. 18.09.2017. – Режим доступа: <http://data.unhcr.org/syrianrefugees/download.php?id=14269> – Дата обращения: 14 фев. 2018.
6. *Sarrado O., Dunmore C.* New deal on work permits helps Syrian refugees in Jordan // UNHCR News. 13.10.2017. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/news/latest/2017/10/59df254b4/new-deal-work-permits-helps-syrian-refugees-jordan.html> – Дата обращения: 13 фев. 2018.
7. ИГИЛ: формула современного террора: Монография / Под. ред. канд. филол. наук А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2017. 292 с.
8. *Hashem M.* Jordan's Za'atari camp goes green with new solar plant // UNHCR News. 14.11.2017. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/news/latest/2017/11/5a0ab9854/jordans-zaatari-camp-green-new-solar-plant.html> – Дата обращения: 27 фев. 2018.
9. *Ходынская-Голенищева М.С.* Проблема лагеря внутренне перемещенных лиц Рукбан (Сирия) и геополитика сирийского кризиса // Институт Ближнего Востока. 01.11.2017. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=38830> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
10. *Suleiman Al-Khalidi.* Three Jordanian intelligence officers killed in attack in Palestinian camp // Reuters. 06.06.2016. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-jordan-security-attacks/three-jordanian-intelligence-officers-killed-in-attack-in-palestinian-camp-idUSKCN0YS0RF> – Дата обращения: 15 фев. 2018.

11. *Иванов С.Е.* «Исламское государство» против ислама. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1454> – Дата обращения: 28 мар. 2018.
12. New U.S.-Jordan Memorandum of Understanding on Bilateral Foreign Assistance to Jordan // U.S. State Department. 14.02.2018. – Режим доступа: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/02/278318.htm> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
13. *Ласкарис Ф.И.* Об американской финансовой помощи Иордании // Институт Ближнего Востока. 20.03.2018. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=42761> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
14. *Кузнецов А.А.* К обострению внутривосточных и социально-экономических проблем в Иордании // Институт Ближнего Востока. 20.03.2018. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=31285> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
15. Joint \$3b fund to serve two kingdoms – Saudi official // The Jordan Times. 28.03.2018. – Режим доступа: <http://jordantimes.com/news/local/joint-3b-fund-serve-two-kingdoms-%E2%80%94-saudi-official> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
16. Jordan Response Plan to be launched Thursday – Planning Ministry // The Jordan Times. 30.01.2018. – Режим доступа: <http://www.jordantimes.com/news/local/jordan-response-plan-be-launched-thursday-%E2%80%94-planning-ministry> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
17. Jordan // European Commission. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/jordan_en – Дата обращения: 12 апр. 2018.
18. Олег Сыромолотов: террористам нет места в переговорах по урегулированию сирийского кризиса // ТАСС. 31.12.2015. – Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/2567805> – Дата обращения: 16 нояб. 2016.
19. *Ходынская-Голенищева М.С.* «На правильной стороне истории»: Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 384 с.
20. *Sanders P., Maayeh S.* Syrian rebels get arms and advice through secret command centre in Amman // The National. 28.12.2013. – Режим доступа: <https://www.thenational.ae/world/syrian-rebels-get-arms-and-advice-through-secret-command-centre-in-amman-1.455590> – Дата обращения: 10 марта 2018.
21. *Macaron J.* Jordan, Israel hedge their bets in southwest Syria // Al-Monitor. 22.03.2018. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/03/us-cedes-southwest-syria-jordan-israel-hedge-bets.html> – Дата обращения: 22 мая 2018.
22. King Abdullah: Compromise with Russia on Crimea to get its help in Syria // The Washington Post. 06.04.2017. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/king-abdullah-compromise-with-russia-on-crimea-to-get-its-help-in-syria/2017/04/06/b985b894-1a61-11e7-bcc2-7d1a0973e7b2_story.html?noredirect=on&utm_term=.ba993d470b7d – Дата обращения: 11 апр. 2018.
23. *Щегловин Ю.Б.* О трансформации позиции Иордании по сирийскому конфликту // Институт Ближнего Востока. 20.09.2017. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=37848> – Дата обращения: 14 фев. 2018.
24. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с заместителем премьер-министра, министром иностранных дел Иордании

- Н. Джодой. Москва. 2016. 9 июня. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2306678 – Дата обращения: 13 фев. 2018.
25. Интервью посла России в Иордании Б.Ф. Болотина международному информационному агентству «Россия сегодня». 2018. 8 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/jo/-/asset_publisher/bjowS9H8QFlj/content/id/3065002 – Дата обращения: 9 фев. 2018.
26. *Иванов С.Е.* Ближний Восток и суннитско-шиитские противоречия. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1418> – Дата обращения: 28 марта 2018.
27. Король Иордании: наши отношения с Россией основаны на взаимном доверии // ТАСС. 13.02.2018. – Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/4954635> – Дата обращения: 15 янв. 2018.
28. Jordan, Russia say 'no military solution in Syria' // Petra. – Режим доступа: http://www.petra.gov.jo/public_news/Nws_NewsDetails.aspx?Menu_ID=&Site_Id=2&lang=2&NewsID=299832&CatID=13 – Дата обращения: 19 фев. 2018.
29. King delivers Jordan's speech at the 29th Arab summit, leads delegation // Petra. 15.04.2018. – Режим доступа: http://www.petra.gov.jo/Public_News/Nws_NewsDetails.aspx?site_id=1&lang=2&NewsID=349186&Type=A&CatID=-1&Search=syria&DateFrom=10/4/2018&DateTo=15/4/2018 – Дата обращения: 15 апр. 2018.
30. Сирийский оппозиционер заявил, что план «группы пяти» направлен на подрыв конгресса в Сочи // ТАСС. 27.01.2018. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4907443> – Дата обращения: 18 марта 2018.
31. Jordan condemns alleged chemical attack on Ghouta // The Jordan Times. 09.04.2018. – Режим доступа: <http://www.jordantimes.com/news/local/jordan-condemns-alleged-chemical-attack-ghouta> – Дата обращения: 11 апр. 2018.
32. King, May discuss Syria over phone // The Jordan Times. 15.04.2018. – Режим доступа: <http://www.jordantimes.com/news/local/king-may-discuss-syria-over-phone> – Дата обращения: 15 апр. 2018.

**Препятствия на пути экспорта
российских энергоносителей:
конкуренция или соперничество**

**Hurdles hampering Russia's oil and natural gas exports:
competition or rivalry**

Ю.В. Боровский

Боровский Юрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университет) МИД России.

Аннотация: в статье анализируются вызовы международного характера, с которыми сталкивается Россия при экспорте нефти и газа. Через призму экономической конкуренции и политического соперничества, а также со ссылкой на историю международных отношений исследуются проблема гарантированного и прибыльного экспорта российских углеводородов после 1991 г., а также препятствия, чинимые различными международными игроками при реализации нефтегазоэкспортных проектов с российским участием, включая газопровод «Северный поток-2». Особое внимание уделено обвалу мировых цен на нефть, начавшемуся в середине 2014 г.

Ключевые слова: Россия, нефть, газ, экспорт, энергетика, «Северный поток», США, Трамп, Европейский союз, Саудовская Аравия, конкуренция, соперничество, волатильность.

Abstract: the article examines the international challenges facing Russia's oil and gas exports. Through the prism of economic competition and political rivalry, as well as with reference to the history of international relations, the author studies the problem of guaranteed and profitable export of Russian hydrocarbons after 1991, as well as obstacles posed by various international players wishing to impede the implementation of oil and gas export projects with the Russian participation, including gas-pipe «Nord stream 2». Particular attention is paid to the collapse of world oil prices, which began in mid-2014.

Key words: Russia, oil, gas, exports, energy, «Nord stream 2», USA, Trump, European Union, Saudi Arabia, competition, rivalry, volatility.

Введение

После распада СССР Россия столкнулась с целым рядом препятствий, затрудняющих реализацию ее экспортного потенциала в нефтегазовой сфере. К таким препятствиям прежде всего следует отнести чрезмерно волатильные и порой крайне низкие мировые цены на нефть, а также попытки различных международных игроков осложнить сбыт российских углеводородов на европейском рынке через срыв строительства экспортных магистралей и использование правовых инструментов. В связи с этим встает важный исследовательский (да и практический) вопрос: идет ли здесь речь сугубо об экономической конкуренции или можно также говорить о политическом соперничестве.

Сложности с экспортом российской нефти

Советский Союз столкнулся с проблемой гарантированного и прибыльного экспорта нефти лишь в 1980-х гг., когда после очередного мирового нефтяного кризиса 1979–1981 гг. в мире стал наблюдаться избыток предложения нефти. Во второй половине 1980-х гг. ситуация стала критической, поскольку Саудовская Аравия и другие арабские члены ОПЕК буквально наводнили рынок своей нефтью, что привело к настоящему обрушению мировых цен на черное золото. В итоге в последние годы своего существования СССР боролся за покупателей, предлагая им скидки и прочие преференции. Действуя таким образом, Советский Союз получал минимальную валютную выручку, а нередко торговал себе в убыток. Подобная конъюнктура цен на мировых рынках нефти не только смягчила позицию Москвы на переговорах с Вашингтоном, но и стала одной из причин последующего экономического и политического коллапса СССР [13].

Обвал мировых цен на нефть, спровоцированный Саудовской Аравией в середине 1980-х гг., что даже признается авторитетным американским ученым Д. Ергиним [4: 566–571], исследуется не только сквозь призму конкурентной борьбы между членами картеля и иными участниками нефтяного рынка, включая СССР. Некоторые специалисты склонны объяснить это обрушение «совместной политической акцией» Вашингтона и Эр-Рияда, направленной против Москвы. Высказываются предположения, что за счет крайне низких цен на нефть США рассчитывали не только ослабить советские внешнеполитические позиции, но и осложнить ситуацию внутри самого СССР [5: 182–212]. Бесспорно, без доступа к конфиденциальным документам прийти к однозначной интерпретации падения нефтяных цен в обозначенный период нельзя. Однако, опираясь на реалистическую концепцию международных отношений [2: 86–98], вполне

можно допустить, что против Советского Союза тогда было впервые применено энергетическое оружие.

В 1990-х гг. ситуация на мировых рынках нефти в корне не отличалась от той, что наблюдалась во второй половине 1980-х гг.: цены оставались на относительно низком уровне, а у потребителей всегда был выбор поставщиков, с которыми можно было торговаться. В это время Россия, переживавшая глубокий экономический спад и обвальное падение нефтедобычи, пыталась во что бы то ни стало удержаться на экспортных рынках СССР, на которые стали претендовать ее конкуренты из стран Ближнего Востока, Африки и даже постсоветского пространства. Подобное положение дел наверняка устраивало политических соперников РФ.

Тем не менее в 2000-х гг. Россия – при новом политическом руководстве, возникшем мировом дефиците и подорожании нефти – существенно нарастила добычу углеводородов и превратилась в энергетическую сверхдержаву с несравненно большими (чем в 1990-х гг.) финансовыми и, как следствие, внешнеполитическими и военными ресурсами. Исходя из реалистической парадигмы, можно допустить, что страны Запада во главе с США вряд ли приветствовали новый статус России. Однако в ситуации, когда в 2000-х гг. импорт покрывал до 67% потребностей американцев в нефти (в ЕС аналогичный показатель достигал 85%) [12; 20], Вашингтон, вероятно, не был заинтересован в торпедировании нефтяной промышленности России, вносящей ключевой вклад в поддержание стабильности на мировых рынках нефти. В первое десятилетие XXI столетия США даже несколько нарастили импорт российской нефти, а в 2002–2003 гг. были близки к тому, чтобы договориться с Россией о крупномасштабных поставках ее нефти на американский рынок, включая создание необходимой для этого транспортной инфраструктуры (прежде всего, строительство нефтепровода Западная Сибирь – Мурманск). Все это явно контрастировало с традиционным, во многом политизированным американским подходом к российскому (в прошлом советскому) ТЭК.

Анализ статистических данных дает основания считать, что сланцевая революция создала условия для кардинального изменения политики США. Действительно, в период с 2008 по 2017 г. американская нефтедобыча выросла на 87%, а доля импортной нефти в национальном потреблении упала до трети [20]. В таких обстоятельствах Вашингтон, видимо, не только утратил заинтересованность в стабильной, поступательной работе российской нефтяной промышленности, но и стал воспринимать ее в качестве конкурента для компаний, ведущих добычу нефти на американской территории и желающих выйти на экспортные рынки Европы и мира в целом. Более того, относительно низкая зависимость США от импортной нефти позволила им начать проводить более агрессивную политику в

отношении стран-политических соперников, экспортирующих значительные объемы нефти. Бесспорно, к таким странам можно отнести и Россию.

В середине 2014 г. мир столкнулся с очередным резким падением мировых цен на нефть, вызванным переизбытком предложения. Произошло это главным образом из-за непредвиденного роста добычи в ряде стран, прежде всего в США. В таких условиях все экспортеры, включая Россию, были вынуждены устремиться в погоню за покупателями, в том числе на новых для себя рынках. Например, в октябре 2015 г. к удивлению многих экспертов Саудовская Аравия, испытывающая наряду с другими производителями черного золота трудности с реализацией сырья, начала поставлять нефть в Польшу, на рынке которой в силу географической близости и созданной инфраструктуры традиционно доминируют российские компании. Комментируя это событие, наверняка встревожившее руководство РФ, министр энергетики А.В. Новак отметил: «У нас нефтяные рынки глобальные. Каждая страна имеет право продавать, куда она считает нужным. Это – конкуренция, сейчас идет жесточайшая конкуренция». По мнению российского министра, Саудовская Аравия реализовывала свою собственную стратегию, и все должны были быть к этому готовы, включая Россию [7]. Тем не менее, исходя из фактора экономической целесообразности, в поставках саудовской нефти на польский рынок можно усмотреть определенную политическую составляющую, а именно желание Эр-Рияда или Варшавы сократить поступления в российский бюджет от экспорта нефти.

Спустя несколько месяцев американский журнал Business Insider сообщил мировой общественности весьма значимую новость. Оказалось, что в апреле 2016 г. Россия приобрела статус крупнейшего поставщика нефти в Китай, лишив этого звания Саудовскую Аравию. По мнению аналитика RBC Capital Markets Майкла Трэна (Michael Tran), данное событие стало большим разочарованием для Эр-Рияда, прекрасно сознающего тот факт, что Китай является рынком с наибольшим объемом спроса на нефть, в том числе в перспективе [19]. И это случилось несмотря на то, что в острой борьбе за китайских потребителей Саудовская Аравия предлагала немалые скидки клиентам Поднебесной. По итогам всего 2016 г. Россия сохранила статус крупнейшего экспортера нефти в КНР, чего никогда не было ранее.

Как видно на примере польского и китайского рынков, в условиях избыточного предложения и низких цен, наблюдаемых с лета 2014 г., Россия и Саудовская Аравия оказались главными конкурентами в борьбе за рынки сбыта. Бесспорно, в эту борьбу были вовлечены производители других стран, которые также не желали сокращать объемы продаж и, следовательно, валютную выручку. Однако важно отметить, что обвал нефтя-

ных котировок, начавшийся в середине 2014 г. из-за избыточного предложения, породил более широкие дискуссии о природе этого явления.

Первая группа исследователей предложила смотреть на него сугубо в экономической плоскости: анализировать динамику спроса и предложения; экономические и энергетические циклы; стратегические и тактические действия ведущих производителей нефти [10]. Вторая группа пришла к выводу, что в 2014 г. арабские страны ОПЕК во главе с Саудовской Аравией решили прибегнуть к ценовой войне для нанесения удара по быстрорастущей сланцевой индустрии США [11]. Однако были также эксперты, увидевшие в тех же драматических событиях четкую политическую подоплеку. Проводя аналогию со второй половиной 1980-х гг., они усмотрели в действиях США, Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива, сыгравших определяющую роль в образовании избыточного предложения, завуалированную попытку причинить экономический ущерб России и тем самым сократить не только ее экспортные, но и геополитические возможности, прежде всего в Европе и на Ближнем Востоке [1]. Тот факт, что в ноябре – декабре 2016 г. государства ОПЕК пошли на заключение сделки «ОПЕК+» с российским участием, может свидетельствовать о том, что предполагаемый ценовой блицкриг против России не удался, а долговременная конъюнктура низких цен на нефть в конечном итоге стала невыгодна Саудовской Аравии и другим арабским экспортерам нефти. Последняя точка зрения в полной мере укладывается в реалистическую концепцию международных отношений [2: 86–98], но в отсутствие недвусмысленных документальных подтверждений пока остается на уровне гипотезы.

В 2014–2015 гг. в ответ на украинские события страны Запада ввели санкции в отношении отдельных отраслей российской экономики, включая энергетику. В результате ведущие энергетические компании России лишились доступа к долгосрочному финансированию в западных банках, а на торговлю их ценными бумагами были наложены ограничения. Кроме того, был введен запрет на экспорт в Россию оборудования, технологий и услуг, связанных с добычей углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе и в сланцевых породах.

Важно подчеркнуть, что попытки воздействовать на другие страны путем целенаправленного ухудшения их экономического и политического положения – явление не новое. Инструмент экономических санкций регулярно применяется со второй половины XX в. в тех случаях, когда издержки прямого конфликта слишком велики. В случае с украинским кризисом речь идет о намерении стран Запада избежать столкновения с армией России, но при этом нанести сильный удар по перспективам развития ключевого сектора российской экономики [8: 143–155]. Немаловажно

отметить, что с 2014 г. усилия стран Запада по причинению ущерба нефтегазовой отрасли приобрели открытый, недвусмысленный характер, что позволяет сделать определенные выводы. Более того, они могут преследовать не только политические (прежде всего, снижение активности России на востоке Украины), но и экономические цели. Как уже было отмечено, в силу сланцевой революции американские нефтегазодобывающие компании стали конкурировать с российскими и, наверное, не прочь увеличить свою долю на мировом рынке в перспективе.

Таким образом, в постбиполярный период международных отношений (как и ранее в годы холодной войны) экспорт российской нефти может рассматриваться в контексте не только экономической конкуренции, но и политического соперничества, главным образом по линии РФ – США/союзники. Аналогичные выводы могут быть сделаны и применительно к экспорту российского природного газа, о чем будет сказано далее.

Помехи экспорту российского газа

В апреле 2016 г. произошло по-настоящему знаковое событие. Первый танкер с американским сжиженным природным газом (СПГ) прибыл в Европу, достигнув берегов Португалии. Это открыло новый этап конкурентной борьбы за европейский газовый рынок. Ранее в роли основных поставщиков голубого топлива в Европу выступали производители России, Норвегии, Катара, Алжира, Туниса, Нигерии и Ливии. С 2016 г. к ним присоединились американские корпорации.

Согласно экспертным оценкам, усилия США по выходу на газовый рынок Европы (включая неудавшуюся попытку масштабного экспорта американских технологий, оборудования и услуг для добычи сланцевого газа непосредственно в европейских странах) преследуют сразу несколько целей. С одной стороны, они направлены на решение сугубо американских экономических проблем: повышение рентабельности местных газодобывающих компаний, нередко страдающих от низких газовых цен на внутреннем рынке; улучшение резко отрицательного торгового баланса страны; создание новых рабочих мест на рынке США и др. С другой стороны, они нацелены на снижение зависимости Европы от российского газа, а также сокращение валютных поступлений РФ от продажи газа на европейском рынке [14].

В августе 2017 г. президент США Д. Трамп подписал закон о противодействии агрессии Ирана, РФ и Северной Кореи, одобренный подавляющим большинством голосов в обеих палатах Конгресса США. Помимо прочего, этот закон ввел санкции в отношении любых лиц, инвестировавших существенные средства в строительство российских экспортных

нефте- и газопроводов или предоставивших материалы, информацию и услуги для их сооружения. Также в законе прямым текстом сказано, что Соединенные Штаты Америки и впредь будут «препятствовать сооружению газопровода “Северный поток-2”, учитывая его вредоносное влияние на энергетическую безопасность ЕС, развитие газового рынка Центральной и Восточной Европы, энергетические реформы на Украине». Отдельно говорилось о том, что «правительство США должно считать своим приоритетом продвижение экспорта американских энергетических ресурсов в целях создания рабочих мест на рынке США, помощи союзникам и партнерам США, усиления внешней политики США» [16].

Неудивительно, что данный закон, в котором неприкрыто срослись внешнеполитические, экономические и энергетические интересы США, вызвал шквал критики не только в России, но и странах Европейского союза. В частности, президент РФ В.В. Путин расценил его как «попытку США использовать геополитические преимущества в конкурентной борьбе с целью обеспечить свои национальные экономические интересы» [6]. Министр иностранных дел Германии З. Габриэль и премьер-министр Австрии К. Керн в совместном заявлении отметили, что США смешивают политические санкции против России из-за украинского конфликта с собственными экономическими интересами, в частности, пытаются выдавить российский газ с европейского рынка и заменить его американским СПГ [3].

В связи со сказанным возникает важный исследовательский вопрос: что в большей мере движет США в энергетической сфере – экономические или политические интересы. Фактологический анализ не оставляет сомнений в том, что инициированные Россией проекты «Северный поток-1», «Северный поток-2», «Южный поток» и «Турецкий поток» столкнулись с жестким противодействием со стороны Вашингтона, который привлек на свою сторону некоторые страны ЕС (Польшу, страны Балтии, Болгарию и др.) и даже в определенной степени Европейскую комиссию. Отдельная роль была отведена Украине, которая при поддержке США стала требовать блокировки указанных проектов и сохранения ее ключевого газотранзитного статуса. В период холодной войны США активно препятствовали сооружению газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород», призванного установить тесные энергетические связи между СССР и Западной Европой [18]. Определить первопричину данной американской политики представляется проблематичным. Можно лишь допустить, что до второй половины 2000-х гг. США, не имевшие возможностей для экспорта собственных углеводородов, были движимы в большей мере политическими мотивами или идеей непрекращающегося соперничества с СССР и его преемницей Россией. Однако впоследствии подобные их действия также были увязаны с экономическим интересом. Сланцевая революция, масштабный эффект которой стал очевиден к концу 2000-х гг.,

превратил американские газодобывающие компании в конкурентов российских, прежде всего в Европе.

Если же говорить об обозначенных союзниках США в деле осложнения российского газового экспорта, они могут преследовать как экономические (например, желание сохранить доходы от транзита российского газа или льготные на него цены), так и политические цели, в значительной степени привнесенные Вашингтоном. Речь, в частности, может идти о недопущении политического сближения России и Германии; поддержке Украины, которая в случае потери доходов от транзита российского газа, может столкнуться с экономическим коллапсом и попасть под влияние РФ [9].

Отдельного рассмотрения заслуживает энергетическая политика ЕС. Как отмечает британский исследователь Р. Кандиоти, энергетическая политика ЕС в отношении России, включая механизм санкций, продиктована желанием ограничить импорт российского газа и таким образом снизить политические риски [17]. Действительно, в 2009 г. Европейский парламент и Европейский совет утвердили нормы Третьего энергетического пакета (ТЭП), направленные на дальнейшую либерализацию газового и электрического рынков ЕС. Если не вдаваться во все детали и нюансы, нормы ТЭП лишили «Газпром» (как производителя сырья) права владеть газопроводами на территории ЕС и, как следствие, напрямую поставлять российское голубое топливо конечным европейским потребителям. Согласно нововведениям, российский газ должен передаваться независимым газотранспортным компаниям и к тому же не может на сто процентов заполнять трубопроводы, функционирующие на территории ЕС. Более того, газовая директива ТЭП, формально не запретившая долгосрочные контракты, спровоцировала их частичную эрозию. «Газпрому» было предписано перенести продажу газа с границ стран-импортеров на виртуальные торговые площадки (хабы), что нарушило многолетнюю практику.

Европейская комиссия была наделена правом делать исключения из правил, например для новых газовых магистралей. Однако пользоваться им Брюссель стал на собственное усмотрение, руководствуясь самыми разными доводами, в том числе политическими. В итоге с помощью норм ТЭП был фактически заблокирован проект «Южный поток», а функционирование газопровода «Северный поток-1» серьезно затруднено. Кроме того, в 2017 г. Европейская комиссия стала работать над законодательными актами, которые позволили бы ей распространить действие ТЭП на газопровод «Северный поток-2».

В схожем ключе можно говорить об Энергетическом союзе, над созданием которого работает Еврокомиссия под председательством Жан-Клода Юнкера. Одна из обсуждаемых инициатив – коллективная закупка российского газа на внешней границе ЕС. В случае претворения этой иници-

циативы в жизнь система долгосрочных контрактов, связывающая Россию и ее европейских партнеров на протяжении десятилетий, прекратит свое существование, а сам «Газпром» будет вытеснен на периферию рынка.

Бесспорно, новые правовые механизмы ЕС в определенной степени способствуют либерализации европейского газового рынка, а также повышают его транспарентность. Однако одновременно они дискриминируют «Газпром» и создают преференции для местного газового бизнеса. Подобная политика Европейской комиссии и в целом Европейского союза мотивирована конкурентными соображениями, однако отрицать факт политического соперничества также не стоит. На протяжении многих лет на Западе усиленно насаждается образ «Газпрома» как геополитического инструмента России [15], и попытки всячески ограничить его деятельность в Европе выглядят вполне естественными.

Заключение

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что экспорт российских (как в прошлом и советских) углеводородов сопряжен с определенным кругом вызовов. Одна их часть, безусловно, связана с экономической конкуренцией: производителям нефти и газа из России и других стран приходится буквально бороться за потребителей, особенно в периоды избыточного предложения. Однако углеводороды, генерирующие миллиарды долларов доходов и устанавливающие стратегическую взаимозависимость между импортерами и экспортерами, являются одновременно важнейшим геополитическим ресурсом. Опыт энергетического сотрудничества России и Европейского союза является тому наглядным подтверждением. В этом смысле страны, считающие РФ своим политическим соперником, вполне могут создавать препятствия для экспорта российских углеводородов и тем самым пытаться ограничивать мощь российского государства в логике «игры с нулевой суммой». При определенной доле условности подобные усилия могут быть ассоциированы с США и солидаризирующимися с ними государствами.

Источники и литература

1. Аналитики назвали падение цен на нефть сговором против России. – Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/52405> – Дата обращения: 10 янв. 2018.
2. Боровский Ю.В., Трачук К.В. Исследования энергетики в теории международных отношений // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4(43). С. 86–98.
3. Германия и Австрия раскритиковали новые санкции США против России. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170615/1496581255.html> – Дата обращения: 20 марта 2018.

4. *Ергин Д.* Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть: Пер. с англ. М.: ДеНово, 1999. 936 с.
5. *Лоран Э.* Нефть. Ложь, тайны, махинации: Пер. с фр. М.: Столица-Принт, 2008. 433 с.
6. Путин назвал санкции США попыткой использовать геополитические преимущества. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170727/1499288535.html> – Дата обращения: 20 марта 2018.
7. Россия увидела вызов в выходе саудовской нефти на рынок Польши. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/14/10/2015/561e30179a794738c0e8027a> – Дата обращения: 20 марта 2018.
8. *Сидорова Е.А.* Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1(44). С. 143–155.
9. *Стариков А.* «Северный поток-2»: Дилеммность европейских энергетических интересов // Науковедение. 2017. Т. 9. № 6. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/132EVN617.pdf> – Дата обращения: 22 марта 2018.
10. *Aguilera R.F., Radetzki M.* The Price of Oil. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 252 p.
11. *Bershidsky L.* Saudis Are Winning the War on Shale. – Режим доступа: <http://www.bloombergvew.com/articles/2015-09-11/saudis-are-winning-the-war-on-shale> – Дата обращения: 22 марта 2018.
12. BP Statistical Review of World Energy 2017. – Режим доступа: www.bp.com – Дата обращения: 20 марта 2018.
13. *Gaidar Y.* The Soviet Collapse: Grain and Oil // American Research Institute For Public Policy Research. 2007. April. P. 1–8. – Режим доступа: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2011/10/20070419_Gaidar.pdf – Дата обращения: 22 марта 2018.
14. *Grigas A.* The New Geopolitics of Natural Gas. Cambridge: Harvard University Press, 2017. 416 p.
15. *Haines J.R.* Where the Lions Are – Gazprom’s «Energetic Pliers» and Aspirations of a Eurasian Archipelago // The Philadelphia Papers (Foreign Policy Research Institute). 2015. No. 11. 75 p.
16. Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act, Signed into law by President Donald Trump on August 2, 2017. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf>; <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-donald-j-trump-signing-countering-americas-adversaries-sanctions-act> – Дата обращения: 20 марта 2018 г.
17. *Kandiyoti R.* Powering Europe: Russia, Ukraine, and the Energy Squeeze. London: Palgrave Pivot, 2015. 156 p.
18. *Perović J.* Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas. London: Palgrave Macmillan, 2017. 425 p.
19. Setting Record: Russia Outperforms Saudi Arabia in Chinese Oil Market. – Режим доступа: <https://sputniknews.com/business/201605301040469150-russia-china-oil-market/> – Дата обращения: 20 марта 2018.
20. U.S. Energy Information Administration. – Режим доступа: <https://www.eia.gov/> – Дата обращения: 22 марта 2018.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Русские и финно-угорские народы России

Russian and Finno-Ugric peoples of Russia

А.Д. Шутов

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы взаимоотношений русских (славян) с другими народами, проживающими на территории Российского государства, в частности с финно-уграми; отмечается важность укрепления единства и сплоченности всех наций и народностей для гарантированной безопасности страны.

Ключевые слова: ассимиляция, финно-угры, идентичность, историческая преемственность, национальный характер.

Abstract: the article deals with the problems of relations between Russians (Slavs) and other peoples living in the territory of the Russian state, in particular, with the Finno-Ugric; it is noted the importance of strengthening the unity and cohesion of all Nations and nationalities for the guaranteed security of the country.

Key words: assimilation, Finno-Ugric, identity, historical continuity, national character.

Российская история, начиная с древних времен, убедительно доказала, что все победы и достижения в становлении и развитии Российского государства, в его превращении в могучую державу связаны с особым характером русского народа и его предков-славян, которые были едины в своих помыслах, сами решали свою судьбу; во главе их стояли предан-

ные земле русской патриоты, сумевшие объединить разные племена и народы в совместной борьбе за общие интересы. Славяне с незапамятных времен занимали обширные пространства своего расселения и уже с XV в. до н.э. проживали на территории будущего русского государства. Видный отечественный ученый А. Соболевский отмечал, что славяне-великорусы не пришли откуда-то в Среднюю Россию, а являются потомками «ископи, с каменного века населявшего ее народа».

Однако границы их проживания были гораздо шире, распространялись и на Центральную Европу: именно ее правомерно считать прародиной славян. Об этом повествует ряд историков, в частности известный исследователь А.Г. Кузьмин. В V в. н.э. славяне заселяли значительную часть территории Гуннской державы Аттилы, а после ее распада вышли на историческую арену в качестве активной самостоятельной силы. В VI–VII вв. ими были заселены и освоены территории Балкан, Приднепровья, Прибалтики, Средиземного моря, значительно увеличивалась их численность за счет ассимиляции местного населения [1; 2; 3].

Куда бы ни приходили славяне, они почти всюду воспринимались не как традиционные завоеватели, а чаще всего как переселенцы, трудолюбивые крестьяне-земледельцы, которые пришли не грабить, а трудиться; они делились с местными жителями своим земледельческим опытом, что еще теснее сближало их. Поэтому ассимиляция проходила спокойно, как бы сама собой, по внутренней благорасположенности самих ассимилируемых. К тому же быт, обычаи славян, культура, говоря современным языком, были более цивилизованными и перспективными, чем у аборигенов. В основе жизненных принципов славян лежали не индивидуализм и страсть к наживе, а общинность, правда и совесть; аборигены постепенно добровольно растворялись в русской этнической массе. В Прибалтике славяне ассимилировали венетов и северных иллирийцев, в результате были сформированы племена балтийских славян, которых древние авторы называли венетами или венетами, а Балтийское море – Венедским заливом. На Балканах ассоциировали фракийцев, вследствие чего сложилась особая ветвь южных славян – этническая основа современных сербов, черногорцев, хорватов, словенцев и др.

Одной из наиболее крупных этнических групп восточных славян были кривичи, занимавшие огромные территории от Верхнего Понеманья до Костромского Поволжья, от Псковского озера до верховьев Сожа и Десны, от Нарвы до Березины. Вместе с ильменскими славянами кривичи составляли мощный массив северо-западных, северных и северо-восточных славян Восточной Европы.

Обладая уникальным свойством располагать к себе другие народы, славяне на особый манер, без традиционного насилия и принуждения

ассоциировали местное население. Ассимиляция славянами балтских, финно-угорских, иранских и других племен сыграла важную этнополитическую роль в истории нашей страны, привела к формированию древнерусской народности – коренного населения Древнерусского государства [1: 67].

Для нас наибольший интерес в этом историческом процессе представляет взаимосближение с теми народностями, которые на протяжении длительного времени были особенно тесно связаны с Русью и внесли немалый вклад в ее развитие. Это означает, что речь должна идти прежде всего о финно-угорских племенах, предки которых жили на территории от Восточной Европы и Балтийского моря до Урала, Западной Сибири и побережья Северного Ледовитого океана. Современные финно-угры – один из древнейших этносов на европейском континенте. Правда, к настоящему времени они сильно обрусели и стали совсем другим народом по сравнению со своими предками.

Сближение и взаимослияние славянских и финно-угорских народов – не воля случая, а объективный исторический процесс, охватывающий продолжительный период, особенно сильно проявившийся в IX–XII вв. На территорию будущей Московии – в Восточно-Европейскую равнину, где проживали финно-угорские племена еще со времен неолита, – славяне проникали Волго-Вятским путем, с верховьев Днепра и из среднего Приднепровья (в связи с набегами половцев).

Процесс расселения славян, а затем их взаимослияния с коренным народом происходил, как отмечалось, достаточно спокойно. Славяне не вмешивались во внутреннюю жизнь финно-угорских племен, ничем не стесняли их свобод и обычаев и «завоевывали» жизненное пространство на особый манер, без насилия и принуждения. Не случайно в карело-финском эпосе нет сюжета борьбы с внешним врагом, потому что соседями карело-финнов были славяне и русы, отличавшиеся склонностью к мирному сотрудничеству. Твердые и милосердные, трудолюбивые и избрательные, миролюбивые и отзывчивые, они импонировали доверчивым аборигенам, и последние охотно шли на сотрудничество с ними в разных жизненных ситуациях, убеждались в полезности и надежности такого сотрудничества; в результате процесс взаимосближения становился для славян и финно-угров естественным и необратимым, при этом ничьи интересы не были ущемлены. Заселяемые славянами-земледельцами территории были обширны, и к тому же многие земли не использовались финно-угорскими племенами, отдававшими приоритет рыбному и охотничьему промыслу. Поэтому при освещении вопроса прихода славян на территории проживания финно-угорских племен термин «колонизация» представляется неадекватным.

Уникальная способность славян ассимилировать другие народы стала историческим феноменом, не отделимым от их менталитета, приобрела характер закономерности. Причем меньшее число славян ассимилировало гораздо большее в численном отношении финно-угорское население. Эту аномалию можно объяснить прежде всего взаимной комплиментарностью и практической заинтересованностью тех и других в совместной жизни, а также довольно прогрессивным жизнеустройством славян.

Во-первых, формы общежития, характер трудовой деятельности славян, их оседло-земледельческий образ жизни – и с экономической, и с социально-бытовой точек зрения – представлялись более привлекательными и перспективными, способствовали адаптации финно-угров к славянскому быту, активизировали ассимиляционную динамику.

Во-вторых, вся жизнь древних славян была организована на принципах территориальной общины, а не кровнородственных связей. В земельных пространствах не было дефицита, и территориальная община постепенно включала в себя на равных основаниях (без возникновения отношений господства и подчинения) финно-угорские поселения, что ускоряло происходящий процесс взаимослияния. «Повесть временных лет» приводит характерное свидетельство не партнерства, а именно равноправия славянских племен и финской чуди, что выразилось в их совместном «приглашении варягов». Чудь и меря участвовали в походе князя Олега против Византии, а также в совместных действиях с другими русскими князьями. Коренным образом отличались и процессы заселения в колониальных империях Запада. Например, привлекаемые из Германии Тевтонским орденом для заселения прибалтийских земель немецкие крестьяне сразу становились в положение высшей расы, народа-господина по отношению к коренному населению.

В-третьих, взаимослияние (ассимиляция) было, очевидно, единственной возможностью спастись от физического истребления агрессивными соседями. Угроза нарастала с юга (хазары и степь) и севера (норманны).

Совпадение интересов способствовало тому, что славяне и финно-угры или взаимосливались, или взаимоадаптировались, обогащая друг друга своим уникальным менталитетом: славяне, естественно, в большей мере, финно-угры – в меньшей. В отдельных русских племенах прослеживается некоторая, еле уловимая монголоидная примесь, взятая не столько от монголов, сколько от финно-угорских полумонголоидных племен мери, муромы и веси, с которыми наши предки породнились. В обобщенном типе современного великоросса есть кровь и гены древних финно-угров, так же как и во многих современных финно-уграх течет кровь великороссов.

Наше этническое родство несомненно. Русские (и в этом их историческая особенность) обладают уникальным свойством ассимилировать дру-

гие народы, при этом фактически всегда сохраняя в первородной чистоте свою кровь и природный менталитет. И этим этноисторическим феноменом определяется судьбоносная сила великороссов. В принципе финно-угры (как и монголо-татары и поляки) мало повлияли на них; они сохранили свою русскость в неприкосновенности.

Финно-угры России добровольно адаптировались под новый язык. В ряде случаев, особенно на Русском Севере, происходило не смешение народов, а переход финно-угорского населения на русский язык и в значительной мере на православную духовную культуру; в свою очередь в русской культуре имеется немало финно-угорских компонентов. Русский Север богат своими обычаями, духовной жизнью. На рукавах одежды женщин Севера была вышита свастика – символ Солнца, счастья, удачи, добра, – которая была впоследствии извращена в нацистской Германии. Именно беломорские карелы, а не финны, сохранили карело-финский эпос «Калевала». Почти все древние русские сказки, былины, предания были записаны этнографами в конце XIX века в местах проживания карел, вепсов и потомков финно-угорских народов в Архангельской губернии. Ижорские сказки вдохновляли А.С. Пушкина, что отразилось в ряде его произведений, в частности в поэме «Руслан и Людмила», да и няня поэта, Арина Родионовна, восполнявшая пробелы в его воспитании, имела финно-угорские корни: родилась в деревне Лампово в Ингерманландии.

Большинство памятников древнерусского деревянного зодчества перешли к нам в наследство из финно-угорских земель. Много общего у русских и финно-угров в психологии, национальном характере, особенно на севере, северо-западе и северо-востоке Европейской части России.

Историческая преемственность и взаимная этническая комплиментарность отношений финно-угров и великороссов прошли через многие годы и испытания, продолжая развиваться в современных условиях, преодолевая как традиционные, так и новые трудности, вызванные противоречивым характером жизнеустройства современной либерально-буржуазной России.

Общая численность всех 24 финно-угорских народов как этноязыковой общности составляет более 27 млн человек, являющихся коренными на своих территориях. Из них венгров – около 19 млн, финнов – 5 млн, эстонцев – около 1 млн; все они, за небольшим исключением, проживают в собственных государствах.

Для России интерес представляют не зарубежные финно-угры, а прежде всего те 17 народов, которые проживают на территории страны и насчитывают, согласно переписи 2010 г., 2 321 980 человек. В зависимости от специфики языка все финно-угры подразделяются на две группы – **финскую и угорскую**, – каждая из которых в свою очередь делит-

ся на две подгруппы. **Финская** группа – на *прибалтийско-финскую* и *волжско-пермскую*; **угорская** – на *дунайскую* (венгры) и *обскую* (образованную российскими этносами ханты (около 30 тыс. человек) и манси (12 тыс.) подгруппы.

В *прибалтийско-финскую* подгруппу (помимо финнов и эстонцев) входят финны-ингерманландцы, сету, карелы численностью 120 тыс. человек (95 тыс. – в Республике Карелия, 20 тыс. – в Финляндии), тверские карелы (25 тыс.) – самостоятельная народность, не являющаяся диаспорой карел из Карелии, – вепсы, проживающие в основном только в России (12 тыс.), ижорцы (3,5 тыс.), водь (около 100 человек). В *волжско-пермскую* подгруппу входят исключительно российские этносы: мордва (845 тыс.), мокшане (до 300 тыс.), удмурты (примерно 640 тыс.), марийцы (605 тыс.), коми (315 тыс.), коми-пермяки (130 тыс.).

В антропологическом отношении финно-угорские народы неоднородны, но всем им присущи как европеоидные, так и монголоидные признаки. Ханты и манси (обские угры), часть марийцев, мордвы обладают наиболее выраженными монголоидными чертами; у большинства других финно-угров доминирует европеоидная составляющая.

Особая, самостоятельная народность карел проживает на территории Тверской области (Тверская Карелия), переселившаяся сюда в XV–XVII вв., спасаясь от преследований шведов, занявших их исконные земли на Карельском перешейке. Бежали спешно, тайными лесными тропами, как от цунами, подчас захватив с собой лишь образок Николая-угодника, святого покровителя карел.

Россия радушно встретила беженцев, записала их в привилегированное сословие дворцовых крестьян, наделила каждого хорошим наделом земли и деньгами на приобретение лошади и коровы. Более того, правительство Алексея Михайловича выплатило шведам 190 тыс. руб. золотом и серебром за отказ от требований возврата беженцев. По переписи 1897 г. тверских карел насчитывалось 117,2 тыс. чел. Многие из них впоследствии ассимилировались с русскими [4].

Тверские карелы – патриоты России, труженики и воины. В годы Великой Отечественной войны 27 тверских карел стали Героями Советского Союза. Ныне число тверских карел по паспорту составляет около 25 тысяч. В 1997 г. была создана Тверская областная национально-культурная автономия; тверские карелы входят в Консультативный комитет финно-угорских народов, участвуют во всемирных конгрессах финно-угорских народов [4].

Практически все финно-угорские народы являются национальными меньшинствами в своих девяти административных образованиях, за исключением коми-пермяков, составляющих 61% населения Коми-

Пермьяцкого автономного округа. В Марий-Эл – 43,3% марийцев, в Мордовии – 32,5% титульного населения, в Удмуртии – 31% удмуртов, в Республике Коми титульное население составляет 26%, в Карелии проживают всего около 11% карелов, а в Ханты-Мансийском автономном округе численность коренного населения составляет примерно 1,3% [5: 23]. Дальнейший рост численности коренных финно-угров на территории России затруднен целым рядом факторов:

1. Трудными материальными условиями жизни, массовой безработицей, неуверенностью в завтрашнем дне, нарастающей урбанизацией и связанным с ней сокращением традиционных сфер жизнедеятельности. Так, в связи с интенсивным развитием промышленности в Западной Сибири и отторжением земель под нефтегазоносные участки, сильно возросли миграционные потоки разноэтничного населения, загрязняется окружающая среда, сокращаются промысловые угодья, пастбища. Продолжительность жизни в отдельных районах снизилась до 45–50 лет.

2. Особенно резким вытеснением коренного населения за пределы территорий его традиционного расселения в Ханты-Мансийском автономном округе. За последние 20 лет на севере Тюменской области уничтожено 28 промысловых рек и 11 млн гектаров оленьих пастбищ. Численность коренных жителей округа снизилась с 3,8 до 1,3%. Наблюдается значительное рассредоточение финно-угорских народов вне пределов их национально-административных образований. Так, удмуртов за пределами республики проживает 1/3 их этноса, у коми – 13%, у коми-пермяков – 38, у мордвы – более 40, у марийцев – 52%.

3. Ослаблением взаимосвязей финно-угорских регионов вследствие автономизации субъектов Федерации в рамках российского федеративного государства.

4. Нарастанием процессов ассимиляции с другими народами, прежде всего с русскими, что особенно проявляется в заключении межнациональных браков. Например, у марийцев они составляют более 15%, у карел – около 10%.

5. Процессом снижения национальной идентичности финно-угров, что проявляется в росте элементов национального нигилизма, особенно среди молодежи. Молодые финно-угры, в целом высоко оценивая культурно-исторические традиции своей нации, в то же время не воспринимают многие черты ее менталитета, культуры, резко ограничивают сферу применения национального языка, переориентируются на русский язык и международные языковые стандарты (прежде всего на английский язык). Национальные издания в молодежной среде, теле- и радиопередачи на национальных языках малопопулярны. Характерно (согласно опросам), что около 18% марийцев, почти 30 % коми, коми-пермяков, удмуртов,

31% мордвы, 38% ханты, 51% карел называют русский язык родным языком, и данная тенденция языкового обрусения не остановима.

В этом видны прежде всего объективные факторы, связанные с «нетехнологичностью» языков финно-угорских народов, недостаточной развитостью в них абстрактной инфраструктуры, без чего невозможен современный научный и культурный прогресс. Без русского или других мировых языков практически невозможно преподавать точные дисциплины в школах и вузах, овладевать знаниями в радиоэлектронике, сфере нанотехнологий, других научных областях, осуществлять интеграцию в сферу европейских и других коммуникационных систем. Экономический кризис еще более сузил долю национальных языков во всех сферах массовой информации. Такова объективная общероссийская этноинтеграционная тенденция.

Вместе с тем многое зависит от политики правительства, не уделяющего должного внимания решению проблем малых коренных народов. Если молодежь, в основном не утратившая своей национальной идентичности, проявляет в то же время отчужденность по отношению к национальному языку, ряду других ментальных факторов своей нации, то это означает, что не все благополучно обстоит с государственной политикой по сохранению идентичности малых коренных народов.

Этот внутренний аспект политики России подлежит корректировке, поскольку финно-угорские народы были и остаются фактором стабильности и опоры для российского Отечества, несмотря на то, что в последнее время в условиях глобализации и затянувшегося финансово-экономического кризиса происходит ослабление региональных связей с федеральным центром.

Причин тому много, в том числе отсутствие объединительной национально-государственной идеи, снижение притягательности русского образа жизни, русской культуры, служивших ранее для малых народов определенным стандартом. Современная эрзацкультура, насаждаемая в России, – это выпадение в примитивизм, который не приемлет финно-уграми.

К тому же рушатся морально-этические основы российского общества, страдающего от криминализации, коррупции, терроризма, несоблюдения законов. Пропаганда насилия и распущенности, жизни не по совести, пущенная на поток со всех каналов телевидения, не встречает противодействия ни от государственных властей, ни от иерархов русской православной церкви. И все это воспринимается в массе своей нравственно чистыми финно-угорскими народами как проявление аморальности доминирующей нации и толкает их к дистанцированию от нее, ведет к образованию разделительных линий, которых раньше никогда не было.

У финно-угров высоко ценится духовность, и поэтому они чужды стяжательству: по их традиционному убеждению гонка за материальными благами разрушительна для души. Доброта и честность, бережливость и гармоничные отношения с природой – характерные черты для большинства из них, они критически относятся к тем людям, которые нарушают эти жизнеберегущие стандарты.

Хотя финно-угорские народы составляют не более 3% населения России, они являются важным фактором развития отечественной экономики, науки, культуры, патриотизма и нуждаются в государственной поддержке по сохранению своей этнической самобытности. В отличие от некоторых малых народов российские финно-угры чужды русофобии, несмотря на попытки проамериканских либеральных кругов внедрить сепаратистскую «инфекцию» в их политическую жизнь. Принятый Федеральный закон о культурно-национальной автономии и Концепция государственной национальной политики Российской Федерации предоставляют каждому народу суверенное право на саморазвитие, основанное на свободном функционировании родного языка, уважении исторических традиций и обычаев. Федеральная Программа развития финно-угорских народов определила механизмы государственной помощи диаспорам финно-угорских народов, которые в большей степени подвержены утрате своей идентичности.

В последние годы, даже в условиях нарастания кризисных явлений в нашей стране, предпринимаются меры по сохранению гуманитарного потенциала финно-угорских народов. В частности, вышел в свет мордовский эпос «Масторава», опубликованы труды всемирно известного ученого Коми Питирима Сорокина; на сценах национальных театров в Марий-Эл, Коми, других регионах идут спектакли по мотивам карело-финского эпоса «Калевала», функционирует телевидение, в частности на коми-пермяцком языке и т.д.

Значительно продвинулась Карелия, даже по сравнению со странами Совета государств Балтийского моря, в решении проблем этнокультурного возрождения коренного населения. Здесь восстановлена письменность на вепсском и карельском языках, изданы буквари и другие учебники по изучению родных языков в начальной школе.

Однако национальное возрождение зависит не только от сохранения и развития культурного потенциала, а в огромной мере от социально-экономического развития. Экономика же большинства финно-угорских регионов находится на чрезвычайно низкой отметке, благосостояние и образованность – намного ниже среднероссийского уровня. Так, в Марий-Эл среднегодовой доход на одного жителя в 3–5 раз уступает экономически развитым регионам, а по числу лиц с высшим образованием на 1000 чел. – примерно в 2 раза.

В 2001 г. была принята Доктрина развития Северо-Запада России до 2015 г., предусматривавшая переход от экспортно-сырьевой ориентации Карельского региона на неоиндустриальное развитие на базе инновационных технологий. Вместе с тем были выдвинуты задачи достигнуть уровня доходов населения, необходимого для простого воспроизводства человеческого потенциала: минимальный доход на душу населения предлагалось довести до 21 12 долл. при ежегодном экономическом росте в 4,5%, а доход семьи из четырех человек намечалось повысить до 50 тыс. долл. в год [6]. Однако прошло уже почти 20 лет после принятия Доктрины, а к ее выполнению фактически так и не приступили.

Позитивная роль финно-угорских регионов в экономической, политической, культурной жизни России влияет и на повышение их зарубежного имиджа. В свою очередь Россия пытается расширять и укреплять финно-угорскую общность, а также развивать международные связи. Не случайно за Россией устанавливается имидж инициатора развития международного финно-угорского движения, его общепризнанного центра. За постсоветский период, начиная с 1992 г., по инициативе Российской Федерации учреждено проведение один раз в четыре года международных финно-угорских конгрессов; пока состоялось пять подобных форумов: первый прошел в декабре 1992 г. в Сыктывкаре (Республика Коми), последний – в июне 2016 г. в Лахти (Финляндия). Следующий форум намечено провести в 2020 г. в Тарту (Эстония).

Созданы и успешно функционируют Всемирная ассоциация финно-угорских народов, фонд развития культур финно-угорских народов (штаб-квартира – в Йошкар-Оле), национальная Ассоциация писателей, проводятся международные встречи финно-угорских писателей, научные конференции финно-угроведов. В финно-угорском культурном пространстве реализуются интересные творческие проекты, стали традицией международные и межрегиональные культурные обмены [7: 24–28].

По инициативе России создана и успешно работает на протяжении почти 30 лет Международная молодежная ассоциация финно-угорских и самодийских (уральских) народов (МАФУН, создана в 1990 г.), объединившая 35 национальных молодежных организаций, союзов, клубов, творческих, научных обществ финно-угорских народов. Цели деятельности МАФУН – поддержка языков и культур уральских народов, укрепление сотрудничества между финно-угорскими народами, странами и регионами, защита прав коренных народов, стимулирование культурного, экономического и социального развития на местном уровне. Ассоциация работает весьма продуктивно, регулярно проводит заседания по обсуждению актуальных задач, стоящих перед молодежью, реализует принятые проекты.

Одно из заседаний правления МАФУН состоялось в 2010 г. в международном образовательном центре «Урозера» в Пряжинском национальном районе Карелии; в его работе (как и прежде) принимали участие не только члены правления, но и многие представители из Карелии, Коми, Мордовии, Марий Эл, Ямало-Ненецкого АО, Пермского края, Тверской области и Москвы. Форум проходил в рамках Российско-Финляндского проекта по обучению представителей финно-угорских организаций РФ; был прослушан курс лекций по теме «Масс-медиа и PR»; проанализированы проблемы сотрудничества МАФУН и ККФУН (Международный консультативный комитет финно-угорских народов), развития финно-угорского движения; обсуждены мероприятия лагеря-семинара для молодых семей в Республике Коми, планы очередных заседаний правления МАФУН.

В целом полезные связи осуществляются с общественными организациями и научными центрами Финляндии, Венгрии, Эстонии по исследованию проблем угролистике, реализации программ культурного сотрудничества. Активную деятельность пытается проводить Финляндия через общество Матиаса Кастрена (основано в 1990 г.)¹. Его цель – сотрудничество с российскими финно-угорскими народами в области образования, науки, музейного и библиотечного дела, по сохранению культурного наследия и национальных традиций. Оно оказывает финансовую помощь в выпуске учебных и художественных изданий на марийском языке, удмуртском, коми-пермяцком, карельском языках, языке коми, занимается подбором студентов, аспирантов для учебы в вузах Финляндии. Общество проводит ежегодные дни родственных народов, провело дни марийской культуры, конференции по уралоязычным литературам, 4-5 раз в год выпускает бюллетень о деятельности общества, который рассылается всем его членам [8].

Финляндия пытается также проводить заинтересованную политику по развитию приграничного торгово-экономического сотрудничества прежде всего с Карелией. В январе 1992 г. между Россией и Финляндией было подписано Соглашение о приграничном сотрудничестве. Активное участие в реализации этого документа принимали Санкт-Петербург, Ленинградская и Мурманская области и, конечно, Республика Карелия. В 1997 г. Финляндия выдвинула программу «Северное измерение», которая предусматривает прежде всего финансовую помощь, в том числе Карелии, на развитие транспорта, коммуникаций, других сфер жизнедеятельности, включая туризм. Развиваются партнерские отношения Республики Карелия с четырьмя губерниями Финляндии: Северной Карелией, Средней Финляндией, Оулу, Миккели [9: 252].

¹ Матиас Александр Кастрен (1813–1852 гг.) – первый финский исследователь уральских языков, этнограф и исследователь-путешественник.

Вместе с тем некоторые зарубежные деятели и организации пытаются использовать финно-угорский фактор в ущерб международным отношениям. Направленные действия на дестабилизацию политической обстановки в РФ предпринимают, не встречая осуждения, а фактически при одобрении Европарламента, отдельные западные центры. Неприкрытую активность проявляют эстонские круги и некоторые финские структуры. Особенно отличился экстремистскими русофобскими выпадами бывший президент Эстонии Тоомас Ильвес (2006–2016 гг.), назвавший русский язык языком оккупационных властей.

На проходившем в июне 2010 г. в Ханты-Мансийске Пятом Всемирном конгрессе финно-угорских народов, на котором присутствовали президенты России (Д.А. Медведев), Венгрии (Ласло Шойом), Финляндии (Тарья Халонен) и другие, весьма некорректно повел себя президент Эстонии. В ходе беседы Ильвес высказался за смягчение жесткой риторики в отношениях двух стран – Эстонии и России. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев на это ответил, что жесткие заявления в адрес России часто звучат именно из уст господина Ильвеса, в то время как он себе резких высказываний в адрес Эстонии никогда не позволял [10].

Открывая конгресс, российский президент подчеркнул, что «Россия стала родиной международного финно-угорского движения», ведь именно в России прошел в 1992 г. I Всемирный конгресс финно-угорских народов. Президент осудил «политические спекуляции», которыми «занимаются люди с самым поверхностным представлением о жизни финно-угров в нашей стране, при этом скрывая реальные факты ускоренной ассимиляции в некоторых европейских странах» [10].

Президент Эстонии выступил с подстрекательским заявлением, фактически с попыткой инициировать движение по созданию самостоятельных финно-угорских государственных образований на территории России. «Свобода и демократия, – заявил эстонский лидер, – были нашим выбором 150 лет назад», тогда как (имея в виду Россию) «у многих финно-угорских народов этот выбор еще не сделан».

Речь Ильвеса, по определению главы Комитета Госдумы по международным делам Константина Косачева, была «некорректным выступлением, не достойным президента» [10]. Другие участники форума тоже не остались равнодушными к политическим спекуляциям эстонского лидера: в ответ на их критику Ильвес демонстративно покинул конгресс. Европарламент, как и в случае с переносом Бронзового солдата, вновь не заметил антироссийскую выходку прибалта. В 2016 г. президентом Эстонии была избрана Керсти Кальюлайд. Она проводит прежнюю политику, но нежелательных эксцессов пока не допускает.

Стараниями не чуждых зависти и сепаратистской корысти норвежских деятелей была придумана новая группа финно-угров на территории нашей страны, якобы не имеющая ничего общего с великороссами, – поморы, проживающие в Архангельской и Мурманской областях на побережье Белого и Баренцева морей. В 2005 г. в Архангельске даже издали «Краткий словарь поморского языка», в котором, в частности, записано, что поморы имеют «этнический статус независимого поморского народа». На очереди, надо полагать, объявление великого М.В. Ломоносова не русским, а поморским ученым. При активной поддержке Норвегии в Архангельске открыли Поморский институт, издали «Поморскую энциклопедию», «Поморский словарь», открыто обсуждают границы Поморской республики. Цель агрессивного проста: обосновать значительную часть территории Русского Севера исторически независимой от Москвы, которая якобы в прежние времена силой отторгла Поморье и ассимилировала свободный народ, этнически чуждый великороссам [11].

Не оставляет попыток финизации Карелии Финляндия, начавшая проводить такую политику сразу после Великой Октябрьской социалистической революции и подчас находя понимание у некоторых российских лидеров. Н.С. Хрущев намеревался передать Карелию Финляндии точно так же, как поступил с Крымом, включив его в состав Украины. Финские власти не оставляют попыток добиться создания «Великой Суоми», включив в нее Выборг, Карелию, Кольский полуостров, Архангельскую область и со временем довести ее территорию до Северного Урала. Финские радикалы из националистической организации «ПроКарелия» (ProKarelia) пытаются создать в Карелии сепаратистские настроения и строят планы зачистить ее сразу же после присоединения, выселить оттуда значительную часть русских (их там 370 тыс.), а вместо них переселить 300 тыс. финнов. Радикалы из «ПроКарелии» считают, что Россия деградирует и когда совсем упадет, Суоми незамедлительно воспользуется этим и захватит Карелию.

Однако сепаратистские настроения в Карелию, как и в другие финно-угорские регионы, привносятся не только извне, но и являются следствием негативных внутренних факторов, в частности, крайне низкого уровня жизни, в результате чего жители республики (не только коренные карелы, но и русские), не видя необходимой поддержки от государственной власти, стали вынашивать идею присоединения к Финляндии, усматривая в этом приемлемый вариант выхода из сложившейся социально-экономической ситуации. Особенно сильная волна протеста против политики Центра прокатилась по Карелии зимой 2010 г., когда в январе в домах стали отключать отопление, и к тому же власти предприняли попытку ликвидировать автономию Карелии (путем укрупнения), лишить ее статуса дотационного региона.

Фактор Крыма, Донбасса, Каталонии побуждает государственную власть России быть более внимательной к малым народам, в том числе к финно-уграм, более рачительно соблюдать их социально-экономические и политические права. Состояние межнациональных отношений должно стать частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации, направленной на сохранение самобытности малых коренных народов, на предупреждение возникновения межнациональных конфликтов.

Процесс межнационального синтеза, ведущий начало из глубины веков, никогда не прерывался, и стратегическая линия российских властей и неправительственных организаций должна продолжать его в интересах сохранения целостности Российского государства, чтобы общенациональные интересы гармонично складывались из интересов Центра и регионов. Важно и нужно содействовать возрождению традиционных духовных и культурных ценностей финно-угорских народов, не снижать их государственного дотирования в целях сохранения традиционных народных промыслов, технологий, образа жизни. В этих целях представляется целесообразным разработать законодательные акты, которые обеспечивали бы гарантированное представительство народов Российской Федерации в органах государственной власти и местного самоуправления.

МИД России, в целях повышения координации межгосударственных планов и программ поддержки отечественных финно-угров, представляется целесообразным в аппаратах посольств России в Хельсинки, Будапеште и Таллине проводить более эффективную работу для решения проблем сотрудничества финно-угорских народов.

В условиях обострения международной обстановки чрезвычайно важно умножить усилия по укреплению сплоченности всех народов на территории Российской Федерации, повысить их патриотизм и готовность защищать Родину от внешних угроз. Финно-угорские народы – марийцы, удмурты, мордва, коми, карелы, ханты, манси, коми-пермяки, вепсы и другие – были и остаются фактором стабильности и опоры для российского Отечества.

Источники и литература

1. *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. Книга первая. М.: ВЛАДОС, 2003.
2. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. М.: Молодая гвардия, 1984.
3. *Гамбутас М.* Славяне, сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2008.
4. Советская Россия. 2010. № 4 (202). 11 марта.
5. *Кабанен П.Г.* Современные финно-угорские народы: культура, традиции, язык // Финно-угорский фактор в современном мире: Материалы науч.-практ. конф. Дипломатическая академия МИД РФ. М.: Научная книга, 1997.

6. Псковская губерния. 2004. № 18 (188). 19–26 мая.
7. Финно-угорский фактор в современном мире: Материалы науч.-практ. конф. Дипломатическая академия МИД РФ. М.: Научная книга, 1997.
8. *Дерябин Ю.С.* «Северное измерение» политики Европейского союза и интересы России // Доклады Института Европы. 2000. № 68.
9. *Александров О.Б.* Особенности участия российских регионов в процессе формирования расширенной Европы // Европейские страны СНГ. М.: Международные отношения, 2005. С. 252.
10. Эстонцы отделились от финно-угров. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocSID=907640> – Дата обращения: 19 марта 2018.
11. *Замлелова С.* «Чуждачества» на архипелаге // Советская Россия. 2015. № 42 (14137). 23 апр.

Уроки Пражской весны: чехословацкий кризис 1968 года в ретроспективе истории мирового социализма

Lessons of the Prague Spring: Czechoslovak Crisis of 1968 in the retrospective of the history of world socialism

М.В. Пономарев

Пономарев Михаил Викторович, кандидат исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

Аннотация: в статье рассматривается политическая хроника чехословацкого кризиса 1968 г. и анализируются его исторические причины. Пражская весна показана как особый этап в развитии мирового социализма, обладавший реальными альтернативами и во многом предопределивший последующие политические сценарии.

Ключевые слова: Чехословакия, СССР, Пражская весна 1968 года, социализм, реформы, «социализм с человеческим лицом».

Abstract: this article deals with the political chronicle of the Czechoslovak crisis of 1968 and analyzes its historical causes. «Prague Spring» is shown as a special stage in the development of world socialism, with real alternatives, which predetermined subsequent political events.

Key words: Czechoslovakia, the USSR, The Prague spring of 1968, socialism, reforms, «socialism with a human face».

События 1968 г., связанные с общественно-политическим кризисом в Чехословакии и военным вмешательством в него стран Организации Варшавского договора, стали одной из наиболее драматичных страниц истории XX в. Несравнимые по своему масштабу с эпопеями мировых войн и многими локальными конфликтами, они необычайно остро поставили вопрос о выборе стратегии глобального и национального развития в условиях холодной войны и о цене такого выбора. Уже для современников Пражская весна стала настоящим камертоном гражданского и мировоззренческого самоопределения. А за последующие полвека уроки Пражской весны превратились в важнейший дискурс общественного сознания.

В исторической памяти чешского народа советские танки на улицах Праги в большей степени ассоциируются с погранием национального суверенитета в 1968 г., а не с освобождением страны от нацистской оккупации в 1945 г. Для многих наших соотечественников такой подход – один из примеров переписывания истории, подтасовки фактов, призванной показать пугающую картину русской угрозы. События 1968 г. до сих пор являются одним из сакральных символов правозащитного движения. Но они же заставляют задуматься об ответственности каждого человека за свой гражданский выбор, о необходимости соотносить ценности свободы и солидарности, воспринимать окружающую жизнь сквозь призму исторического движения общества, а не сиюминутных впечатлений и протестных настроений. Для историков уроки Пражской весны – это еще и основание для дискуссий о нереализованных альтернативах социалистической модели и ее глубинных противоречиях. Для российского общества эта проблема имеет особое значение. Ведь Пражская весна стала одним из поворотных моментов в истории и самого Советского Союза, во многом предопределив политические сценарии 1970–1980-х гг. И вопрос «А можно ли было как-то иначе...?» приобретает в связи с этим особый подтекст. Могли ли события Пражской весны не привести к такой драматической развязке? Было ли решение, принятое советским руководством в августе 1968 г., единственно верным, и какое будущее ожидало нашу страну, если бы этот выбор был иным?

Хроника Пражской весны

В начале 1968 г. в Чехословакии произошла смена высшего политического руководства. Январский Пленум ЦК Коммунистической партии Чехословакии утвердил в качестве первого секретаря КПЧ Александра Дубчека, одного из молодых и энергичных лидеров словацкого коммунистического движения, имеющего поддержку в Москве. Дубчек сменил на этом посту Антонина Новотного, который на протяжении 15 лет сохранял баланс между «жесткими» коммунистами и реформаторами в руководстве КПЧ. Причем на пленуме было принято решение разделить высшие партийные и государственные посты, и Новотный временно остался президентом ЧССР. 28 марта 1968 г. его сменил авторитетный военный и общественный деятель Людвик Свобода. А правительство ЧССР 8 апреля 1968 г. возглавил один из наиболее последовательных критиков прежнего руководства Олдржих Черник. Будучи председателем Госплана в середине 1960-х гг., Черник приложил много усилий для развертывания экономической реформы, и на январском пленуме рассматривался как один из

вероятных кандидатов на пост первого секретаря КПЧ. Секретарем ЦК КПЧ по идеологии в марте 1968 г. стал либерал Йозеф Шпачек, сменивший «колеблющегося» Иржи Гендриха.

Сам Александр Дубчек не принадлежал к числу горячих сторонников реформ, но в его окружении было много представителей этого крыла партийного руководства. Еще будучи первым секретарем Компартии Словакии, Дубчек курировал программу модернизации национальной промышленности и тесно работал с чехословацкими экономистами, выступавшими за системные экономические реформы. К тому же Дубчек в начале 1960-х гг. активно участвовал в деятельности комиссии по расследованию политических репрессий 1951–1954 гг. и реабилитации их жертв. Поэтому его выдвижение на пост первого секретаря КПЧ было воспринято в обществе как шаг к радикальному пересмотру политического курса страны. Этому способствовало и ослабление цензурных ограничений в чехословацкой прессе. Все чаще звучали призывы не только к кадровым перестановкам в партийно-правительственном аппарате, но и изменению политической роли самой коммунистической партии.

Переломным моментом в истории Пражской весны стало принятие Программы действий Коммунистической партии Чехословакии (далее – Программа действий) в апреле 1968 г. Этот документ готовили соратники Дубчека О. Шик, К. Рихта, П. Ауэсперг и другие авторитетные реформаторы. В указанной Программе, с одной стороны, провозглашалась безусловная верность курсу на построение социалистического общества и сохранение союзнических отношений с СССР и ОВД, а с другой, формулировались задачи по «творческой» корректировке стратегии общественного развития. Причем особо отмечалась необходимость преодоления негативных явлений, связанных с культом личности, учета особенностей чехословацкого общества и его исторического пути: «Общее состояние социалистических государств в начале 50-х годов и отсутствие творческой инициативы, сопровождавшее культ личности, обусловили механическое заимствование представлений, обычаев и политических концепций, противоречивших нашим условиям и традициям... Централизация и директивно-административные методы, оправданные в борьбе против остатков буржуазии и для укрепления власти в условиях международной напряженности после февраля 1948 г., впоследствии были необоснованно перенесены в следующий период развития и постепенно переросли в бюрократическую систему» [10: 79].

Но необходимость пересмотра политической стратегии все же обосновывалась не идеей национальной специфики, а в контексте перехода к новому этапу строительства социализма. Особенности этого этапа считались отсутствием антагонистических классов и сближение всех социальных групп общества, переход от экстенсивного к интенсивному росту эконо-

мики, включение социалистических стран в процесс научно-технической революции. Соответственно провозглашалась необходимость «современных требований к системе руководства», обеспечения «широкого простора для общественной инициативы» на основе демократизации всей общественной и политической системы, а также «активного сотрудничества рабочих и крестьян с технической и научной интеллигенцией».

Программа действий предполагала системные изменения в чехословацком обществе, но пафос этого документа касался именно политических вопросов. В области экономических реформ речь фактически шла о сохранении уже реализуемого курса на внедрение рыночных элементов (отказ от директивного регулирования, усиление самостоятельности предприятий, расширение сферы частного предпринимательства, диверсификация экспорта и подготовка к вводу конвертируемости краны). А вот в общественно-политической сфере предлагались весьма радикальные и знаковые изменения. Их лейтмотивом было укрепление системы парламентаризма, федерализация государства, активизация политической роли общественных организаций и профсоюзов. Коммунистическая партия должна была остаться ведущей политической силой, но утрачивала управленческие функции в рамках чехословацкого государства: «Монополизировать социалистическую государственную власть не может ни какая-либо партия, ни коалиция политических партий; прямой доступ к власти должен быть обеспечен всем политическим организациям народа. КПЧ будет всеми средствами развивать такие формы политической жизни, которые обеспечат прямое участие рабочего класса и всех трудящихся в политическом руководстве нашей страны» [10: 79–80].

В принятии Программы действий компартии Чехословакии нет оснований видеть попытку контрреволюционного переворота, направленного на изменение общественного строя в Чехословакии, или стремление спровоцировать распад военно-политического блока социалистических стран. Но этот документ действительно отразил становление совершенно особого понимания социалистической модели развития, получившей впоследствии емкое название «социализм с человеческим лицом». Несмотря на демонстративное провозглашение приверженности КПЧ «марксистско-ленинской концепции развития социализма» как «обязательному условию успешного развития социалистического общества» и опору партии на «рабочий класс, взявший на себя основную тяжесть усилий по строительству социализма», Программа создавала основу для радикального изменения политического режима, а вслед за этим и существенного пересмотра социальной базы социализма, корректировки ценностных ориентиров этой модели. «Программа была еретической, но мы сделали все возможное, чтобы она таковой не выглядела... – вспоминал

впоследствии А. Дубчек. – При этом мы постоянно должны были держать в уме одно ограничение: мы не могли даже намекнуть, что намерены вернуться к полному демократическому плюрализму со множеством политических партий. В глазах Советов это было бы равносильно демонтажу социализма. Монополия на власть под эвфемистическим выражением «руководящая роль партии» была фундаментальной и непреложной доктриной коммунистической партии. И мы избрали сдержанный и осторожный способ выражения, снабдив документ изрядным количеством ритуальных ссылок на привычные марксистско-ленинские понятия» [13: 118].

Новый курс чехословацкого руководства получил огромную общественную поддержку, особенно среди интеллигенции и студенчества. Атмосфера гласности чрезвычайно активизировала прессу, превратив ее в реальную и независимую общественно-политическую силу. 27 июня 1968 г. был опубликован знаковый документ, отразивший эти умонастроения, – «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим». Его автор – писатель и публицист Людвик Вацулик. По своему формату «Две тысячи слов» были петицией, направленной на консолидацию общественного мнения в поддержку политической реформы. Ее критический пафос в отношении коммунистической партии («Ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии идейного союза в орган власти, которая стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью») соседствовал с признанием необходимости сохранить общественную роль КПЧ («Мы будем противостоять мнению, что можно совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им. Это было бы не только не справедливо, но и не разумно» [3]). Очень образно автор «Двух тысяч слов» охарактеризовал и саму Пражскую весну: «Пришел сезон неожиданных разоблачений, отставка с высоких постов и опьяняющих выступлений необыкновенной словесной смелости» [3].

Принято считать, что «необыкновенная словесная смелость» лидеров Пражской весны и сыграла трагическую для них роль: эйфория демократизации была расценена советским руководством как угроза идеологической и военно-политической целостности социалистического блока. К тому же новое чехословацкое руководство весьма демонстративно отказалось принять участие во встрече руководителей партий и правительств социалистических стран в Варшаве в июле 1968 г. Официально этот отказ был мотивирован сложной ситуацией в стране. Последовал ультимативный ответ. В письме, направленном в ЦК КПЧ от имени коммунистических партий СССР, Польши, Болгарии, Венгрии и ГДР, ситуация в Чехословакии была оценена самым жестким образом: «Силы реакции, использо-

вав ослабление партийного руководства страной, демагогически злоупотребляя лозунгом «демократизации», развязали кампанию против КПЧ» с «явным намерением ликвидировать руководящую роль партии, подорвать социалистический строй» [6: 183]. Чехословацкое руководство надеялось в этой ситуации сохранить конструктивный политический диалог со своими союзниками. Но уже 26 июля 1968 г. в прессе было опубликовано Обращение граждан к Президиуму ЦК КПЧ, подписанное не только авторитетными общественными деятелями, но и рядом высших партийных руководителей, включая самого Александра Дубчека. В нем отмечалось, что происходящие в Чехословакии реформы не могут угрожать «интересам тех народов, с которыми мы более двадцати лет вместе боремся за общее дело», и содержался призыв «убедить ведущих представителей КПСС в том, что процесс обновления в нашей стране должен быть доведен до конца» [9: 284].

Развитие опасных тенденций в Чехословакии было остановлено военной операцией стран – участниц ОВД. Причем 3 августа 1968 г. на встрече руководителей коммунистических партий в Братиславе было заявлено об «общем интернациональном долге всех социалистических стран» по «поддержке, укреплению и защите завоеваний социализма» [6: 183]. Решение же о начале самой военной операции принималось на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС 16 августа. Спустя два дня оно было одобрено руководителями ГДР, Болгарии, Венгрии и Польши. В ночь на 21 августа с четырех направлений на территорию Чехословакии были введены войска этих стран. В Праге высадились советские десантники, взявшие под контроль все стратегические объекты города. В первый же день операции руководство ЧССР во главе с А. Дубчеком было арестовано и вывезено в Москву. Чехословацкая армия получила приказ своего командования не оказывать сопротивление. Каких-либо крупных военных столкновений на территории страны не произошло, но за весь период проведения этой операции (до 17 декабря 1968 г.) погибли 94 чехословацких гражданина.

Реакцией чехословацкого общества стал широкий гражданский протест. 21 августа состоялся XIV чрезвычайный съезд КПЧ, осудивший нарушение суверенитета страны. Но большинство делегатов съезда не поддержали идею провозглашения нейтралитета ЧССР и выхода ее из Организации Варшавского договора. Для урегулирования кризиса в Москве прошли переговоры с официальной делегацией ЧССР, возглавляемой президентом Людвиком Свободой и заместителем председателя правительства Густавом Гусаком. В принятом по итогам переговоров Московском протоколе подтверждались гарантии вывода войск ОВД с территории Чехословакии, признавался статус апрельской Программы дей-

ствий КПЧ, но объявлялись недействительными решения XIV съезда КПЧ и результаты прошедших на нем выборов ЦК. Состоявшийся 31 августа в Праге Пленум ЦК КПЧ подтвердил эти решения. Более того, Дубчек и большинство лидеров реформаторского крыла КПЧ первоначально остались на своих постах. Но уже в следующем году КПЧ возглавил лояльный к Кремлю Густав Гусак. Тогда же началась «мягкая» чистка партии и свертывание рыночной экономической реформы. Естественно, что и о реализации Программы действий речь уже не шла. Вплоть до «бархатной революции» 1989 г. Чехословакия превратилась в олицетворение консервативной модели развития социалистического общества.

***«Необыкновенная словесная смелость»
или «поиск третьего пути»?***

Событийная история Пражской весны оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, понятен контекст этих событий, их логичная встроенность в общую траекторию развития социалистической модели – от сталинизма и оттепели к реформам и далее к застою. Но, с другой стороны, остается ощущение некой спонтанности и даже театральности. Почему смена первого лица и его окружения буквально обезоружила правящую партию, обладающую монополией на любые инструменты властного воздействия на общество? Почему романтическая риторика оказалась наиболее заметным и действенным компонентом реформаторской политики? Почему «необыкновенная словесная смелость» интеллигенции превратилась в тот фактор, который сформировал негативный имидж страны в глазах ее союзников? И почему потребовались столь жесткие меры противодействия, если речь шла всего лишь о «необыкновенной словесной смелости»? Ответы на эти вопросы лежат далеко за пределами событий весны и лета 1968 г.

Феномен Пражской весны невозможно понять без учета фундаментальных процессов, характеризующих становление и развитие социалистической модели. К началу 1960-х гг. восточноевропейские страны оказались перед необходимостью существенной корректировки стратегии своего развития. После первого шока от слома сталинизма и эйфории, вызванной общественно-политической атмосферой оттепели, пришло осознание ограниченности мобилизационной модели социализма, риска утраты массового энтузиазма и веры в коммунистические идеалы, истощенности ресурсов экстенсивного экономического роста. При этом первый этап социалистических преобразований принес важнейшие результаты. Произошла радикальная модернизация экономической ин-

фраструктуры, основанная на массивных инвестициях в промышленное производство и широкой урбанизации, внедрении принципов развития экономики как единого народнохозяйственного комплекса в тесной взаимосвязи с повышением образовательного потенциала населения и усилением его социальной мобильности. Произошли изменения в ценностно-мотивационной сфере. Идеи социализма для многих людей перешли из категории политических лозунгов в позитивно воспринимаемые социальные нормы. Во взрослую жизнь входило поколение, для которого довоенный период стал уже историей. Не случайно именно на рубеже 1950–1960-х гг. в большинстве восточноевропейских странах прошли «съезды победившего социализма», и в документах правящих партий была закреплена особая историческая веха – «завершение строительства основ социализма».

В этих условиях обновление стратегии общественного развития уже не определялось дилеммой «социализм или капитализм». Речь шла об отказе от мобилизационной модели социализма с характерной для нее высокой степенью идеологизации и административно-бюрократического регулирования. Причем изначально в качестве альтернативы рассматривалась не принципиально иная концепция социализма, а более сбалансированная и жизнеспособная социально-экономическая модель. Отец чешской экономической реформы Ота Шик вспоминал впоследствии, что партийное руководство обратилось к планам реформирования в первую очередь под влиянием нарастания хозяйственных проблем, и лишь по мере приобретения первого неудачного опыта перестройки административного механизма социалистической экономики становилась очевидной ее глубинная противоречивость и даже алогичность: «Насколько же бессмысленными оказались все фразы об «экономических закономерностях социализма», которые я провозглашал с трибуны на своих лекциях в школе! «Производство» не развивалось «пропорционально», «производительность труда неуклонно» не повышалась, «трудящиеся» не вознаграждались «в соответствии с результатами своего труда», «цены» не соответствовали «трудовой стоимости продуктов», «различия доходов» на предприятиях» не отражали «различий в хозяйственных результатах» и т. п.» [12: 98–99].

В итоге концептуальную основу реформ 1960-х гг. составила отнюдь не программа демократизации, а вполне прагматичная идея синтеза планового характера социалистической экономики и закона стоимости, распределяющего ресурсы на естественной основе рентабельности и состоятельности. Ключевым инструментом становилось внедрение элементов товарно-рыночных отношений для усиления мотивации производителей и повышения эффективности управления. Чехословацкий опыт в этом пла-

не можно признать классическим: комиссия под руководством О. Шика разработала комплекс мер по переходу от директивного к смешанному планированию, составлению производственных планов с учетом рыночного спроса, ликвидации монополии отдельных предприятий, частичной либерализации ценообразования, вводу элементов прогрессивного налогообложения. Что особенно важно, изменение фонда заработной платы предприятий предполагалось поставить в зависимость от системы расчета. В октябре 1964 г. Политбюро ЦК КПЧ одобрило концепцию реформы, направленной на ввод «новой системы хозяйственного управления», а в 1965 г. была начата ее экспериментальная апробация.

По вполне понятным причинам продвижение подобных реформ встречало сопротивление среди немалой части партийного руководства и актива. Причем речь шла не только о проявлениях бюрократической инертности, но и о вполне принципиальных соображениях. Так, один из лидеров Пражской весны Зденек Млынарж, описывая причины скептического отношения к предлагаемым реформам со стороны первого секретаря КПЧ Антонина Новотного, отмечал: «Он принадлежал к тому типу старых коммунистических деятелей, для которых партийная идеология была делом глубоко личным, высшей ценностью. Все остальное было производным: их жизнь, формирование личности, привязанности и интересы... Он даже не пытался выступать в роли творца какой-то теории или идеологии. Но партийная идеология была для него критерием правильности практической политики» [7: 73]. Для таких людей, как Новотный, сомнительной выглядела сама идея рыночного реформирования социалистической экономики, а перенос той же логики в политическую сферу был совершенно неприемлем.

Парадокс ситуации заключался в том, что решающий шаг к Пражской весне чехословацким реформаторам помогло сделать советское руководство. Когда на XIII съезде КПЧ, состоявшемся в 1966 г., обострилась дискуссия между сторонниками и противниками нового курса, то возглавлявший советскую делегацию Л.И. Брежнев недвусмысленно поддержал именно внутривнутрипартийную оппозицию в КПЧ и лично Александра Дубчека. Это решение во многом объяснялось аппаратной логикой: Новотный являлся приверженцем политического курса Н.С. Хрущева и не отличался лояльностью к новому московскому руководству, а Дубчек был хорошо знаком еще по временам его учебы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Сыграл свою роль и тот факт, что экономические реформы разворачивались в тот же период и в самом Советском Союзе. В итоге XIII съезд КПЧ принял решение о переходе с 1 января 1967 г. на новые принципы планирования и управления в рамках всей национальной экономической сис-

темы. Помимо первоначальных проектов была введена новая система инвестирования, согласно которой основным источником капиталовложений должно было стать самофинансирование предприятий. Предприятия получили право заниматься любой формой деятельности, свободно входить и выходить из состава крупных комбинатов, самостоятельно устанавливать прямые связи со смежниками. Предполагалось, что в течение 17 лет предприятия выкупят свои капитальные активы, и государственное регулирование приобретет лишь косвенный характер. Такие радикальные изменения были призваны не только обеспечить экономический рост, но и создать атмосферу общественной активности, творческого труда, инициативы. Не случайно, что уже через год эти планы были дополнены и проектом политической реформы.

«Мороз ударил из Кремля»

В публицистической и даже научной литературе достаточно широко распространено мнение о непоследовательности и волюнтаризме в действиях советского руководства в условиях кризиса 1968 г. Аргументом в пользу таких оценок является, казалось бы, явное несоответствие между поддержкой, которую Л.И. Брежнев оказал Александру Дубчеку и его единомышленникам в противостоянии с консервативным крылом КПЧ, и той жесткой позицией, которую СССР высказывал по поводу угрозы социализму, возникшей в Чехословакии. Ведь совершенно очевидно, что события в Чехословакии абсолютно не напоминали венгерский сценарий 1956 г. К тому же в самом СССР во второй половине 1960-х гг. проводились во многом аналогичные экономические преобразования. На сентябрьском пленуме 1965 г. ЦК КПСС был дан старт косыгинской реформе, цель которой формулировалась вполне однозначно: «Признать целесообразным устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число новых показателей, утверждаемых предприятиям сверху, наделить необходимыми средствами для развития и совершенствования производства, улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит» [8: 442]. В 1968 г. новые методы управления были распространены уже более чем на 50% советских промышленных предприятий, и экономический эффект нововведений оказался весьма существенным [5: 44–66]. Но почему именно в разгар этой экономической перестройки последовала столь болезненная реакция на события Пражской весны?

Автор политических мемуаров «Мороз ударил из Кремля» Зденек Млынарж, описывая первый шок от появления в Праге советских десантников, отмечал, что такой поворот событий, на самом деле, не был неожи-

данностью для тех, кто внимательно наблюдал за «схваткой за власть различных группировок в советском руководстве»: «В Москве развернулась борьба вокруг принципиальных политических вопросов, которая и вылилась в августе 1968 г. в интервенцию против Чехословакии» [7: 174]. Смысл такой оценки понятен: смена поколений в советском руководстве и укрепление позиций сторонников рациональных, технократических методов управления усиливали ответную реакцию представителей старой гвардии, поддержанных генералитетом. С этой точки зрения решение Л.И. Брежнева о силовом сценарии по выходу из чехословацкого кризиса выглядит в совершенно особом свете: нарочитая жесткость в отношении источника реальной или мнимой угрозы единству социалистического лагеря открывала путь для беспрепятственного продолжения либеральной косыгинской реформы в самом Советском Союзе. При этом восточноевропейским странам был дан наглядный урок солидарности, а политическая ситуация в самой Чехословакии в конечном счете урегулирована относительно гибко, в ходе компромиссного политического диалога. Фактически речь шла о технологии управляемого скандала – конфликта, изначально развивавшегося в сфере идеологии и пропаганды, которому Советский Союз стремился придать полемическую форму, лишённую реальной агрессивной составляющей. «Цели этого «управляемого скандала» были вполне практическими – во-первых, принудить чехословацких руководителей к изменению своей внутренней политики, во-вторых, создать такую последовательную картину кризиса, которая отвечала бы советским интересам» [11: 212].

Не отрицая возможность именно такой интерпретации событий 1968 г., отметим, что представление о том, что именно «рука Москвы» деформировала демократические тенденции в развитии чехословацкого общества и спровоцировала международный кризис, не учитывает противоречивую историческую природу самой Пражской весны. И уж тем более не корректно сводить эти события к борьбе за власть между группировками внутри руководства социалистических стран. Противостояние реформаторов и консерваторов имело гораздо более серьёзные причины, и позиция каждой из сторон обладала вполне определенной логикой.

Реформаторский курс был обусловлен не только низкой степенью эффективности мобилизационной модели социализма, но и общемировыми тенденциями. Не стоит забывать, что десятилетие 1960-х гг. и для стран Запада стало периодом смены поколений политического руководства, реализации претенциозных технократических проектов, перехода к гибким управленческим практикам в самых разных сферах общественных отношений. Не случайно, что именно в это время закрепляется управленческая парадигма «человеческие отношения на производстве»

и появляется само понятие «человеческий капитал». Индустриальное общество в двух своих исторических ипостасях – капитализма и социализма – шагнуло в 1960-х гг. к наиболее высокой точке своего развития, открывающей перспективы постиндустриального развития. Причем для социалистической модели этот процесс отнюдь не противоречил политической риторике построения коммунизма (достаточно вспомнить идеи, высказанные Н.С. Хрущевым в 1961 г. на XXII съезде КПСС). Поэтому рыночное реформирование социалистической экономики имело гораздо более широкое значение, чем преодоление кризисных тенденций в народном хозяйстве: речь шла о корректировке ценностных ориентиров социалистического строительства, новом понимании роли человеческого фактора, пересмотре принципов взаимоотношений государства и общества. И в таком смысловом контексте «необыкновенная словесная смелость» чехословацкой интеллигенции в 1968 г., стремительный переход от прагматичных экономических реформ к постановке вопроса о широкой демократизации общественной жизни представляются вполне закономерным развитием событий, а не безответственной эйфорией и политическим прожектерством.

Но как тогда оценить консервативную альтернативу Пражской весны? Подобно Млынаржу можно ассоциировать «мороз, ударивший из Кремля» с проявлениями великодержавной политики, помноженными на банальную схватку за власть самих кремлевских группировок. Можно сослаться на идеологический фундаментализм коммунистических ортодоксов и жесткую позицию генералитета, чья психология сформировалась в годы войны. Необходимо учитывать и реалии эпохи холодной войны с тотальным геополитическим противостоянием сверхдержав. Не случайно, что советское руководство настойчиво обращало внимание своих чехословацких коллег на опасность усиления международной напряженности из-за отхода Праги от согласованного курса стран социалистического лагеря и нарушения сложившегося баланса сил в Европе [1: 125–126]. Но существовал еще один фактор, который обуславливал предельно настороженное отношение к таким процессам, как Пражская весна, – это системные противоречия самой идеи рыночного социализма.

Основным источником экономического роста в рамках этой модели являлось изменение методов управления производством. Причем ключевую роль должна была сыграть активность тех социальных групп, которые получили возможность повысить уровень жизни в условиях внедрения элементов рыночных отношений. Но меры по усилению мотивации к повышению производительности труда не сопровождались глубокой перестройкой форм собственности. Распространенной практикой оставались административное распоряжение валютными средствами, регла-

ментация внешней торговли, государственный контроль над ценообразованием, бюрократическое перераспределение ресурсов между предприятиями, прямое влияние партийно-государственной номенклатуры на действия руководства предприятий. Прослойка динамичных и предприимчивых работников, откликнувшихся на новации, неизбежно оказывалась в сложном и даже двусмысленном положении. Их усилия сталкивались не только с административными барьерами, но и с инертностью социальной среды. Даже частичное использование рыночных механизмов вело к росту имущественной дифференциации населения, порождало противоречия между моделями потребительского поведения. Деформировалась ценностно-мотивационная матрица социального поведения, что создавало почву для конфликтов и внутри трудовых коллективов, и в повседневной жизни людей. Перенос принципов состязательности, материальной заинтересованности, договорного взаимодействия из экономической сферы в плоскость социального поведения грозил самим основам социалистического образа жизни. Эмансипация экономического поведения неизбежно вела к духовному раскрепощению, уходу из-под жесткой опеки идеологической системы и даже протестному противостоянию с этой системой. События Пражской весны стали ярким примером такой тенденции.

Понимание противоречий реформаторской модели рыночного социализма заставляет в совершенно особом свете увидеть позицию консерваторов. Не отрицая проявления в этой среде и ретроградства, и идеологического доктринерства, и бюрократической косности, следует признать, что негативное восприятие рыночных реформ и особенно их последствий в социально-политической и духовной сферах имело под собой серьезные основания. Речь действительно шла об угрозе социалистическому строю. Но эта проблема была связана не с деятельностью реакционных групп, не с вмешательством Запада и даже не с попытками реформаторов придать социализму «человеческое лицо». Угрозой социализму стала перспектива конвергенции принципиально разных социальных моделей – состязательной и солидарной. Сама по себе такая перспектива отнюдь не являлась фатальной. Но она требовала системной трансформации не только экономической, но и политической сферы, пересмотра всего предыдущего опыта социалистического строительства и его идеологических оснований, разработки совершенно особой модернизационной модели. Либо требовалось принципиально отказаться от подобных системных экспериментов и сделать ставку на преемственное развитие социалистического строя при сохранении его фундаментальных основ. И каждый из этих путей подразумевал немалые риски.

Альтернативы Пражского лета

При всех своих противоречиях Пражская весна стала олицетворением социального творчества, направленного на поиск баланса между солидарными ценностями социализма, эффективными формами экономических отношений и широкой плюралистической демократией. Такой синтез и в современном обществе признается в качестве одного из наиболее предпочтительных и популярных идеологических проектов. И потому много вопросов оставило Пражское лето, прервавшее ход этого уникального политического эксперимента. Существовали ли реальные перспективы у чехословацкой модели социализма с человеческим лицом? И были ли у этой реформаторской стратегии разумные альтернативы?

При всем многообразии мнений о возможных вариантах реформирования социалистической модели особого внимания заслуживают три из них. *Первый из этих сценариев* основывается на представлении о возможности и необходимости развития социализма на основе «плюралистического общественного объединения снизу» (по выражению Вацлава Гавела, чешского диссидента эпохи застоя и президента Чехословакии и Чехии в 1989–2003 гг.). Залогом прочности такого общества становятся не успехи в экономическом реформировании или политическая сплоченность элит, а открытость, широкая гражданская активность, интенсивный демократический процесс, препятствующий любым попыткам внешнего давления. Отсюда и вполне понятные оценки событий 1968 г.: Пражской весне попросту не хватило времени для того, чтобы не смениться холодным летом. Поскольку «процессу обновления не хватило времени для того, чтобы это поле разнообразия интересов, взглядов, судеб, точек зрения возникло в такой широкой, а значит, и неуправляемой пестроте..., все и могло быть так быстро и так сурово подавлено», – отмечал В. Гавел [4: 28].

Восприятие плюралистической демократии в качестве основного ресурса реформирования социализма подразумевает явные параллели между чешским экспериментом и советской перестройкой. Так, например, Ота Шик в своих мемуарах, изданных в 1989 г., однозначно называет реформы М.С. Горбачева возвращением именно к опыту Пражской весны [4: 369]. Но эта же параллель заставляет скептически оценить итоговый потенциал реформы социализма, основанной на широкой плюралистической демократизации и опережающем развитии институтов гражданского общества в условиях советской модели государственности и нестабильной экономической ситуации. Риски разрушения национального и государственного единства оказываются едва ли не большими, чем позитивный результат гражданской активности.

Второй сценарий можно считать либеральной альтернативой Пражскому лету. Но речь идет не просто о передвижении идеологического курсора слева направо. Либеральная модель реформирования социализма подразумевала, с одной стороны, соотнесение этого процесса с посткоммунистической трансформацией общества, при которой социализм превращается в одну из конкурирующих стратегий развития, а не особую общественную систему. С другой – понимание того, что основой такого реформирования должны быть комплексные институциональные изменения, а не спонтанная гражданская активность или корректировка идеологических установок. Один из отцов либеральной модели реформирования социализма, польский экономист Лешек Бальцеревич отмечал, что институциональная сбалансированность посткоммунистического перехода подразумевает трансформацию и политической, и экономической сферы. Но если в политической сфере идет о демократизации как резком сокращении общественной роли государства, то в экономической требуются жесткие и срочные шоковые меры по развертыванию рыночной инфраструктуры: «Различия в долгосрочных показателях роста связаны в основном с масштабом либерализации экономики. Здесь можно сделать вывод: чем больше масштаб реформ, тем лучше средние показатели роста» [2: 72].

Важно учесть, что стратегия шоковой терапии, как особая модель реформирования социализма, опиралась не на догматы либеральной идеологии, а на системный макроэкономический анализ. Реализация идеи рыночного социализма требовала последовательного освобождения всей системы менеджмента от бюрократической опеки, децентрализации и коммерциализации капитального инвестирования, юридического закрепления нового типа отношений собственности и трудовых отношений, перехода от внедрения государством отдельных элементов рынка к самостоятельному и естественному развитию рыночной экономики вплоть до формирования негосударственного рынка капиталов, ценных бумаг и рабочей силы. В противном случае социалистический рынок оставался лишь в роли инструмента административного воздействия на экономику. Но такие шаги означали уже не реформирование социализма, а полномасштабный переход к капитализму.

Третий сценарий, который во многом и ассоциируется с Пражским летом, подразумевает сохранение социализма как безусловного стратегического вектора общественного развития. Было бы неверным воспринимать этот путь как застой, связанный с подавлением инакомыслия и прекращением любых попыток повысить эффективность социалистической модели. Достаточно вспомнить многообещающие реформы в рамках Совета экономической взаимопомощи, инициированные в 1970-х гг., успехи оригинальной модели самоуправляющегося социализма в Югосла-

вии, опыт венгерских экономических реформ. Но в исторической ретроспективе единственным действительно эффективным примером консервативной альтернативы в реформировании социализма является китайская модель. Еще в 1988 г. Ота Шик язвительно писал о том, что пример Китая наглядно показывает ключевую роль именно политических преобразований в том смысле, что без ликвидации старой политической системы невозможно продвижение стратегии реформ: «Консерваторы боятся последовательных реформ в направлении рыночной социалистической экономики и прячутся за миф об угрозе социализму» [12: 366]. Но история расставила все по своим местам. Китай пережил свое собственное и не менее драматичное Пражское лето, символом чего стали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Но не ликвидация старой политической системы, а ее последовательная модернизация стала основой для реализации эффективной модели социализма с китайской спецификой.

Источники и литература

1. *Алексеев А.* Чехословакия, 40 лет назад // *Международная жизнь*. 2008. № 7. С. 123–138.
2. *Бальцеревич Л.* Навстречу ограниченному государству. М.: Новое издательство, 2007. 89 с.
3. *Вацулик Л.* Две тысячи слов. – Режим доступа: <http://smartpowerjournal.ru/080615/> – Дата обращения: 10 марта 2018.
4. *Гавел В.* Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. М.: Новости, 1991. 216 с.
5. *Голанд Ю., Некипелов А.* Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // *Российский экономический журнал*. 2010. № 6. С. 57–58.
6. *Летопись внешней политики СССР: 1917–1978 гг.* М.: Политиздат, 1978. 367 с.
7. *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. 287 с.
8. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Постановление Пленума ЦК КПСС. 1965 г. // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. М.: Издательство политической литературы, 1986. Т. 10. С. 440–454.
9. *Пражская весна и международный кризис 1968 г.* М.: Международный фонд «Демократия», 2010. 528 с.
10. Программа действий Коммунистической партии Чехословакии, принятая на пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г. // *Кентавр*. 1995. № 4. С. 78–84.
11. *Соколов Д. В.* Чехословацкий кризис 1968 г. как «управляемый скандал» // *Вестник РГГУ*. 2014. № 1. С. 211–218. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки.
12. *Шик О.* Весеннее возрождение – иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. 392 с.
13. *Dubcek A.* Z pamati. Nadej zomiera posledna. Bratislava: Národná obroda, 1998. 294 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Образ Н.Е. Бажановой – вдохновение для молодых ученых (Рецензия на корейское издание книги «Светлый мир Нatalia Бажановой»)

Natalia Bazhanova – a Muse for the Young Scientists (The review of the Korean edition of the book «Natalia Bazhanova: A Radiant Life»)

Д.О. Мосолова

Мосолова Дарья Олеговна, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра евразийских исследований им. Почетного доктора Дипломатической академии МИД России Н.Е. Бажановой ИАМП.

Аннотация: статья представляет собой рецензию на корейское издание книги, посвященной памяти выдающегося ученого, дипломата, педагога, корееведа Natalia Евгеньевны Бажановой (1947–2014 гг.).

Ключевые слова: Natalia Евгеньевна Бажанова, международные отношения, Россия, Республика Корея, КНДР, биография, память, воспоминания.

Abstract: the article represents a review of the Korean edition of the book dedicated to Natalia Bazhanova (1947–2014 гг.) – a brilliant scholar, educator, diplomat and expert in Korean studies.

Key words: Natalia Evgenievna Bazhanova, international relations, Russia, DPRK, Republic of Korea, biography, memory, reminiscences.

7 июня 2014 г. не стало одного из великих ученых, ценнейшего наставника, доброго и отзывчивого человека Natalia Евгеньевны Бажановой.

Ее уход стал невосполнимой потерей как для родных и близких, так и для друзей, коллег, многочисленных учеников, которых она обучила азам дипломатической деятельности; сейчас они являются известными деятелями науки и дипломатии. Труды этого замечательного корееведа помогли успешно защитить научные работы многим соискателям, в том числе бывшему президенту Республики Корея Ким Дэ Чжуну.

Список научных трудов Н.Е. Бажановой впечатляет. Автор 26 монографий, десятков разделов в коллективных работах, сотен статей – все это было написано на русском, английском или корейском языках. Наталья Евгеньевна продолжала заниматься научной деятельностью всю жизнь, и полный список ее научных трудов занимает не один десяток страниц. Следует акцентировать внимание на исследованиях Натальи Евгеньевны по корейской тематике, поскольку во многом благодаря ей российское корееведение в 1980-х гг. стало широко изучать не только КНДР, как это было традиционно принято в СССР, но и Республику Корею. Она была одной из первых ученых-востоковедов, кто открыто стал заявлять о необходимости установления связей с Южной Кореей и о том, что пришла пора перестать «смотреть на Южную Корею глазами Пхеньяна» [1: 45]. В начале 1980-х гг. подобные идеи еще не получали широкой поддержки, хотя среди поддержавших Наталью Евгеньевну были такие фигуры российской политики, как Е.М. Примаков, занявший в 1996 г. пост министра иностранных дел Российской Федерации. Впоследствии Н.Е. Бажанова подготовила множество аналитических материалов по тематике Южной Кореи, послуживших базой в МИДе для размораживания отношений с этим государством.

Однако неверно думать, что Наталья Евгеньевна при этом обделяла вниманием КНДР: она являлась одним из всемирно признанных специалистов и по северокорейским вопросам. Защитив в 1974 г. кандидатскую диссертацию по теме советско-северокорейского сотрудничества, Н.Е. Бажанова всегда держала КНДР в фокусе своего исследовательского внимания, детально прорабатывая, например, такую сложную тему, как, экономическая ситуация внутри КНДР (любой, кто занимался какими бы то ни было вопросами, связанными с внутренней политикой этой страны, знает, что из-за полной закрытости КНДР поиск и проверка информации по ней требуют очень серьезных усилий ввиду отсутствия официальной статистики, а многие официальные данные нуждаются в тщательнейшей проверке). В 1990-х гг. Наталья Евгеньевна приобрела заслуженную известность в Южной Корее как замечательный специалист своего дела. Супруг Натальи Евгеньевны, ректор Дипломатической академии Е.П. Бажанов, в своих воспоминаниях приводит много примеров о том, насколько авторитетным было ее мнение в интеллектуальных кругах Республи-

ки Корея. Дело доходило до того, что южнокорейские журналисты могли беспокоить ее телефонными звонками среди ночи, искренне надеясь получить комментарий по нужному им вопросу [4: 302].

В соавторстве с Евгением Петровичем Бажановым Наталья Евгеньевна написала большое количество работ. После ее ухода Е.П. Бажанов и команда сотрудников Дипломатической академии проделали огромную работу, собирая материалы для двухтомного издания «Светлый мир Натальи Бажановой» [3], увидевшего свет в 2015 г. Эти книги позволяют читателям не только познакомиться с биографией Натальи Евгеньевны, но составить представление о корейской проблематике. Спустя два года были опубликованы переводы этих книг на английский и корейский языки. Об англоязычном издании книги можно подробно узнать из рецензии заслуженного работника ДА МИД России, кандидата экономических наук П.А. Развина [2]; мы же остановимся на корейской версии.

С учетом заслуг Натальи Евгеньевны как ученого-корееведа, воспитавшего целое поколение специалистов в этой области не только в России, но и за рубежом (особенно в Южной Корее), издание «Светлого мира» на корейском языке являлось, без преувеличений, необходимостью. Книга была опубликована в 2017 г. российским культурно-образовательным центром «Пушкинский дом» в Сеуле. Она представляет собой сокращенную версию русскоязычного двухтомника, содержащую воспоминания о Наталье Евгеньевне тех ее российских друзей, коллег-дипломатов и учеников, которые связали свою жизнь с государствами Корейского полуострова, а также ее корейских коллег, кому посчастливилось с ней общаться и работать.

Первый раздел книги посвящен научным исследованиям Натальи Евгеньевны. В нем приведены некоторые ее работы: глава из коллективного научного сборника, вышедшего в Сеуле в 1992 г., по отношениям Москвы с Сеулом и Пхеньяном; ряд аналитических статей, опубликованных в период 1990-х – начале 2000-х гг. в южнокорейской газете «Сеул Синмун» (колумнистом которой она являлась). Они посвящены актуальным проблемам Корейского полуострова: политической ситуации в начале 1990-х гг., перспективам объединения Кореи, российской позиции в корейском вопросе и т.д. Приводятся и ее интервью, проясняющие позиции стран – участниц шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Пхеньяна.

Публикации этих материалов представляют собой большую ценность, позволяя корейскому читателю познакомиться с трудами Н.Е. Бажановой. Остановимся на них подробнее. В начале первого раздела корейского издания помещена глава из сборника, посвященного теме советско- и российско-корейских отношений, увидевшего свет в 1992 г. в Юж-

ной Корее [5]. В главе рассматривается история взаимоотношений Москвы, Сеула и Пхеньяна, начиная с момента образования Республики Корея и КНДР в 1948 г. Автор уделяет внимание истории образования двух государств после разделения Кореи, исторической роли, которую пришлось сыграть на полуострове США и СССР, роли отдельных личностей в этот трагический для Кореи период. Рассматривается Корейская война и послевоенное урегулирование на Корейском полуострове, при этом акцент делается на отношениях Ким Ир Сена с Москвой и на том, как менялась позиция Советского Союза в ходе войны; подробно освещаются все сложности взаимоотношений СССР и КНДР в этот период.

Необходимо сказать, что отношения этих двух стран никогда не были простыми, как это казалось на первый взгляд. КНДР не являлась сателлитом Советского Союза, несмотря на экономическую зависимость. Большую роль сыграл в судьбе своей страны и лично Ким Ир Сен. Получая значительную экономическую помощь Советского Союза, он проводил в своей стране самостоятельную внутреннюю политику, в чем-то опираясь на советские методы, а в чем-то – на свои решения. На этом и делает акцент автор, говоря о разногласиях СССР и КНДР, например в отношении Южной Кореи [4: 21].

Вопрос начала взаимоотношений СССР и Южной Кореи, каждый шаг которых в сторону друг друга сопровождался болезненной реакцией Пхеньяна, – отдельная тема данного исследования. Разрядка в отношениях Москвы и Сеула шла постепенно. Об их потеплении можно было говорить лишь в 1970-х гг., когда отношения СССР и КНДР стали менее близкими в силу комплекса политических причин. Важным событием, во многом подготовившим почву для установления дипломатических отношений Южной Кореи уже с Российской Федерацией в 1991 г., послужило участие сборной СССР в Олимпийских Играх в Сеуле в 1988 г. Для КНДР, бойкотировавшей игры, это явилось крайне неприятной неожиданностью [4: 34]. В дальнейшем, после распада Советского Союза, отношения КНДР и России на несколько лет практически прекратились, а с Южной Кореей, напротив, начали активно развиваться.

В целом данная глава представляет собой краткий и четкий экскурс в историю отношений СССР (и немного – России) с государствами Корейского полуострова после 1948 г., с приведением цитат из официальных документов, выступлений политических лидеров, ведущих СМИ трех стран, что, несомненно, представляет большой интерес для южнокорейских дипломатов, специалистов, студентов и просто читателей, интересующихся международными отношениями.

В этом смысле ценны и приведенные статьи, написанные Натальей Евгеньевной для южнокорейской газеты «Сеул Синмун». Корейский полу-

остров – место, где политические события меняются всегда непредсказуемо и стремительно. Сейчас мы имеем совсем другие две Кореи, отличающиеся от тех, о которых всего 20 лет назад писали специалисты. Иногда события происходят настолько быстро, что политическая ситуация кардинально меняется менее, чем за год. В Пханмунджоме, месте подписания перемирия в 1953 г. на 38-й параллели, 27 апреля 2018 г. произошла историческая встреча Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина, о которой ранее не могло быть и речи. Другой представляется нам Корея и в приведенных в корейском издании «Светлого мира» статьях: с иными мыслями об объединении, с иным подходом к решению ядерной проблемы, к политике – такой, какой она была в 1990-е гг. Автор тщательно исследует позиции России в подходах к ядерному оружию и вопросам объединения, обострению противостояния на полуострове после распада СССР, вопросам доверия КНДР по ядерному разоружению, политике администрации Б. Клинтона в отношении КНДР и т.д.

Многие статьи проникают вглубь политических вопросов и актуальны по сей день. Так, в одной из них Н.Е. Бажанова указывает на необходимость идеологической трансформации КНДР¹. При этом она пишет и о важности демократизации Южной Кореи, что впоследствии было претворено в жизнь ее самым известным учеником Ким Дэ Чжуном, занявшим в 1998 г. президентское кресло.

Именитому ученику посвящена одна из приведенных статей. В ней рассказывается о первой встрече семьи Бажановых и будущего южнокорейского реформатора, произошедшей в 1973 г. в Сан-Франциско. В 1990-х гг. он стал оппозиционным лидером Южной Кореи, а затем возглавил страну. Ким Дэ Чжун стал одним из наиболее успешных президентов Южной Кореи. Основы политики солнечного света в отношении Севера, которую он успешно претворял в жизнь, придя к власти, были прописаны в его докторской диссертации, которую под руководством Натальи Евгеньевны в 1992 г., за пять лет до своей победы на выборах, Ким Дэ Чжун защитил в Дипломатической академии МИД России.

В книге представлены и неполитические статьи, посвященные культурным особенностям корейского общества, изучению в Корее английского языка и т.д. Это, без сомнений, является крайне интересным материалом не только для иностранцев, которые изучают Корею, но и для самих корейцев, которые видят сейчас свою страну совсем иной. Все статьи написаны с большим теплом к далекой Корее: эти исследования были для автора не работой, а любимым делом, в которое она вкладывала свою душу.

¹ Несправедливо будет не сказать о том, что идеологическая трансформация КНДР стала происходить при Ким Чен Ыне; она происходит в рамках доктрин чучхе и сонгун, которые обуславливают политику КНДР, и не подразумевает демократизацию.

Завершают данный раздел два интервью, взятые у Н.Е. Бажановой в начале 2000-х гг. В первом из них она подчеркивала, что Россия всегда поддерживала лишь мирное решение конфликтных ситуаций на полуострове и не имела цели их обострять в отличие от США (интервью было дано после вступления в должность президента США Дж. Буша-младшего, сразу занявшего бескомпромиссные позиции в отношении КНДР). Второе интервью было взято у Н.Е. Бажановой в 2003 г., когда обстановка на Корейском полуострове уже дестабилизировалась. В нем кореевед говорила о единственном верном пути выхода из кризиса путем шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР с участием двух Корей, России, Китая, США и Японии, с последующем предоставлением КНДР письменных гарантий о ненападении.

Многие реалии, о необходимости которых говорила Н.Е. Бажанова в своих интервью, остаются актуальными и по сей день. Шестисторонние переговоры являются наиболее удачным форматом для решения вопроса, и Россия полностью поддерживает идею об их возобновлении (их последний раунд был проведен в 2007 г.). О необходимости предоставления письменных гарантий КНДР периодически заявляют и страны – участницы шестистороннего формата. Несмотря на кардинальные изменения, произошедшие на полуострове за два последних десятилетия, некоторые решения, о которых говорила Н.Е. Бажанова в приведенных интервью, все еще актуальны.

Второй раздел книги «Светлый мир Натальи Бажановой» представляет собой воспоминания друзей и коллег Натальи Евгеньевны, среди которых такие известные ученые, как И.В. Моргулов, А.В. Торкунов, Г.А. Ивашенцов, В.В. Михеев, Г.Д. Толорая, Е.Г. Пономарева. Очень важно, что воспоминания таких знаменитых людей и крупных специалистов о Наталье Евгеньевне были переведены на корейский язык, поскольку несправедливо было бы лишать корейских почитателей ее творчества возможности ознакомиться с ними. Все коллеги отмечают не только блестящий ум Натальи Евгеньевны, но и ее человеческие качества – доброту, отзывчивость, гостеприимство, желание помогать другим. Об этом говорят и ее южнокорейские коллеги – ученые, политики, журналисты, дипломаты, – воспоминания которых приведены в третьем разделе издания. Коллеги пишут о том, что даже во время отпуска она (вместе со своим супругом, Е.П. Бажановым) использовала каждую возможность для расширения своего кругозора, возвращаясь из каждого отпуска с огромным багажом новых книг и знаний. Научные интересы Н.Е. Бажановой никогда не останавливались на одной лишь Корее, они простирались на огромное пространство прежде всего стран АТР, но часто выходили и за его рамки.

Корейскую версию книги «Светлый мир Натальи Бажановой» завершает статья ее супруга, а также ряд приложений, из которых особенно хотелось бы выделить раздел с фотографиями. На них – Наталья Евгеньевна

в разные периоды своей жизни. Примечательно, что немало этих снимков было сделано в Республике Корея совместно с южнокорейскими коллегами, в том числе и с теми, кто предоставил свои воспоминания для издания. Приложения также содержат раздел, посвященный основным вехам биографии Натальи Евгеньевны и ее научному пути от студентки-первокурсницы МГИМО (тогда еще МИМО) до эксперта международного уровня в области межкорейских отношений.

Перевод всех материалов на корейский язык и сам факт их издания были необходимы для того, чтобы полноценно увековечить память о Наталье Евгеньевне. Но дело не только в этом. Корейский том «Светлого мира» важен еще и тем, что и в Корее молодое поколение должно знать, кто стоял у истоков успешно развивающихся российско-южнокорейских отношений, кто одним из первых стал смело, в суровую bipolarную эпоху, говорить о необходимости этого развития. Теперь у корейских студентов и молодых ученых, занимающихся Россией, появилась такая возможность.

Важно это еще и потому, что такие люди, как Наталья Евгеньевна, всегда являются примером для юных студентов, только вступающих на путь своей научной карьеры. В далеком 1964 г., после поступления в МИМО, ей достался корейский язык, несмотря на то, что она хотела учить хинди. Однако вместо того, чтобы опустить руки, она смогла через 20 лет в каком-то смысле изменить взгляд на тогда еще советское корееведение, рассказать всем о необходимости сотрудничества с Южной Кореей. И ее услышали. Очень приятно то, что об этом помнят и в самой Южной Корее. Мы надеемся, что корейское издание «Светлого мира» даст возможность узнать еще большему количеству студентов об этой необыкновенной женщине, образ которой ассоциируется не только с наукой, но и с красотой, светом, добром.

Источники и литература:

1. *Бажанов Е.П.* «Корейский разворот» Е.М. Примакова // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 1 (7). С. 31–50.
2. *Развин П.А.* Образ, продолжающий светить: Рецензия на англоязычную версию книги «Светлый мир Натальи Бажановой» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 3 (13). С. 124–127.
3. Светлый мир Натальи Бажановой: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Бажанова. Дипломатическая академия МИД России. М.: Весь Мир, 2015. Кн. 1. 624 с. + ил.; кн. 2. 548 с. + ил. (Российские учёные-международники).
4. 러시아의 한국학자 바자노바 박사의 찬란한 세계. Светлый мир Натальи Бажановой: Перевод на корейский язык Ким Сон Мёна и Ом Се Бома. Республика Корея: Pushkin House, 2017. 344 с.
5. *Bazhanova Natalia.* North Korea and Seoul-Moscow relations. Korea and Russia. Toward the 21st Century. Seoul: The Sejong Institute, 1992. P. 315–352.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные в редакцию материалы по тематике журнала для возможной публикации.

Редакция информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О., место работы и должность, наличие ученой степени, имя и название статьи на английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. Объем статьи не должен быть менее 20 тыс. знаков и не превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами) без учета аннотации. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей.

В конце каждая статья сопровождается нумерованным перечнем использованных источников («Источники и литература»), оформленным в соответствии с ГОСТ 7.1-2003:

– для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. С.

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) № . С.

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). – Режим доступа: (http, не URL). – Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год.

Или

2) Название сайта. – Режим доступа: (http, не URL). – Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год. (Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.)

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Источники и литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**: 12] или [**8**: 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки – примечания – должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- название статьи;
- название статьи на английском языке;
- фамилия и инициалы автора;
- сведения об авторе;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- источники и литература;
- полное имя автора на английском языке.

Главный редактор — *Т. А. Смирнова*
Художник — *Т. И. Такташов*
Верстка — *Н. А. Кирьянова*
Корректор — *О. Л. Грозовская*

Ответственный за выпуск — *О. Л. Грозовская*

Научный периодический журнал

Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир

2018. № 2(16)

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Подписано в печать 22.06.2018. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30